

Камиль Фарухшинович Зиганшин, путешественник, писатель родился 15 марта 1950 года в Башкирии в посёлке Кандры. Автор книг о диких животных «Маха или История жизни кунички», «Боцман», «Щедрый Буге», «Возвращение росомахи», романов о староверах «Скитники», «Золото Алдана» и многочисленных очерков о малоизвестных уголках планеты, включая книгу «От Аляски до Эквадора».

Председатель Башкирского отделения Русского географического общества, учредитель Фонда поощрения граждан и организаций, занятых защитой диких животных, заслуженный работник культуры РФ и РБ, член Союза писателей России, лауреат ряда российских литературных премий, включая Государственную имени Салавата Юлаева. Живёт в Уфе.

Отец пятерых детей.

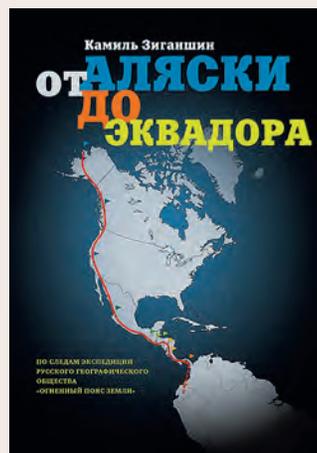
КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

НА
ОБРАТНОЙ
СТОРОНЕ
ЗЕМЛИ

издательство
Unesh

СОДЕРЖАНИЕ

Перу	6
Боливия	62
Чили	88
Коварный Аконкагуа	104
Бразилия	140
Аргентина	154

ПРЕДИСЛОВИЕ

Детские мечты не имеют границ, и мне с малых лет хотелось узнать, что скрывается за линией, отделяющей небо от земли. Представлялось, что именно за ней самые таинственные, самые загадочные края.

Чтобы проверить это я уже во втором классе совершил первое самостоятельное «путешествие». В солнечный, безветренный день в октябре 1958 года вместо школы отправился к Синей сопке, что на окраине Хабаровска в километрах шести от нашего военного городка. Подъём на её вершину изрядно утомил, но открывшаяся панорама заставила забыть об усталости — во все стороны разбегались лесистые отроги исполинского (так мне показалось) хребта. Как позже узнал — хребта Хехцир. Восторг и восхищение от увиденного были столь велики, что захотелось раскинуть руки и, взлетев, долго-долго парить над этой красотой. С той поры я заболел горами, тайгой.

С рисования самолётиков и танков резко переключился на рассматривание физических карт, покрытых шрамами горных кряжей, изрезанных голубыми артериями бесчисленных рек и речушек, представлял, как пробираюсь сквозь непролазные дебри, карабкаюсь на скалы, переправляюсь через горные потоки, мчусь на лодке по порогам. После восьмого класса эти виртуальные путешествия перешли в разряд реальных, и я всё лето проработал рабочим в геологической партии.

Всего за тридцать лет, начиная с 1965 года, прошёл десятки маршрутов по Дальнему Востоку, Восточной Сибири, Уралу, а с 1995 года стал активно осваивать экзотические уголки за пределами Отечества. Поездки в вылизанную Европу быстро приелись. Переключившись на Азию с Гималаями и Тибетом, Африку с Килиманджаро, национальными парками, масаями, я получил столь мощный эмоциональный заряд, что захотелось заглянуть на обратную сторону Земли — таинственный материк Южная Америка.

Благосклонная судьба предоставила такую возможность — свела с одним из самых титулованных туристов России — Николаем Рундквистом. Став участником организованной им экспедиции в Аргентинскую Патагонию и на Огненную Землю, я в 2008 году впервые ступил на этот полный загадок и необычных природных объектов континент. И был так очарован им, что возвращался к нему не единожды...

В 2011 году Русское географическое общество приняло решение снарядить кругосветную экспедицию «Огненный пояс Земли», охватывающую всё побережье Тихого океана общей протяжённостью около 70 тысяч километров. Мне посчастливилось участвовать в двух первых этапах и познакомиться не только со многими странами Центральной и Южной Америки, но и Северной, включая Аляску.

Впечатления и фотографии, полученные при прохождении этого маршрута, представлены в книге «От Аляски до Эквадора».

В этой книге я расскажу о странах Южной Америки, в том числе и о самом южном постоянном поселении людей на планете Земля — городке Ушуайя, расположенном на берегу пролива Дрейка, отделяющем Южную Америку от Антарктиды.

ПЕРУ

— 2010 год —

площадь 1 285 216 кв. км

население — 31,8 млн человек (2016 г.)

столица — Лима

ПАЧА-МАМА*

ИТАК, ПЕРУ! Первый день посвятили знакомству с её столицей — Лимой. Конкистадоры основали этот город в 1535 году как опорный пункт для колонизации империи инков. Он быстро превратился в центр всех испанских владений в Америке. Старых, с многовековой историей построек в городе сохранилось мало: большая часть разрушена мощными землетрясениями 1687 и 1746 годов.

Если честно, город не впечатлил. Единым архитектурным комплексом смотрится лишь центральная часть с Пласа де Армас — Площадь Оружия. (Площади с таким названием имеются практически в каждом городе Латинской Америки.) Её всегда обрамляют самые красивые здания. В Лиме — это внушительных размеров президентский дворец, построенный в готическом стиле. (К торжественной и красочной церемонии смены почётного караула в 11 часов 45 минут мы с моим верным другом Эмилем Ждановым, владеющим испанским языком, к сожалению, не успели). Напротив — старейший кафедральный собор Санто-Доминго (построен в 1564 году). Именно здесь, в небольшой часовне, захоронены останки завоевателя империи инков — Франциско Писарро.

Справа, через дорогу от дворца президента, внушительное трёхэтажное здание Союза писателей Перу. Похоже, руководители государства понимают, что без культуры немислимо хозяйственное процветание страны. (Позже, гуляя по городу, мы убедились, что и книжных магазинов в Лиме не меньше, чем у нас аптек.)

Чуть дальше, через дорогу, бело-жёлтый монастырь Сан-Франциско, построенный в мавританском стиле. Здесь служат Богу и молятся о спасении душ грешников тридцать пять монахов. Главная достопримечательность монастыря — катакомбы с глубокими, выложенными кирпичом, цилиндрическими колодцами-могильниками, почти доверху заполнен-

* Пача-Мама на языке индейского племени кечуа означает — Мать Земля. Это одно из самых почитаемых божеств у инков. Главное божество среди них Виракоча — Творец Вселенной. От него и его жены произошли сын Инти (Солнце) и дочь Мама-Килья (Луна), давшие в XV веке начало верховной, наследственной касте инкской империи.

Дом перуанской литературы в Лиме

ными костюмами умерших. До открытия городского кладбища в них успели похоронить 75 тысяч человек.

В современной части города самое высокое сооружение — министерство юстиции (помпезная громадина с массивными мраморными колоннами). Большинство же строений из соображений сейсмоустойчивости — невысокие, малоэтажные.

Стили смешанные, а палитра чрезвычайно разнообразна: от жёлтого с фиолетовым до зелёного с оранжевым. Фасады домов зачастую опоясаны длинными, украшенными ажурной резьбой, балконами из морёного дерева. Парков и скверов мало. Дороги изобилуют «лежачими полицейскими». Несмотря на это, стиль езды здесь ещё более лихой, нежели в Мексике.

Потрясает половодье такси — они составляют не менее 70% от общего числа автомобилей! Стоит остановиться у дороги, как возле тебя тут же тормозит пара-тройка комфортабельных машин. К услугам горожан победней — юркие мототакси.

На каждом углу по два-три чистильщика обуви. Перуанцы сумели превратить это прозаическое действие в полезное и приятное времяпрепровождение: пока чистильщик доводит до ослепительного блеска туфли, клиент и пару газет прочтёт, и с друзьями по телефону пообщается.

Знакомясь с историческим центром города, мы дошли до площади Плаза де Сан Мартин с великолепной конной статуей в центре. Место оказалось до того уютным и приятным, что позволили себе посидеть с полчаса в тени ветвистых деревьев, лакомясь заодно фруктовым мороженым.

Застроенная виллами береговая линия обрывается в Тихий океан неприступной скалистой стеной высотой не менее пятидесяти метров. Попасть на узкие галечные пляжи можно только по двум оборудованным лестницами спускам, отстоящим друг от друга на расстоянии не менее двух километров.

Хосе — хозяин хостела, в котором мы остановились, предупредил, что на улицах полно карманников, но на нас подзаработали не они, а фальшивомонетчики. При покупке у уличного торговца географической карты Перу я получил сдачу со ста долларов (меньшей купюры у нас на тот момент не оказалось) качественно отксерокопированными банкнотами. Когда в следующем магазине стал рассчитываться ими, кассирша со словами «фальшо, фальшо!», невзирая на мои протесты, принялась решительно кромсать их ножницами.

Вскоре подмоченная репутация Лимы была восстановлена при необычных обстоятельствах. Вид одного резного балкона до того поразил меня, что мне захотелось непременно сфотографировать его. И (о ужас!) обнаруживаю, что фотоаппарата нет. Лихорадочно вспоминаю: «Пятнадцать минут назад я снимал им скульптуру закованного в латы конкистадора. После этого мы прошли два квартала и заходили в два магазина. «Ну, — думаю, — в одном из них и срезали!»

Найти аппарат шансов практически не было, но Эмиль сумел убедить меня вернуться. Зашли в один — безрезультатно! Во втором же продавщи-

ца с очаровательной улыбкой протянула мне... «Сапоп». В порыве признательности я высыпал ей горсть монет, но и они оказались «фальшо».

Ужинали в кафе под открытым небом. Поразило то, как много едят перуанцы. Недаром они вместо «приятного аппетита» (он их, похоже, никогда не покидает) желают друг другу «приятного приёма пищи». Ещё больше поразило то, что за многими столиками велись шахматные баталии! Присмотрелись — уровень игры вполне приличный. Вот это да! Горожане за ужином играют в шахматы, а писатели проводят творческие встречи в старинном особняке рядом с президентским дворцом!

В хостел возвращались через парк имени Кеннеди. Остывающий диск солнца коснулся обугленного плеча горы и крутым желтком скатился в провал. Стемнело быстро, практически за две-три минуты. В центре парка нас ожидал сюрприз, живо напомнивший картину из далёкого детства: на краю амфитеатра играл оркестр, на площадке танцевали разновозрастные пары, а остальные горожане (человек триста), расположившись на скамейках,

с упоением пели под оркестр. И надо заметить, это были народные песни. Всё протекало так непринуждённо, что и нам захотелось присоединиться к ним. Царящая здесь тёплая, сердечная атмосфера, объединяющая этих, судя по всему, малознакомых людей в единую общность, тронула нас до глубины души.

На следующий день, лишь только солнечный луч поцеловал кресты на храмах, и те в ответ благодарно засияли, мы выехали в Паракас — крохотный городок на полуострове, глубоко вонзившем в Тихий океан свой острый коготок. Оттуда мы отправимся к заповедным островам Балестас.

Дорога пролегла вдоль побережья Тихого океана по бесплодной, безводной холмистой пустыне, покрытой песком и щебнем. (Местами вдоль дороги появлялись ряды лачужек, напоминающих наши карликовые садовые домики конца шестидесятых годов, только не дощатые, а из шлакоблоков. Вокруг каждого заборчик из какой-то крупноячеистой сетки. Людей не видно, насаждений тоже. Подобные «поселения» мы встречали впоследствии не раз и недоумевали: к чему эти жалкие «строения» на раскалённом песке. Разгадка оказалась весьма банальной: бизнес. Поясню: панамериканскую автомагистраль — гордость двух континентов — собираются расширять, и состоятельные перуанцы заблаговременно скупили прилегающую к дороге землю. Эти «постройками» они имитируют её освоение. Когда начнётся расширение трассы, хозяева получат от генподрядчика приличную компенсацию за землю и снос недвижимости.

Паракас — городок необычный: жилые кварталы состоят из приставленных друг к другу кубиков, накрытых общей бетонной крышей, заваленной сверху всевозможным хламом. Во дворах (над ними эта обширная крыша всё же имеет разрывы) бардак ещё хлеще. Ощущение хаоса усиливают торчащие вверх прутья ржавой арматуры. Возможно, кто-то планирует в будущем

надстраивать вторые этажи, но главная причина, побуждающая имитировать незавершённость строительства, связана с тем, что налог на недвижимость в Перу платят только за законченные объекты.

К островам Балестас, где находятся лежбища морских львов, нас доставил быстроходный катер. При выходе из залива «проскакали» по гребням метровых волн мимо крупной военно-морской базы. Примыкавшая к ней овальная бухта забита эсминцами, грозно ощерившимися стволами пушек и кассетами торпед. Посреди узкой горловины виднелась рубка подводной лодки.

Выйдя в открытый океан, увидели на высоком покатом каменистом берегу борозды. Когда отплыли подальше, стало понятно, что это стилизованное изображение кактуса, занимающее площадь не менее двух гектаров. Моторист утверждал, что оно красуется здесь ещё с доинкских времён и в старину служило для мореплавателей своеобразным дневным маяком.

Острова — покатые, буро-коричневые горбы, внутренности которых изъедены гrotами и нишами, — встретили нас невообразимым рёвом, издаваемым развалившимися на камнях сотнями морских львов и львиц. Между их коричневых лоснящихся туш ползали чёрными головастиками недавно родившиеся малыши.

Когда подплыли совсем близко, с высоко нависавшего карниза скатилось несколько увесистых камней, не причинивших, к счастью, детёнышам (мамашам и папашам тем более) вреда. Один из валунов упал в воду, обдав нас веером солёных брызг.

Вокруг хозяина самого большого гарема — громадного льва, заметно выделявшегося крупной головой и густой

«Канделябр Паракаса».
Огромный одиночный геоглиф в виде трезубца на северном склоне гор полуострова Паракас. Также его называют Андским Трезубцем и Трезубцем Паракаса

гровкой, — нежилось не менее двух сотен самок, одетых в более светлые шубки. Справа и слева гаремы помельче. На особняком стоящей скале, похожей на клык доисторического чудовища, распластался ещё один громада. Увы, бедняга проиграл битву за право обладания лучшим гаремом и теперь зализывал раны в одиночестве.

Отлогие макушки островов оккупированы полями птичьих колоний. Пернатых на них такое множество, что, когда они вдруг поднимаются в воздух, небо чернеет. Ветер доносит от их гнездовой не только неумолчный гвалт, но и нестерпимую вонь.

На уступах скалистого мыса замечаем несколько пингвинов. Общипанные, измятые. Похоже, здешний климат им не подходит.

На обратном пути завернули в живописную бухточку, защищённую от прибоя цепью скал. Здесь, в уютном кафе, полакомились севиче — национальным блюдом из сырой рыбы и морепродуктов, выдержанных минут десять в соке лайма. По вкусу оно напоминает дальневосточную талу, но по-

острее. Перекусив, поныряли, поплавали. Это вызвало изумлённые возгласы: из-за холодного перуанского течения местные жители здесь не купаются.

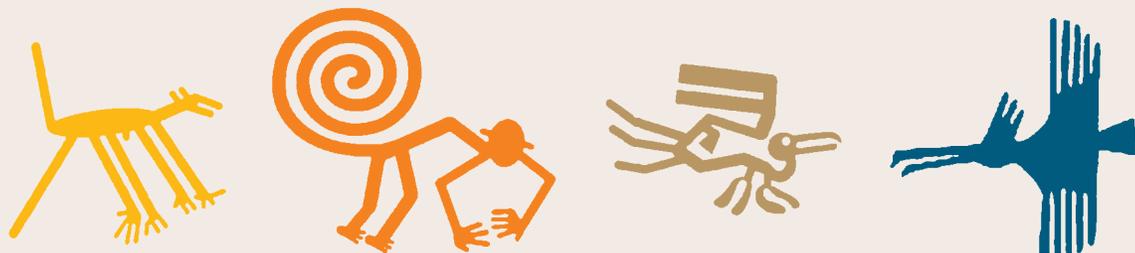
Каменистая пустыня, начиная от небольшого городка Ика, постепенно трансформируется в песчаную. И вот под чисто выметенным лучами солнца ультрамариновым сводом уже дыбятся волна за волной громадные барханы. Когда-то восхитившие меня в Арабских Эмиратах дюны были высотой до семидесяти метров, а тут не редкость за двести! Удаляясь на юго-восток, они образуют полноценную горную систему с пиками, отрогами, перевалами, ущельями, седловинами из чистейшего песка. Человек на фоне этих песчаных громад сам выглядит крохотной песчинкой. В царящем здесь безмолвии, кажется, слышишь, как шуршит, стекая по склонам, время.

Вдруг барханы слегка расступаются, и нашему взору открывается пальмовый оазис с белыми хижинами и живописным водоёмом посредине, а вокруг... крутые песчаные скаты. Впечатляющая картина! Самое удивительное то, что деревушку до сих пор не замело срываемыми с гребней шлейфами песчинок!

В самом оазисе царили тишина и покой. Всё млело и купалось в ласковых объятиях солнечных лучей. Слабый ветерок приятно охлаждал лицо. Я с завистью наблюдал, как по склону самого высокого «отрога» неслись на досках сандбордисты. Один из них на вираже упал, вздыбив тучи песка, но через несколько секунд он вновь на ногах и как ни в чём не бывало «летел» вниз. (В горах, на снежных трассах, падение на такой скорости завершается переломами.)

Оазис Уакачина

ПЛАТО ПАМПА-ДЕ-НАСКА

ПЛАТО ПАМПА-ДЕ-НАСКА и город НАСКА отгорожены от мира высокими горными цепями. Дорога через них — это головокружительный серпантин, обставленный, подобно пасти хищного зверя, остроконечными зубьями скал. Сначала она долго взбирается на водораздельный гребень, а затем ещё дольше спускается по склонам глубоких ущелий.

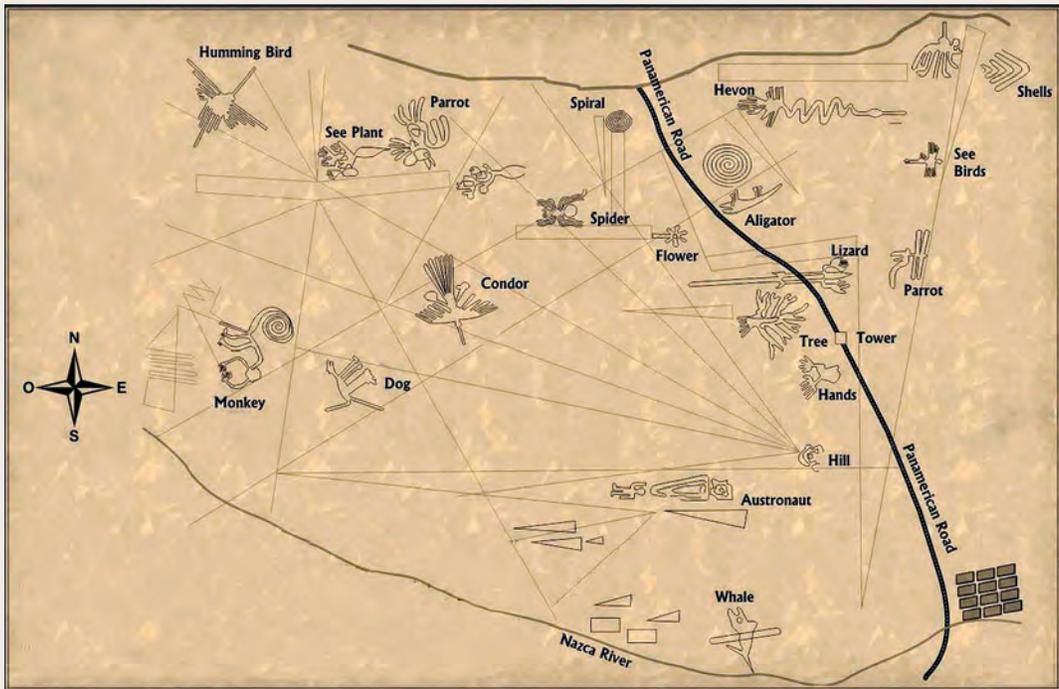
Здесь часты камнепады, и рабочие вынуждены постоянно курсировать по автотрассе, освобождая проезд от упавших глыб. Восхитил образцово-опрятный вид дорожных пролетариев: все в новеньких касках, на ярко оранжевых комбинезонах ни единого пятнышка, на лицах белоснежные маски. Техника безопасности и культура производства на высочайшем уровне!

С водораздела открылось абсолютно ровное, как будто по нему прошёлся гигантский каток, плато Пампа-де-Наска. Его длина — семьдесят, ширина — три километра. Лётчики лишь только в 30-х годах XX века разглядели на красноватой почве, словно вычерченные гигантской рукой, желтовато-белые треугольники, трапеции, спирали; длинные прямые борозды, сходящиеся и вновь расходящиеся в определённых точках. От некоторых борозд отходят лучи покороче, что делает их похожими на оперение стрелы. Посреди этого невообразимого хаоса выделяются чёткие рисунки гигантских птиц вперемежку с диковинными животными.

Но всю эту исполинскую картинную галерею можно лицезреть только с высоты птичьего полёта. Возникает вопрос: «Для чего это делали люди, не имеющие летательных аппаратов и даже не знавшие колеса?» Почему ставка делалась на «небесных зрителей?» Невольно напрашивается предположение: а не является ли это плато космодромом для инопланетных кораблей или летательных аппаратов более развитой, неизвестной нам цивилизации.

Немецкий математик, профессор, выдающаяся подвижница Мария Райхе в результате сорокалетних (!)

* Часть учёных полагает, что колесо инки всё же знали, но по их верованиям использование в рабочих целях круга, являющегося воплощением божественного Солнца, считалось святотатством.

Мария Райхе в результате сорокалетних (!) исследований составила полное описание рисунков плато Наска

исследований составила полное описание рисунков плато Наска. Для этого она пешком прошла по всем бороздам и нанесла их на карту. Ею было доказано, что они относятся к V–VI векам нашей эры. То есть фигуры существовали задолго до образования империи инков.

Споры об их назначении не утихают до сих пор. Кто и зачем отважился на этот титанический труд, украсив многокилометровый каменный холст десятками фигур и линий, многие из которых трудно охватить взглядом даже с высоты птичьего полёта? Как им удалось не нарушить пропорций? Вопросов много, но точного ответа нет.

Кто-то выдвинул теорию, что это гигантский астрономический календарь. (Интересно, как же им пользоваться, если люди не в состоянии видеть даже самый маленький рисунок?) Другая группа учёных предположила, что они предназначались для сбора энергопоток и астральных полётов жрецов.

Сторонники третьей версии полагают, что эти рисунки имеют ритуальный характер и использовались для религиозных церемоний или для факельных шествий вдоль контуров животных. Проходя по ним, человек проникал в сущность изображённого существа или в магический смысл геометрической фигуры.

Один из учёных обратил внимание на то, что рисунки выполнены одинарной линией, которая нигде не пересекается и не прерывается. Это навело его на мысль, что линии Наска являются собой электрическую схему: чтобы

цепь работала, «провод» не должен ни пересекаться — иначе будет короткое замыкание, ни прерываться — произойдёт разрыв цепи.

Кому-то по душе пришлась версия о том, что вырубленные в каменной почве борозды — это разветвлённая оросительная система. Вполне возможно, если учесть, что осадками этот засушливый край не избалован. Но мне больше импонирует гипотеза, что это взлётно-посадочные полосы космодрома со знаками для инопланетных кораблей. Если принять её за основу — выстраивается логичная цепочка, объясняющая многие загадки Южной Америки. Эту гипотезу подтверждают и раскопки города Караль, процветавшего здесь пять тысяч лет назад. В нём обнаружили следы, свидетельствующие о существовании в этом крае письменности, хорошо развитой металлургии, медицины.

Водой город Наска обеспечивают родники, бьющие высоко в горах. По рукотворным подземным каналам — акведукам — диаметром около одного метра, она стекает в городские накопительные резервуары, из которых поступает в водопроводную сеть. Раз в год в октябре, в самое засушливое время, эти каналы очищают профессиональные чистильщики. В них

По рукотворным подземным каналам — акведукам — диаметром около одного метра, вода стекает в городские накопительные резервуары, из которых поступает в водопроводную сеть

они проникают через воронки глубиной в четыре-пять метров по спиральным спускам, плотно облицованным валунами. Вся эта система водоснабжения бесперебойно работает уже 2000 лет! Что тут скажешь? Можно только восхищаться мастерством древних строителей!

Сегодня в городе прохладно — всего лишь плюс 33 градуса (в январе постоянно было за 40). На аэродроме купили билет

на пятиместный самолёт «Сессна» — с него будем разглядывать и фотографировать линии Наска — и, поскольку до вылета было ещё четыре часа (на более раннее время все билеты уже распроданы), заглянули во дворик близлежащей старательской артели, заваленный кучами золотосодержащих пород. Несколько человек измельчали и промывали её в чанах. Затем порциями засыпали в ёмкость, напоминающую таз, и тщательно перемешивали с ртутью. В результате каждая золотинка, вплоть до мельчайшей, прилипла к её капелькам. Ртуть сливали в мешочек из плотного шёлка и руками выжимали. Просачиваясь сквозь ткань, она капала на дно фарфоровой чаши, а крупинки жёлтого металла оставались мерцающим пятнышком на шёлке.

Мы попытались втолковать золотодобытчику, что испарения ртути вредны для здоровья, что работать надо хотя бы в маске, но он в ответ лишь улыбался.

Всего артель из пяти человек намывает за год полкилограмма золота. Сдают его государству по цене 30 долларов за грамм. Итого годовой заработок составляет не более 15 тысяч долларов на всех.

— Это ж совсем мало! — удивился Эмиль.

Индеец замылся и достал из-за пазухи тряпицу. Аккуратно развернул: на стол звонко брякнулись чисто вымытые самородки.

— Вот это да! — не удержавшись, воскликнул я.

Индеец довольно ухмыльнулся.

Возвращаясь на аэродром, завернули на кладбище, огороженное хлипким заборчиком — место раскопок. Сквозь щели увидели несколько вскрытых могил. В них просматриваются сидящие мертвецы с длинными волосами. Один из них устрасюще оскалится, демонстрируя жёлтые зубы. Жутковатая картина! Не дай бог в научных целях разроют когда-нибудь и мою могилу и станут демонстрировать толпе любопытствующих пустой череп, облепленный клочьями седых волос. Эх! И мёртвым нет покоя в этом мире...

Покидая изрытый пантеон, заметили, что на город стремительно движется коричневый вал. Вскоре всё погрузилось в жёлтую мглу. Вихрастые смерчи, пронесаясь между домов, засыпали крыши и улицы песком. На зубах противно заскрипело. Мы натянули на головы рубашки и наблюдали за буйством стихии. На наше счастье, длилось она недолго.

Точно в назначенное время белый одномоторный самолёт понёс нас в голубую высь. В течение получаса мы азартно фотографировали распростёртые на плато стрелы-указатели, циклопические фигуры кондора, длинноносой колибри, зловещего тарантула, обезьяны со скрюченными пальцами и свёрнутым спиралью хвостом, а на склоне холма — силуэт то ли астронавта, то ли водолаза в скафандре.

Пилот заходил на каждую фигуру по два раза, чтобы видно было сидящим как справа, так и слева. Пролетая над очередным творением древних, он восторженно кричал:

— Смотрите, смотрите! Лягушка! А это обезьяна!

При этом самолёт так стремительно нёсся к земле, что мы с трудом сдерживали подступавшее к горлу содержимое желудков. Казалось, столкновения не избежать, но в последний миг жизнерадостный летун тянул штурвал на себя, и мы взмывали вверх, чтобы через несколько секунд под новые эмоциональные выкрики пикировать к следующему рисунку. Они мелькали с такой калейдоскопической быстротой, что не было никакой возможности прочувствовать, осмыслить увиденное — едва успевали щёлкать затворами фотоаппаратов.

Из самолёта вышли, шатаясь, словно пьяные. Расставаясь, долго трясли руку воздушного инквизитора — выражали переполнявшую нас благодарность за то, что оставил в живых.

Я немало повидал необычного во время странствий, но после посещения плато Наска особенно остро осознал, как мало знаем мы свою планету, как много ещё не разгаданных тайн хранит она.

АРЕКИПА

РАННЕЕ УТРО. Едем, постепенно набирая высоту, на юг по очередному пустынному и ровному, как стол, плато. Справа Тихий океан, слева безмолвными стражами стоят выветрившиеся останцы доисторических вулканов. Из-за них выглядывают высоченные конусы молодых, частью беловерхих. Вот впереди показался мощный горный узел, украшенный прожилками снега. Смотрю на карту — высота большинства пиков превышает 5000 метров!

Для нас уже очевидно: территория Перу между Тихим океаном и Андами* — это раскалённое, безводное плоскогорье, покрытое светлыми лентами и котловинами, — всё, что осталось от высохших много веков назад рек и озёр. Пейзаж напоминает Гималаи и Сахару одновременно. Здесь всё застыло в скорбном ожидании милости небес: повезёт — упадёт капля, и уже через полдня выстрелит травинка!

* В Южной Америке Кордильеры, тянущиеся вдоль всего тихоокеанского побережья американских континентов, обычно именуют Андами.

Наконец чёрная лента асфальта уткнулась в подножье поперечного отрога, и мы ныряем в чёрный зев тоннеля. Несколько минут тьмы, и перед нами открывается совершенно иной мир: цветущая, плодородная долина вся в изумрудных заплатках садов и маисовых, то бишь кукурузных, полей. На одних ростки только проклюнулись, на других уже топорщатся во все стороны початки. Проезжаем несколько плантаций с лопухими кактусами: из них что-то вырабатывают для нужд косметической промышленности.

А вон и белые дома, похожие на ступенчатые кубики, появились — город Арекипа. Он окружён высоченными вулканами во главе с неразлучной парочкой — заснувшим Чачани (6075 м) и действующим Мисти (5822 м). Межгорной впадины городу уже не хватает, и новые постройки буквально вгрызаются в склоны вулканов. (Отчаянный народ — а если вулкан рванёт?!)

Среди городских зданий особенно впечатлил автовокзал. Размером с приличный аэропорт. И порядок такой же строгий: регистрация, досмотр, бирки на багаже. Для пассажиров каждого рейса отдельный холл с кожаными креслами, бесплатным чаем, подаваемым вышколенными официантками.

Исторический центр бережно сохраняется, ничто не нарушает дух колониальной эпохи. Торговые точки одного и того же профиля сгруппированы на одной улице. Например, улица только с обувными магазинами, другая — с винными, следующая — с продуктовыми. Я не заметил в них разницы ни в ассортименте, ни в ценах. Невольно возникает вопрос: а в чём смысл такой сверхконцентрации? Мне кажется, магазинный разнობой удобней для покупателя. Ведь что получается? Если тебе надо купить пять разных видов товара, то придётся обойти пять улиц.

Судя по тому, что внутри магазинов (так же, как в отелях и иных местах общего пользования) висят таблички с указанием места, где безопасней стоять во время землетрясения (зелёный квадрат с белыми полосками и латинской буквой «S» посередине), трясёт здесь частенько.

В Арекипе ещё раз убедился: книги у перуанцев в почёте — книжные магазины повсюду.

Оказавшись на окраине города, заглянули в хорошо сохранившийся дом помещика XIX века. Теперь в нём музей. Побродили по комнатам и саду с диковинными плодами. Должен признать, что в прежние времена состоятельные люди обустраивали свои жилища красиво и удобно.

На следующий день старенький микроавтобус повёз нас по ухабистой и пыльной гравийке в глубь Анд к каньону Колка, прославившемуся тем, что в нём обитают сотни громадных кондоров.

Дорога проходила через столь величественные хребты, что на ум невольно приходили строки Чуковского: «А горы всё выше, а горы всё круче, а горы уходят под самые тучи...» На каменистых склонах ни травинки. На высоте 3200 метров, наконец, затопорщились первые кактусы. После подъёма ещё на 100 метров к ним прибавились пучки травы. По мере набора высоты она становилась всё гуще и гуще — здесь горы как ловушки — заставляют проплывающие облака оставить всю влагу на вершинах.

альпака

гуанака

лама

викунья

Вот и пугливые викуньи, ближайšie родственники лам, пробежали. Напоминают наших грациозных косуль. Такой же светло-коричневый окрас с белым «зеркалом» под коротким, задранным кверху хвостиком. Только безрогие.

Перед перевалом въезжаем на территорию национального парка Пампа Каньяхуас. Здесь обитают все виды рода лам семейства верблюдовых Америки: альпаки, викуньи, гуанаки и, собственно, ламы.

Наиболее ценным видом считаются викуньи. У них самая тонкая в мире шерсть — волоски в 10–12 микрон толщиной! Несмотря на многовековые усилия, они так и не поддались одомашниванию. Наверное, ещё и по этой причине их тёплая, нежная шерсть так высоко ценится: один килограмм стоит 500 долларов.

Во времена инков численность викуний достигала двух миллионов голов, а к 1960 году этих животных осталось не более пяти тысяч. В настоящее время благодаря принятым мерам (за убийство викуньи наказание в Перу строже, чем за убийство человека!) их поголовье восстанавливается и уже достигло 200 тысяч особей.

У гуанако, наиболее сильных и выносливых в этом семействе, волос чуть толще. Самые многочисленные представители семейства — альпаки, — очень похожи на длинноногих овец. Они источник не только шерсти, но и великолепного мяса.

Ламы — наиболее крупные, и шерсть у них погуще. Их используют в основном как вьючных животных. При этом вес поклажи не должен превышать 30–40 килограммов. Если больше — лама ложится и не встаёт, пока не уменьшат груз до установленной ею самой «нормы».

Затяжной перевал через главный водораздел (его именуют «Окно Колки») находится на отметке 4710 метров! Тут всё ещё стоят хорошо сохранившиеся древние жилища индейцев племени кечуа. Они похожи на войлочные башкирские юрты, только сложены из плитняка.

Выйдя пофотографировать отроги самой молодой на планете горной системы, с наслаждением вдыхаем чистейший воздух, настоящий на травах, и любуемся бескрайностью открывшейся панорамы.

От переполнявшего сердце восторга и ошеломляющей высоты я представил себя птицей и, взмыв в поднебесье, мысленно полетел над разбросанными в диком беспорядке кряжами, ущельями. Эмиль тоже взволнован и от избытка эмоций декламирует Тютчева:

*«Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...»*

От романтических фантазий меня отвлекла севшая на голову пичуга. Весело присвистнув, она дёрнула волосок. От неожиданности я взмахнул рукой. Отважная птаха перепорхнула на камень и принялась возмущённо отчитывать меня за бестактность...

Через полчаса, петляя по головокружительному серпантину Восточных Кордильер, начинаем спуск к долине реки Колка. Тут повсюду густой лес. После бесконечных песчано-каменных безжизненных пустынь такое буйство зелени шокирует.

Из-за резкого спуска в затылке запульсировала нарастающая боль, подступила тошнота. Кто-то из сидящих сзади попросил водителя сделать остановку. Все обрадовано поддержали, и вскоре мы вылезли из машины.

Густой лес звенел от беззаботных трелей птиц. Я пытался сфотографировать стайку жёлто-зелёных пичужек, но мне никак не удавалось приблизиться для хорошего кадра. Время шло. Преследуя их, изрядно удалился от машины. Пора было возвращаться. Тем более что аккумулятор фотоаппарата «сдох». Чтобы смочить слюной его контакты (это иногда помогает сделать дополнительно пару-тройку снимков), присел на чёрный камень. На его гладкой поверхности моё внимание привлекли незатейливые рисунки, ограниченные волнообразным контуром. Заинтригованный, обследовал валун со всех сторон. На противоположной стороне разглядел изображения страусов, обезьян, оленей и пумы. Все в стремительном беге. У пумы особенно тщательно выбиты оскаленная пасть и закрученный в спираль хвост.

Одно единственное изображение человека представляло собой прямоугольное туловище с массивной головой и широко раскинутыми руками. В одной из них то ли шар, то ли череп. Я крикнул Эмилю, чтобы он позвал сюда наших попутчиков. Подойдя, они с изумлением стали рассматривать камень и хвалить меня за наблюдательность. Нащёлкав достаточное количество кадров, с азартом принялись обследовать соседние валуны и сам склон. К всеобщему воодушевлению, Эмиль обнаружил в скальном обнажении вход в пещеру, заваленный в глубине громадными глыбами когда-то рухнувшего свода. Из щелей тянуло холодом и сыростью. Всё это было крайне интересно, но водитель торопил — надо было успеть засветло добраться до городка Чивай.

КАНЬОН КОЛКА

В СИМПАТИЧНОМ, ОКРУЖЁННОМ ЗАСНЕЖЕННЫМИ ПИКАМИ ЧИВАЕ ЖИВУТ ТОЛЬКО ИНДЕЙЦЫ. Как и большинство жителей этого края, они говорят на языке кечуа. Все женщины носят национальные одежды. И это не для туристов. Хотя, на мой взгляд, несколько шерстяных юбок и плосковерхая шляпа на голове мало удобны для постоянного ношения. Но традиции сильнее. Поклажу (любую — от детей до хвороста) они носят в заплечных платках. Мужчину с грузом мы видели всего один раз: он тянул на стройку длинную связку ржавой арматуры.

Несмотря на то, что городок расположен на высоте 3650 метров, центр утопает в цветах и украшен фонтаном. Правда, работает он только по праздникам.

Нехватка кислорода особенно ощущается при подъёме и быстрой ходьбе. Голова раскалывается от пульсирующей боли. Аппетит у меня в этом высокогорье нулевой — пишу «заталкиваю» силком и то лишь из-за необходимости поддержать организм. Пожевал по совету хозяина гостиницы длинные острохвостые листья коки, но облегчения не почувствовал, лишь слегка онемела щека.

Побродил по рынку. Чего здесь только не увидишь! Одной картошки с десятков сортов. А всего её в Перу двести разновидностей! Есть даже мелкая,

как горох. Картофель индейцы любят и собирают два урожая в год. На прилавках — кабачки, тыквы, маис, зёрна какао, кофе, томаты, арахис, перец, папайя. Родина всех этих даров — земля инков!

В соседних рядах — домотканые одеяла, вязаные шарфы, свитера, длинноухие многоцветные шапочки. На самом бойком месте в окружении жаждущих исцеления индейцев заросший до глаз эскулап продаёт экзотические препараты. Среди них выделялся высушенный кайман и заспиртованный, свёрнутый в кольца, водяной удав — анаконда. Меня всегда поражала наивная вера людей в то, что чем опаснее и сильнее дикая тварь, тем чудодейственнее лекарство из неё.

У выхода продавались ручные хищные птицы (видимо, для охоты) и молоденькие альпаки. Приятно, что индейцы — совершенно ненавязчивые продавцы, но и в цене не уступают. Самые упёртые не сбросят и сентимо.

Солнце, раскалённое за день добела, опускаясь, быстро остывало. Воздух заметно посвежел. До заката мы ещё успели пооздоровливаться вместе с местными жителями в термальных бассейнах.

Блаженствуя под лучами вечернего солнца в горячей, насыщенной сероводородом воде, я не мог оторвать глаз от окружавших красот. На горы и ниспадающие с них серебристые ленты водопадов можно было смотреть бесконечно! После купания мне заметно полегчало, а боль в голове и вовсе отступила.

Взошедшая луна озарила притихший городок невообразимо ярким сиянием. На прозрачно-сиреновом небе ни единой звёздочки. Горы, подступив к домам, стояли словно стражники, охраняющие покой этих мест. Из ущелья выливалась перламутром речка. На миг почудилось, будто я в сказке!

Спал плохо. Хотя спальный мешок рассчитан на минус пятнадцать градусов, меня трясло от холода — ещё одно проявление «горняшки». Согрелся только после того, как надел второй комплект термобелья.

К каньону Колка, возникшему в результате разлома одного вулкана на два: Карапуно (6425 метров) и Ампато (6318 метров), выехали задолго

до рассвета. По дороге водитель уверял нас, что в книге рекордов Гиннеса этот каньон значится как самый глубокий. Спорить с книгой рекордов, а тем более с человеком, от которого зависит твоя жизнь, рискованно, но ущелье Кали-Гандаки в Гималаях однозначно глубже и внушительней. Бесспорно одно: южноамериканский Колка по глубине превосходит североамериканский Гранд Каньон.

Дно каньона Колка и нижняя часть склонов облеплены лоскутками крошечных, размером не более десяти соток, полей и узких, обрамлённых оградами из дикого камня, земледельческих террас. Выше идут леса, сменяемые редееющим разнотравьем. Ещё выше — гольцы в белых холстинах снега.

Узкая дорога, вьющаяся над пропастью, привела нас к гигантскому камню, на котором установлен массивный крест (альтиметр в этом месте показал 4000 метров). Взобравшись на макушку этой глыбы, застыли от восхищения. Глубоко-глубоко внизу, в тисках скал, беззвучно пенилась бурная речушка. Над ней на разных уровнях в восходящих потоках парили, наревая круги, десятки кондоров — американских грифов с размахом крыльев до двух метров. Кто-то в одиночестве, кто-то парами. Те, кому наскучило это занятие, сидели на скалах и с глубокомысленным видом обозревали окрестности.

Наиболее эффектно эти пернатые смотрятся в полёте. Блестящее чёрное оперение, воротничок из пушистых белых пёрышек вокруг голой шеи и голова, увенчанная, как у петуха, тёмно-красным гребнем, веер из длинных маховых перьев, венчающий края прямо обрубленных крыльев, придают кондорам легко узнаваемый образ. Чета кондоров сохраняет верность друг другу на протяжении всей долгой, до 50 лет, жизни. Индейцы почитают этих птиц и уверены, что они являются повелителями верхнего мира.

В тихие солнечные дни кондоры парят часами. За одним я наблюдал не менее десяти минут — так он за это время крыльями ни разу не шевельнул. Отвлекла от созерцания этого красавца какая-то перемена: боковым зрением заметил, что на противоположном от нас скате замутнело серое облачко. Повернувшись, увидел пыльный шлейф от камнепада. В тот же миг до нас долетел грохот. Все бросились фотографировать, а водитель завопил, тыча пальцем:

— Mira, puma! Mira, puma!

Без перевода было понятно: «Смотри, пума! Смотри, пума!»

До рези в глазах вглядываюсь в указанное место, но зверя не вижу. Потом сообразил — нацелил объектив фотоаппарата с двенадцатикратным оптическим зумом и почти сразу засёк убегающую от камнепада огромную рыжую кошку. Казалось, что она не бежит, а летит, устремив округлую голову вперёд, лишь изредка касаясь лапами земли. Достигнув гребня, пума, сыграв мощным мускулистым хвостом, круто развернулась и исчезла за скалистым выступом.

До чего гармоничное создание! Всё в нём доведено до совершенства! Даже бежит так, словно специально даёт нам возможность полюбоваться собой.

Присутствие здесь самого крупного хищника Южной Америки, как его здесь величают — горного льва, придало каньону особый колорит.

КУСКО — СТОЛИЦА ИНКОВ

В АРЕКИПУ вернулись в сумерках и почти сразу пересели в автобус, направляющийся в Куско — древнюю столицу огромной империи инков, именованную на языке индейцев племени кечуа — Тауантинсуйу (Земля четырёх сторон света). В неё входили земли современного Перу, Боливии, Эквадора, частично Чили, Аргентины и Колумбии.

Ехали всю ночь. Судя по карте, дорога петляла по весьма живописным местам, включающим высокогорный перевал Ла-Рая (4267 метров), но воочию ничего лицезреть мы не могли из-за темноты.

К городу подъезжали с первыми лучами солнца, осветившими множество ярко-оранжевых квадратиков, густо покрывавших овальную впадину и отчасти склоны гор. Если до этого в Перу мы повсеместно видели крыши из оцинкованного железа и профнастила, а то и просто плоские бетонные площадки с нацеленной в небо арматурой, то здесь крыши сплошь из черепицы и двускатные, что свидетельствует об обилии в этих местах осадков.

Аэропорт в Куско, как и в Лиме, почему-то посреди города, да и железная дорога петляла между автомашинами буквально в нескольких метрах от зданий. Несмотря на ранний час, тротуары заполнены бегущими

трусой мужчинами и женщинами самых разных возрастов. Я и не предполагал, что индейцы такие ярые приверженцы здорового образа жизни. Ещё одно наблюдение: мы до сих пор не видели в Перу ни одного курящего. В это трудно поверить, но со зрением у нас всё в порядке.

Впадина, в которой раскинулся Куско, примыкает в Священной Долине реки Урубамба, являющейся главной осью всей инкской цивилизации. Инки были уверены, что Млечный путь на небе всего лишь отражение этой реки. До колонизации испанцами в столице империи инков жили только представители верховной знати, жрецы и их слуги.

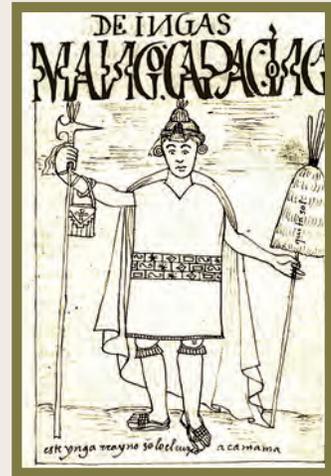
Защищали город отряды воинов, несущих службу в хорошо укреплённых крепостях-городищах, разбросанных по всей долине и на подступах к столице.

Центральная часть Куско расположена на высоте 3400 метров (окраины взбираются ещё выше). Как гласят местные предания, давным-давно первый Инка, придя в эту межгорную котловину, воткнул в землю свой золотой посох, а тот провалился сквозь землю. И это место назвали Куско — «Пуп Земли».

Современных зданий в городе нет. Большинство построек XVII–XVIII веков. Выполнены они в колониальном стиле. Как ни старались завоеватели придать Куско типично европейский вид, стерев с лица земли следы «языческой» культуры, им это оказалось не под силу — настолько основательны и прочны были сооружения инков. Потомки конкистадоров надстраивали свои храмы и здания прямо на не поддававшихся разрушению стенах и фундаментах. При землетрясениях их новоделы рушились, а инкские постройки даже трещин не давали. Стены, сложенные из точно подогнанных друг к другу блоков из природного камня, благодаря системе пазов и многоугольных выступов были столь прочны, что дома сохраняли целостность даже при самых мощных толчках. При этом кладка велась без раствора!

И ещё один факт: в постройках тех времён нередко использовались блоки, имеющие один либо два трапециевидных выступа. Такой технологический приём встречается, кроме Перу, ещё лишь в одном месте планеты. А именно — в облицовке египетских пирамид на плато Гиза. Как объяснить наличие такого специфического строительного элемента в двух столь удалённых во времени и пространстве цивилизациях?!

Поселились мы в небольшом отеле в узеньком проулке (настолько узком, что и маленькому грузовику не проехать), мощёном, как и все улицы в старой части Куско, твёрдым вулканическим камнем, прямо у стен монастыря Санта Доминго. Прежде на его месте красовался храм Кориқанча, воздвигнутый специально для главного божества инков — Инти. Стены храма (их называли Золотыми стенами) в те времена были облицованы семьюстами пластинами золота, каждая весом два килограмма. А крыша

Манко Капаку
Фелипе Гуаман
Пома де Айяла

покрыта позолоченными листьями. Благодаря этому храм был виден отовсюду.

В главном зале Кориқанчи находился огромный диск из чистого золота* — символ Солнца, укрепленный на алтарной стене таким образом, что при восходе диск разгорался нестерпимым огнём. А на противоположной стене висел диск, отражающий лучи заходящего светила. Видя утром и вечером ослепительный свет, исходящий из храма, трудно было усомниться в могуществе богов.

По свидетельству конкистадоров, на внутренней площади храма — Солнечной поляне — стояли золотые статуи пум, ягуаров, лам, змей в натуральную величину. Тут же «росло поле» золотого маиса. На каждый початок приходилось не менее 300 граммов золота. На ветвях деревьев сидели золотые птицы, на цветах — бабочки. Их крылья, благодаря пластичности сусального золота, были такими тонкими, что просвечивали, и солнечный луч, проходя сквозь такой лист, приобретал зеленоватый цвет.

* Любопытно, что инки не воспринимали золото как нечто сверхценное. Они его называли «потом Солнца», а серебро — «слезами Луны». Более дорогостоящими для них были, к примеру, ткани — ведь на их изготовление требуется так много труда!

Всё это говорит о том, что для инков золото было прежде всего священным металлом, олицетворяющим своим тёплым светом лучи Солнца, дающие жизнь всему на Земле. К сожалению, вся эта рукотворная красота была переплавлена «культурными» испанцами в звонкую монету и слитки.

Большая часть стен храма Кориканчи устояла перед вандализмом испанских строителей, и мы имели возможность увидеть, с какой точностью подогнаны друг к другу многотонные каменные блоки. В особо ответственных местах камни скреплялись Т-образными пазами, в которые заливали расплавленное серебро. Застывавший профиль, похожий на рельс в разрезе, соединял блоки намертво. Сейчас по стенам, видевшим множество пышных церемоний в честь верховного Инка, лупят потёртым мячом черноголовые пацаны.

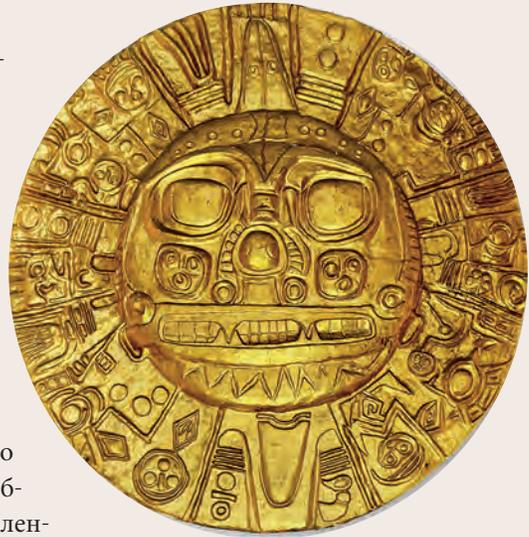
После этого мы осмотрели другой архитектурный шедевр — кафедральный собор на центральной площади Оружия. (На ней в 1572 году был казнён последний инкский вождь — Тупак Амару.) При всей внушительности этого сооружения оно поражает удивительной лёгкостью и воздушностью линий. Своды белые, не давят. На стенах, выложенных из светлого серого камня, — громадные картины с сюжетами из жизни Христа и Девы Марии, резные панно из красного дерева. На устремлённой в небо колокольне уже 300 лет висит семидесятипудовый позолоченный колокол.

Когда мы вошли, на клиросе торжественно и проникновенно пели мою любимую «Аве Мария». Потом весь день мне чудилось, что с небес продолжает литься эта божественная мелодия!

Несмотря на все старания завоевателей, в архитектуре здешних католических храмов заметно влияние культуры инков. Так, например, костёлы увенчаны не остроконечными шпилями, а полусферами.

В Куско дух древней цивилизации ощущается на каждом углу. Поэтому туристов, несмотря на конец сезона, здесь и сейчас довольно много. Горожане приветливы. Порой кажется, что они и живут тут лишь для того, чтобы демонстрировать гостям уникальные достопримечательности своего города.

После обеда поднялись на столообразную, господствующую над окрестностями вершину. Там сохранились руины крепости Саксайуаман (в переводе с кечуа — Хищная птица серокаменного цвета). Эта цитадель с тремя вместительными башнями, десятками бастионов и мощными, зигзагообразными стенами в три ряда, сложенными из тщательно обработанных блоков циклопических размеров, являлась центром хорошо продуманной оборонительной системы столицы империи.

Крепостные стены сложены из глыб весом до 350 тонн (!!!) при высоте 8,5 метров (!!!) Для сравнения — вес самого тяжёлого блока в египетской пирамиде фараона Хеопса «всего» 15 тонн. При этом камни разной формы так плотно подогнаны друг к другу, что в стыки между ними не просунуть даже лезвие бритвы. Такая плотная притирка избавляла древних строителей от необходимости использовать скрепляющий раствор.

Во внутренних помещениях Саксайуамана имелись вместительные хранилища для зерна, ёмкости для сбора воды, лестницы для подъёма на дозорные площадки. От главных башен в город вели подземные ходы. Для повышения устойчивости сооружений мастера применяли ещё одну интересную технологию — «полигональную». Суть её в том, что углы блоков имеют фигурные вырезы, соответствующие вырезам угла соседнего блока. Благодаря этому достигалось надёжное сцепление между камнями. Технология, безусловно, замечательная, но непонятно, как строители, имея лишь простейшие механизмы, умудрялись состыковывать многотонные махины так точно, что не оставалось малейшего зазора?! Ни на одном из этих блоков невозможно найти следов обработки инструментом, до того все грани ровные. Трудно также представить, как такие твёрдые, громадные монолиты кололи и перемещали из далёких каменоломен. Как их поднимали и устанавливали на крепостной стене чётко в паз? Это не понятно ещё и потому, что инки не знали колеса. Для них круг являлся символом божества — Солнца, и считалось кощунственным использовать его для бытовых нужд.

Крепость Саксайуаман

Когда видишь такие циклопические, точно подогнанные сооружения, кроме восхищения испытываешь ещё и неловкость оттого, что мы, имея мощную технику, зачастую не в состоянии повторить достижения древних мастеров.

В настоящее время на поляне перед крепостью Саксайуамана ежегодно празднуется Инти Райми (праздник Солнца), отмечаемый в день летнего солнцестояния. На него съезжаются сотни тысяч людей со всей Южной Америки. Праздник начинается с призыва Сапа Инка на площадь Кориканча. Он выходит на неё в красочном костюме, весь увешанный золотыми, серебряными пластинами и драгоценными камнями. Инка спрашивает у Солнца благословения народам, после чего его несут на золотом троне по украшенным цветами улицам в сопровождении жрецов и сановников, одетых в парадные одежды, к крепости Саксайуаман.

Там происходит ритуальное жертвоприношение белой ламы, и жрецы по пятнам крови читают будущее мира. После захода солнца поджигаются снопы соломы и начинаются ритуальные танцы.

Стоя у неприступных фортификационных сооружений, невольно задаёшься вопросом, как многочисленная, закалённая в сражениях армия инков уступила двум сотням испанских завоевателей? Возник он у меня ещё со школьной скамьи: в поражении такой мощной и хорошо обученной армии инков было что-то противоестественное, даже абсурдное. Но в те времена для ответа на этот вопрос не было таких обширных и доступных источников информации, как сейчас. Теперь же, основательно порывшись в Интернете, прочитав литературу, просмотрев передачу по замечательному каналу «История», ответ на вопрос, в чём корень этой трагической несправедливости, я получил, но это тема для другого очерка.

Отмечу лишь, что с последними годами существования империи инков связано много легенд и загадок. Одна из них гласит будто император Атауальпа перед казнью сумел тайком передать верным людям ещё одно кипу — письмо, состоящее из тринадцати разных узелков. Через месяц из Куско на север ушёл тяжело груженный отряд воинов.

Куда он отправился, точно не известно. Учёные предполагают, что, скорее всего, к огнедышащим вулканам Эквадора, ежедневно выбрасывающим из своих раскалённых жерл дымящиеся бомбы и облака удушливых газов. Этот неприятный, покрытый непроходимыми лесами край лучше всего подходил для спасения сокровищ от алчных и ненасытных испанцев**. Не случайно среди жителей тех мест до сих пор живы легенды о сказочном Эльдорадо и Городе Цезарей, который, благодаря удивительным способностям

Атауальпа

** За первые годы колонизации испанцами из Южной Америки было вывезено 200 тонн золота и 16 000 тонн серебра.

Инка мужчина.
Статуэтка,
1450–1532 н.э.,
побережье Перу.
Серебряно-
медный сплав.
Фото: Ernest
Amoroso

жрецов, скрыт «энергетической завесой» и недоступен взорам чужаков. Это, конечно, мифы, но иногда как раз они со временем становились реальностью, а то, что не подвергалось сомнению, оказывалось вымыслом.

Предположение, что загадочный Эльдorado существует, подтвердили и найденные в глухом каньоне Центральных Кордильер в конце XX века пять золотых статуй высотой в человеческий рост. Они были такими тяжёлыми, что для их погрузки пришлось прибегнуть к помощи лебёдки. По всей видимости, индейцы бросили их, спасаясь от погони.

Старинные хроники и записки испанских конкистадоров, дошедшие до наших дней, свидетельствуют и о существовании подземного города, состоящего из лабиринта галерей, потайных храмов. В них якобы укрыты золото и священные реликвии. Но карта с его местонахождением находится у посвящённых, живущих как простолюдины. И то у каждого только часть от неё.

В одном из донесений испанцев говорится о том, что незадолго до того как конкистадоры вошли в Куско, из Храма Солнца бесследно исчезли мумифицированные тела тринадцати инкских императоров. Они были в одежде с нашитыми на неё золотыми пластинами с выгравированными сценами из их жизни. Вокруг лежали украшения из драгоценных камней. Пропал и золотой трон, установленный на массивной плите, отлитой тоже из золота.

Через 26 лет после захвата Куско один из предводителей конкистадоров Поло де Ондегардо по подсказке столичного торговца, подкупленного щедрыми подарками, заполучил три из этих тринадцати мумий. Сняв вожделенные золотые пластины, он приказал солдатам изрубить мумии на мелкие куски. Инки, узнав о таком святотатстве, убили предателя.

Остальные десять мумий до сих пор не найдены. Возможно, так и лежат в тайных катакомбах под городом Куско или крепостью Саксайуаман. Пока все попытки кладоискателей подступить к ним завершались неудачей либо трагедией.

Индейцы утверждают, что любой, кто приблизится к запретной зоне на роковое число шагов, теряет память. В 2003 году испанский археолог Ансельм Пи Рамба обнаружил тоннель, уходящий круто вниз, но когда он с напарником вошёл в него, свод перед ними обрушился, и все попытки расчистить завал ни к чему не привели. Так что человечество только на подступах к разгадкам тайн этой уникальной цивилизации.

В древнем Перу столкнулись не только разного технического уровня и оснащения армии, но и абсолютно разные мировоззрения. У европейцев устроить козни, оттолкнуть локтями ближнего, разбогатеть любой ценой считалось естественным и не зазорным. Для индейцев же обман, страсть к наживе, жадность, тем более накопительство считались презреннейшими из всех состояний, до которых может пасть человек.

Один из испанских хронистов записал в конце отчёта о завоёванной стране: «По правде говоря, мало народов в мире имели лучшее правление, чем инки»***.

Эти люди по нравственным качествам значительно превосходили своих поработителей, но, к сожалению, чрезмерно идеализировали земной мир, устроенный так, что зло и ненасытная жадность зачастую побеждают добро и ведут человечество к пропасти небытия...

Можно утверждать, что инкам удалось создать совершенную социальную структуру, в которой народ был счастлив. Земля, леса, пастбища, все продукты труда распределялись между людьми таким образом, что не было повода для распрей. Такое общественное устройство и абсолютный тоталитаризм в какой-то степени нивелировал человека, но вместе с тем открывал колоссальные возможности выживания и мирного сосуществования многомиллионного сообщества.

Типичного для европейцев конфликта между обществом и отдельным человеком в империи инков не было. Но жёсткая вертикаль власти привела к тому, что когда верховный правитель оказался в плену, государство превратилось в беспомощное, растерявшееся без пастуха стадо. Их империю можно сравнить с гигантским ульем, где каждый на своём месте трудится на общее благо. Но как только пропадает матка — рой обречён на гибель.

Оглядываясь на историю освоения Сибири, испытываешь восхищение перед мудростью и добросердечием российских казаков. Они не переделывали инородцев под свой лад, тем более не истребляли. Если местные желали соблюдать языческие обряды, никто не чинил тому препятствий. И слава богу! От этого выиграли как русские, так и малые народы.

Инка женщина, 1470–1532 н.э., побережье Перу. Золото-серебряный сплав. Фото: Ernest Amoroso

*** В империи инков не было частной собственности — всем ведало и всё распределяло государство, заботящееся, чтобы все работали, но при этом никто, в том числе старые и немощные, не голодали, были одеты, обуты и имели крышу над головой. Благодаря строгости и справедливости законов (воровство, коррупция и т.п. карались смертной казнью) в империи практически не было преступности. Считается, что именно история государства инков вдохновила Кампанеллу к написанию утопии «Город Солнца».

КРЕПОСТИ СВЯЩЕННОЙ ДОЛИНЫ

ВСЬ СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ познакомились с крепостями, разбросанными по склонам гор, обрамляющим Священную долину. Первой посетили великолепно сохранившуюся цитадель Ольянтамбо, воздвигнутую на неприступном скалистом утёсе на высоте 3 500 метров в верховьях реки Урубамба.

Форма крепостных стен и башен придавала ей сходство с туповерхой пирамидой, по скатам которой взбегают вверх узкие земледельческие террасы, рассекаемые одной единственной лестницей. Ступени, сложенные из цельных камней, были до того высокими, что по ним даже мне при росте 187 см не только подниматься, но и спускаться было тяжело. (Похоже, что те, кто соорудили эту лестницу, были более рослыми.)

Часть башен, подобно ласточкиным гнёздам, встроена прямо в скалы, и добраться до них даже не всякому альпинисту под силу. А в иные можно попасть лишь через тесные тоннели, пробитые в горе. Надо сказать, что инки очень грамотно использовали рельеф местности при строительстве крепостей, но крепость Ольянтамбо считается самой неприступной. Конкистадоры под предводительством Эрнандо Писарро (брата Францис-

ко Писарро) в 1536 году попытались захватить её, но вынуждены были отступить, едва избежав полного уничтожения.

Внутри Ольянтайтамбо сохранились остатки храма. Его стены сложены из розовых, хорошо отполированных монолитов весом не менее 15–20 тонн каждая. Каменоломня, где вырубали и обрабатывали строительные блоки, находилась на противоположной стороне долины на весьма крутом откосе, примерно в трёх километрах от крепости. Там, а также на пути к цитадели, до сих пор лежат уже обработанные, но так и не «доехавшие» до пункта назначения заготовки. Местные жители про них ласково говорят: «уоставшие камни».

Своё название крепость получила от имени мятежного генерала Ольянтай. Он и дочь Верховного Инки очень любили друг друга, но император был против их брака. Отважный генерал укрылся с возлюбленной в этой, тогда ещё небольшой, пограничной заставе, и за несколько лет превратил её в неприступный форт.

В память о столь романтической и жертвенной любви в народе из уст в уста веками передавалась песня «Ольянта», дошедшая до наших дней:

Если даже с думой злою
Сам утёс могучий горный
В сговоре со смертью чёрной
На меня пойдёт войною,
Выйду в бой я с этой силой
И без страха драться стану,
Чтоб живым иль бездыханным
Пасть к ногам голубки милой.

Вот такая безграничная любовь!

После Ольянтайтамбо побывали ещё в двух крепостях, а ближе к вечеру приехали в глухую горную деревушку, где в кустарных мастерских жизнерадостные и смешливые молодые ткачихи продемонстрировали нам все этапы получения пряжи из шерсти лам, альпак и её покраски. Индейцы для этой цели по-прежнему используют только природные компоненты: толчёные камни, растения, корни, сушёных насекомых. Не прибегая к химии, они получают до двадцати цветов, а оттенки меняют, добавляя в краситель разные окислители, например сок лимона.

В соседней мастерской понаблюдали, как ткут на примитивных ручных станках из полученной пряжи прочное полотно с многоцветными геометрическими орнаментами.

В заключение ткачихи показали выставку гончарных изделий и напоили нас чаем из листьев коки. Он бодрит и помогает адаптироваться к вы-

соте. Недаром в империи инков кока была особо почитаемым растением. Её регулярно жевали для восстановления сил курьеры-сороходы (часки), являвшиеся основными информационными каналами, связывающими империю в единое целое.

Благодаря коке они невероятно быстро преодолевали огромные расстояния по знаменитым инкским дорогам, мощённым плитами и обсаженным с двух сторон деревьями. Там, где путь преграждали горы, были пробиты тоннели, а через бездонные пропасти переброшены подвесные канатные мосты, сплетённые из волокон агавы. На самых высоких перевалах имелись навесы. В их тени гонцы и путники могли отдохнуть и полюбоваться панорамой гор, таких высоких, что вершины упираются в небо, и каньонов, таких глубоких, что, казалось, их дно достигает центра земли.

Кроме того, вдоль всех дорог имелись постоянные дворы — почтовые станции (тамбо), в которых можно было переночевать, а между ними через каждые 2–3 километра посты с двумя дежурившими круглые сутки гонцами. За счёт этого расстояние в 2 000 километров по горам и долинам часки преодолевали за пять суток! По сути, инкская почта напоминала эстафету, протянувшуюся на огромные расстояния. Хронист Сьеса де Леон по этому поводу писал: «Инки изобрели почтовую службу, которая являлась наилучшим из того, что можно было придумать и вообразить». Кстати, наша доблестная почта доставляет письмо из Уфы в Москву, а это всего 1500 км, за четыре дня. Прогресс на лицо!

МАЧУ-ПИКЧУ

САМАЯ ПОПУЛЯРНАЯ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ ПЕРУ — ГОРОДИЩЕ МАЧУ-ПИКЧУ.

На сегодня это единственное поселение инков, сохранившее первоначальный вид. Его несколько столетий безуспешно искали испанские колонизаторы — считалось, что именно там спрятаны несметные сокровища империи, включая золотые статуи Верховных Инков. Но обнаружили это городище лишь в начале XX века, если быть точным — в 1911 году.

Раскопки показали, что индейцы покинули Мачу-Пикчу не так давно — в первой половине XIX века! Причём, как гласит легенда, забрали с собой и унесли в дремучую сельву всё самое ценное. Легенды легендами, но немало примеров, когда они оказывались правдой. Так, один кладоискатель, не усомнившись в предании, гласящем, что на острове Робинзона Крузо в Чили таятся несметные сокровища пиратов, продал текстильную фабрику и на вырученные деньги организовал технически оснащённую экспедицию. В результате в 2006 году нашёл на глубине пятнадцати метров шестьсот бочонков с золотом, оценённых в шесть миллиардов долларов. А поначалу над его безрассудством только посмеивались. Так что и Мачу-Пикчу может преподнести человечеству немало сенсаций.

Работавшие на Мачу-Пикчу американские археологи обнаружили лишь битые черепки и захоронения. Под предлогом необходимости описать находки и составить систематический каталог они получили разрешение вывезти

в США на несколько месяцев два вагона предметов быта и останков индейцев. Эти «несколько месяцев» растянулись на 100 лет. До сих пор всё найденное хранится в Йельском университете.

От Куско до Мачу-Пикчу чуть более ста километров. Попасть туда можно на поездах, отправляющихся рано утром. Один из них с относительно комфортабельными вагонами — для туристов. Второй — для местных жителей. Он неудобен ещё и тем, что останавливается у каждого столба. Учитывая эти обстоятельства, мы выбрали первый вариант.

Как и другие поселения инкской знати и жрецов, Мачу-Пикчу укрылось на труднодоступной седловине крутостенного отрога между двух внушительного размера скал, похожих на раскрытые друг к другу ладошки. Благодаря этому поселение не видно ни с перевалов, ни из долин. Одна из скал зовётся Мачу-Пикчу (Старая Гора), вторая — Уайна-Пикчу (Юная Гора).

Подняться в городище Мачу-Пикчу можно по узкой тропе только с одной стороны. На вершине Уайна-Пикчу, похожей на голову пумы, находятся храмы Солнца и Луны. Восхождение к ним под обжигающим потоком полуденных лучей далось нам с трудом, но наградой был незабываемый вид не только на само городище, но и на простирающуюся во все стороны горную страну, тающую в дымке горизонта.

Городище сверху напоминает тень летящего кондора. Как известно, у инков сакральные образы играли важную роль и отражали их мировоззренческие понятия. Так, Кондор символизировал верхний мир, Пума — средний, а Анаконда — нижний, подземный. Многие амулеты в Перу до сих пор выполняются именно с такой символикой.

Сейчас, где когда-то было шумно, многолюдно и кипели страсти, царит могильная тишина, нарушаемая лишь шагами очарованных туристов. Восстановив дыхание, я стал с упоением оглядывать клыкастые хребты, расчленённые глубокими ущельями.

Спустившись с вершины Уайна-Пикчу, прилёт на траву. Так приятно было сознавать, что лежишь на земле, по которой ходили Жрецы и Верховные Инки, а теперь ты, странник из далёкой Башкирии, заморожено созерцаешь опустевшие храмы, дома вельмож и слуг, порхающих с цветка на цветок крохотных колибри; вдыхаешь благоухание трав, слушаешь щебет красиво расцветивших пичуг... В голове крутились мысли о скоротечности времени и о чём-то неуловимом, возвышенном. Умиротворяющий, льющий с небес покой навевал иллюзию, что это не птицы щебечут, а перекликаются души людей, живших здесь когда-то.

Археолог Хайрам Бингем
24 июля 1911 года обнаружил
крепость Мачу-Пикчу

В этот момент меня кто-то осторожно ткнул в плечо. Поворачиваю голову и вижу влажные губы, волосатую морду ламы. Служащие национального парка по утрам выпускают этих милых созданий из специального загона, чтобы усилить у посетителей иллюзию перемещения во времена многовековой давности. Я порылся в карманах и угостил голубоглазую красавицу двумя галетами.

Из живности ещё видел семейку шиншилл. Эти маленькие, похожие на серые шарики, с большими округлыми ушками, зверьки по густоте меха рекордсмены — 25 000 волосков на один квадратный сантиметр! Когда я попытался приблизиться к одной из них с фотоаппаратом, зверёк встал на задние лапки и «зарычал». А увидев, что угроза не действует, поспешил ретироваться в кусты. Остальные дружно последовали за ним.

Как я уже отметил, Мачу-Пикчу великолепно сохранилось. За прошедшие столетия сгнили лишь деревянные стропила и соломенные крыши. Само поселение условно можно поделить на сектора: храмы, «дворцы» сановников и жрецов, площадь, дома простолюдинов на узких улочках, погост. Часть храмов и жилых помещений вырублены прямо в скалах, опутанных бромелиями — растениями, которые могут расти на голых камнях,

поскольку берут питательные вещества из воздуха, а не из почвы. По углам городища торчат сторожевые вышки. С них можно было обозревать местность на десятки километров и заранее знать о приближении врага. Ведущая к Мачу-Пикчу единственная тропинка столь узкая, что позволяла даже небольшой горстке воинов отражать натиск целой армии.

Спланировано городище из-за ограниченности места весьма экономно. Я бы сказал, даже тесно: постройки буквально жмутся друг к другу. Кварталы и отдельные здания соединены между собой главным образом лестницами, которые практически выполняют роль улиц. В большинстве короткие — в пять-десять ступеней, но есть и гигантские, состоящие из ста пятидесяти ступенек. Дома скромные: одна комната с выходом на узкую улочку.

На площади, выложенной плоскими камнями, на пирамидальном основании лежит громадный монолит Интиуатана, что в переводе означает место, куда прикреплено Солнце. Его четыре угла указывают направление четырёх сторон света. Монолит имеет довольно мудрёную ступенчатую форму с прямоугольным столбом посреди, выполняющим роль солнечных часов. А на самой широкой ступени совершались жертвоприношения.

Интересно, что после Мачу-Пикчу мне стали сниться стройные по сюжету и очень конкретные в деталях сны (правда, недолго — с месяц). В них я явственно проживал ещё одну жизнь.

Интиуатана

ПУНО И ТИТИКАКА

ОТ КУСКО ДО СВЯЩЕННОГО ОЗЕРА ТИТИКАКА, на берегу которого расположен город Пуно, 390 километров. Дорога, муторно петляя по межгорным долинам северной части высокогорного плато Альтиплано, привела к громадной глиняной стене высотой не менее двадцати метров — это всё, что осталось от центральной части храма инкской эпохи. Рядом частично отреставрированное селение: остовы домов, разделённых улочками.

Удивительным было то, что стена и постройки сложены не из каменных блоков, как в окрестностях Куско, а из глиняных. И хотя глина не обожжённая, блоки настолько прочны, что, несмотря на обилие осадков, выдержали пятивековое испытание. Видимо, когда замешивали глину, в неё что-то добавляли.

Дальше ущелье резко сужалось, а сам водораздельный перевал Ла Райя (4 300 м) был укрыт туманом, вернее, застрявшей на нём тучей. Не доехав пары километров до него, водитель остановил машину и попросил нас выйти. У меня мелькнула мысль: «Двигатель перегрелся, как бы не пришлось до водораздела пешком топать». Но ошибся. Водитель повёл нас сквозь лохмотья тумана к пешеходному мостику, перекинутому через бурный горный поток. Когда мы оказались на противоположной стороне, он торжественно объявил:

— Амиго, поздравляю! Вы перешли через Амазонку. Тут она зовётся Урубамба, ниже — Укаяли, а после слияния с рекой Мараньон — Амазонка.

Ничего себе! За десять секунд пересекли величайшую реку планеты! Сравнить Амазонку с другими водными артериями — это всё равно, что сравнивать анаконду с ужом — столь несопоставимы весовые категории. Эта громадина несёт в океан 20% всей пресной воды* земного шара! И хотя здесь она не впечатляет, имперский характер уже проявляется. Сквозь неумолчный шум пенистого потока отчётливо слышно, как вода тащит по дну камни.

Удовлетворённый произведённым впечатлением, водитель рассказал, что в соседнем ущелье есть пещера. С её сводов свисают сосульки сталактитов всевозможных оттенков. Навстречу им растут сталагмиты. По подземным гротам текут ручьи. Спелеологи, обследовавшие эту пещеру, в одном из ответвлений упёрлись в огромную плиту. Она была такой гладкой, что не оставалось сомнений в искусственности её происхождения.

Как только преодолели водораздел, туман исчез. Ущелье разошлось широким раструбом, и нашим взорам открылось просторное, продуваемое всеми ветрами, высокогорное плато — Альтиплано.

Горы здесь намного мельче, а контуры помягче. Воздух настолько прозрачный, что трудно оценить, какое на самом деле до них расстояние. Леса исчезли вообще. Сплошь луга с тучным разнотравьем и рассыпанными по ним отарами овец, стадами мосластых коров. На склонах табуны альпак, пасущихся под присмотром одного-двух гаучо. У дороги небольшие, в пять-десять дворов, деревушки. Дома из коричневых саманных кирпичей, узкие, двухэтажные, с крохотными двориками, закрытыми от посторонних глаз высокой глинобитной стеной. Крыши железные либо черепичные. У самых бедных — из почерневшей соломы. Но даже у них туалеты тщательно покрашены, сзади непременно вытяжная труба. Часть домов пустует: города — ненасытные пылесосы — из года в год высасывают из деревень народ.

Террасных полей, как в каньоне Колка и среднем течении Урубамба, здесь нет. Долина настолько широка и размашиста, что нет нужды лепиться по склонам. Тем не менее земельные наделы и тут не велики: 10–20 соток. Встречаются и крупные коллективные хозяйства: несколько длинных коровников, просторные загоны, поодаль пара улиц.

Медленно пробирались через весёлый, шумный, забитый людьми в цветастых головных уборах и ярких юбках, город беспощинной торговли Хулиака. Он производил впечатление огромного муравейника, кишящего торговцами. При этом на одного покупателя приходится не меньше двадцати продавцов! Наш микроавтобус с большим трудом протискивался по запруженным улицам. На одном повороте даже встали: ждали, пока хозяева переместят свои развалы и прилавки поближе к стене дома.

Окраина Хулиаки несколько подпортила ощущение праздника: сотни убогих лачуг, рядом с которыми чадят

* Количество годовых осадков в бассейне Амазонки в результате вырубки лесов упало с 889 мм в 1920-х годах до 380 мм в наше время.

Пуно

печи для обжига кирпичей. Работают семьями. Одни месят ногами глину, другие закладывают её в формы, третьи на носилках носят их к печи. Готовый кирпич выкладывают на поддоны прямо у дороги — подъезжай и грузи. Удобно!

В Пуно въехали при быстро сгущающихся сумерках. Город широкой подковой покрывал крутые берега одного из заливов озера Титикака. По местным преданиям, творец Виракоча — самый главный бог инков — именно из него выловил Солнце и Луну.

Поселились в хостеле «Империял». Несмотря на поздний час, на улице кипела торговля овощами, фруктами, сувенирами, напитками. Продавцы — только женщины, все в национальных одеждах. Здесь уже иные, чем в Куско, головные уборы — крохотные чёрные шляпки из фетра. Точь-в-точь как у Чарли Чаплина. Непонятно только, как они держатся на самой макушке? Женщины (это типично для всей Южной Америки) крупные, с грубыми, мужеподобными лицами, суровым взглядом. Лишь молоденькие девчата изящны и привлекательны. Невольно задаёшься вопросом: «Отчего происходят такие метаморфозы с женщинами?» Может, причиной тому высокогорье? Высота всё же приличная — 4 000 метров!

Городские кварталы поднимаются по береговому склону с отметки в 3 810 метров до отметки 4 150 метров. И хотя мой организм уже адаптирован к высокогорью, всё равно, как только начинается подъём, так сразу учащается пульс, появляется одышка.

В последние годы Пуно приобрёл известность как фольклорный центр Перу. В дни национальных праздников в него съезжаются тысячи туристов со всего мира, и город превращается в страну веселья, старинных песен и народных танцев.

Утром 15 марта отправились на стареньком катере в двухдневное путешествие по перуанской части Титикака, являющегося самым высокогорным судоходным озером на нашей планете. И размеры у него нешуточные: при ширине 65 километров озеро вытянулось почти на 200 километров.

Среди пассажиров катера выделялся активностью и громоподобным голосом здоровенный финн. Он странствует по странам Южной Америки уже третий месяц (оказывается, в Финляндии отпуск может быть три месяца, из них полтора оплачиваемые). Чем дальше отплывали от берега, тем чище становилась вода. Окунул руку — холодновата, не выше 12 градусов. Вскоре показались рукотворные дрейфующие острова индейцев племени Урос.

С незапамятных времён они спасались на них от набегов враждебных племён, а впоследствии и конкистадоров. Так и живут, не меняя устоявшегося уклада жизни: срезают и вяжут в снопы стебли тростника тотора для укрепления и расширения площади острова. Строят из его туго связанных пучков каноэ для рыбалки и катамараны для «выхода в свет». Возводят хижины, плетут циновки, занавески, мастерят игрушки. Ловят и сушат на ве-

шалах рыбу (в основном озёрную форель), охотятся на водоплавающих птиц, разводят морских свинок.

Угроза нападения давно канула в лету, но на материк никто не переселяется — на плывучих островах им привычней. Благодаря постоянно добавляемым пучкам тростника они не только разрослись вширь, но и отяжелели, стали малоподвижными. Сейчас на озере около сорока таких дрейфующих платформ. На самых крупных имеются школы, магазины, музеи. У каждого «берега» пришвартовано с десяток лодок. В их числе катамараны с носами, украшенными грозно оскаленными головами пум. Похожие на те, что были сплетены

здесь же для экспедиций Тура Хейердала «Ра-1» и «Ра-2».

Остров, к которому мы подплыли, слегка покачивало. Из-за этого то там, то здесь что-то поскрипывало, похлопывало, напоминая гостям: осторожно, под вами десятки метров воды!

Завидев нас, обитатели деревни высыпали из тростниковых жилищ, похожих по форме на эвенкийские чумы, и, пританцовывая, запели. Следом из «дверных» проёмов выползли и с любопытством уставились на нас сопливые карапузы. Было очевидно, что все рады нашему визиту — это их шанс заработать.

Пока мы «гуляли» в сопровождении гида по мягкой и пружинистой «улице», осторожно обходя места, где проступала вода, полноватые, но при этом сноровистые женщины накрыли незатейливый стол: заваренный из листьев коки чай и маисовые булочки.

После бодрящего чаепития покатались на огромной тростниковой лодке. Мы с Эмилем даже немного поработали вёслами. За все эти удовольствия каждый заплатил по 10\$.

Прощавшись с гостеприимными аборигенами, вернулись на катер и запрыгали по белопенным гребням к центру озера — туда, где возвышался каменистый остров Амантани. Разгулявшиеся на просторе волны становились всё круче и напористее. Это щекотало нервы — как-никак под нами сотни метров воды.

Напряжение спало, лишь когда зашли в овальную бухточку и причалили к каменному пирсу, пристроенному к пологому, заставленному домиками склону острова. (Противоположный, крутой и скалистый, для жизни не пригоден.) В бухточке было спокойно. Только мерно накатывающиеся волны неумоимо шлифовали прибрежную гальку.

Амантани — остров небольшой: четыре на три километра. Между разбросанных в беспорядке домов выделялись компактные рощицы, состоящие из громадных дуплистых деревьев. То, что местные жители сохранили их, вызывало уважение. Зимой здесь по несколько месяцев держится минусовая температура, и воздержаться от соблазна пожить в дровами — это подвиг, говорящий о почтительном отношении к среде обитания и высокой культуре островитян.

В деревне пять сельскохозяйственных коммун по 50 человек в каждой. Её члены занимаются выращиванием бобов, ячменя, картофеля, маиса на принадлежащих им крошечных террасах.

Гривастый, похожий на матёрого зверя, староста «раздал» нас по семьям и сделал в своём журнале записи: следит за тем, чтобы в течение сезона каждый двор принял равное число постояльцев. Ведь это ощутимая прибавка к скудному семейному бюджету.

Узнав, что мы русские, островитяне заулыбались и стали поглядывать на нас с повышенным интересом. Кто посмелее, подошли ближе — гости из России здесь редкость. Вообще, следует отметить, что в Южной Америке к россиянам относятся с большой симпатией. Россию здесь по-прежнему воспринимают как противовес янки, к которым у латиноамериканцев стойкая неприязнь.

После того как мы с Эмилом внесли в кассу общины по 20 солей (в сумме это составляет 400 рублей), староста подвёл нас к невысокому, с мягкой, застенчивой улыбкой на лице индейцу:

— Его зовут Валерио. Идите за ним.

Всё время, пока поднимались по каменистой тропе к его двухэтажному П-образному дому, наши рюкзаки несли жена Валерио и её сестра — таковы местные обычаи. Кстати, глядя на них, нельзя было сказать, что поклажа им в тягость. Валерио же всем встречным с гордостью объявлял: «Русиан, русиан!» Люди притормаживали и с таким любопытством оглядывали нас, что я невольно стал проверять: всё ли у меня застёгнуто.

Улиц и дорог в селении нет. Только широкие тропы между каменными стенками-заборчиками, обрамляющими бессистемно стоящие дома и при-

мыкающие к ним хозяйственные постройки с огородами. Время на этом острове словно остановилось. Здесь не знают не только машин, но и велосипедов.

Встретила и провела нас в приготовленную комнату на втором этаже мать Валерио — суровая, черноволосая, несмотря на преклонный возраст, индианка. За всё время, что мы прожили у Валерио, мы так и не услышали ни от неё, ни от её улыбчивой снохи ни единого слова.

Обедать нас позвали в маленькую кухню с глиняным полом и крохотной, очень экономичной в плане потребления дров печуркой из обожжённой глины. Три полешка, благодаря слабенькой тяге, чуть горели, правильное будет сказать — тлели, но жар давали настолько сильный, что на плите всё кипело и шкворчало.

Подали суп (слава богу, индейцы, как и россияне, не могут жить без него). Потом — рагу из картофеля, помидоров, огурцов, заправленное жареным сыром. Очень вкусно и сытно. Кстати, огурцы здесь срывают, когда они достигают максимальных размеров, жёсткую, пожелтевшую кожуру перед употреблением срезают, как у картошки.

На улице довольно жарко, а в доме прохладно. После трапезы прилегли на топчаны отдохнуть. В открытую на террасу дверь была видна поблёскивающая на солнце водная гладь Титикаки, упирающаяся на горизонте в синие в белых шапках зубцы гор. В комнату то и дело залетал ласковый ветерок. Тишина, покой. Вокруг дома цветы: герань вперемешку с белой и розовой гортензией. За ними небольшой участок с колосющимся ячменём, справа — роща высоченных эвкалиптов и семейки унизанных острыми иглами кактусов.

Эта патриархальная и вместе с тем экзотическая картина расслабляла. От накотившего умиротворения я задремал, как вдруг соседский ишак зашёл в истерических воплях и разрушил царившую благодать. Эх, до чего ж бестактное животное!

К 16 часам все приехавшие на катере собрались на центральной площади у сельского фонтанчика (!) с памятником индейскому вождю (!). Пока поджидали застрявшего в сувенирной лавке финна, послушали песни в исполнении местных музыкантов. Когда скандинав, наконец, появился, староста повёл нас наверх. Остров Амантани гористый и имеет несколько вершин. Самая высокая — Пача-Мама, чуть ниже — Пача-Тата (Земля-Отец), остальные — сыновья.

Тропа проходила мимо баскетбольной площадки, окружённой несколькими рядами болельщиков в национальных одеждах. На игру они реагировали весьма сдержанно: вздыхали или молча улыбались. Лишь самые эмоциональные били себя кулаком в грудь.

Как только вышли из деревни, крутизна тропы резко возросла. Каждый шаг давался с трудом. Я то и дело останавливался, чтобы восстановить силы — высота-то 4000 метров! Но в какой-то неуловимый момент (кажется, после того как миновал каменную арку над тропой) из неведомых источников в меня влились силы, и я пошёл, с каждым шагом наращивая скорость. Очень приятное, надо сказать, состояние. В такие минуты кажется, что тебе

всё по плечу. На вершину поднялся с большим отрывом от остальных. Здесь уже поджидали аймарки с толстыми чёрными косами, свёрнутыми на голове в кольца. Они сидели прямо на траве, обложившись грудями вязаных изделий, и смотрели на меня с такой мольбой, что я купил всем трём дочерям белые с коричневым орнаментом кофты из нежной шерсти альпак.

На самой макушке Пача-Мамы находятся древние руины храма Солнца. Взглянуть на них не удалось — они на реставрации и окружены трёхметровым забором. Чуть в стороне, на возвышении, как на постаменте, высилась каменная глыба. Я взобрался на неё и застыл от восхищения: был тот миг, когда всё озеро усыпано переливающимися в лучах закатного солнца стружками «золота». На небосводе тихо тлели, чуть дымясь кровью, высоко взлетевшие облака. Сумерки на этих широтах короткие. Остров на глазах погружался в чернильную мглу. Унося последние отголоски дня, по небу проплыл запоздалый клин красных от лучей невидимого уже солнца гусей. Облака, что повыше, ещё несколько минут отражали прощальные отблески светила, скрывшегося за гребнем почерневших гор, но вот и они погасли. Земля и небо слились в непроницаемо-угольной тьме, старательно засеваемой Виракочей алмазными зёрнами. Неясные силуэты людей, принимая самые фантастические очертания, прорисовались лишь вблизи. Воздух сразу посвежел, наполнился влагой. Из-за горы в звёздную заводь лебедем выплыла луна.

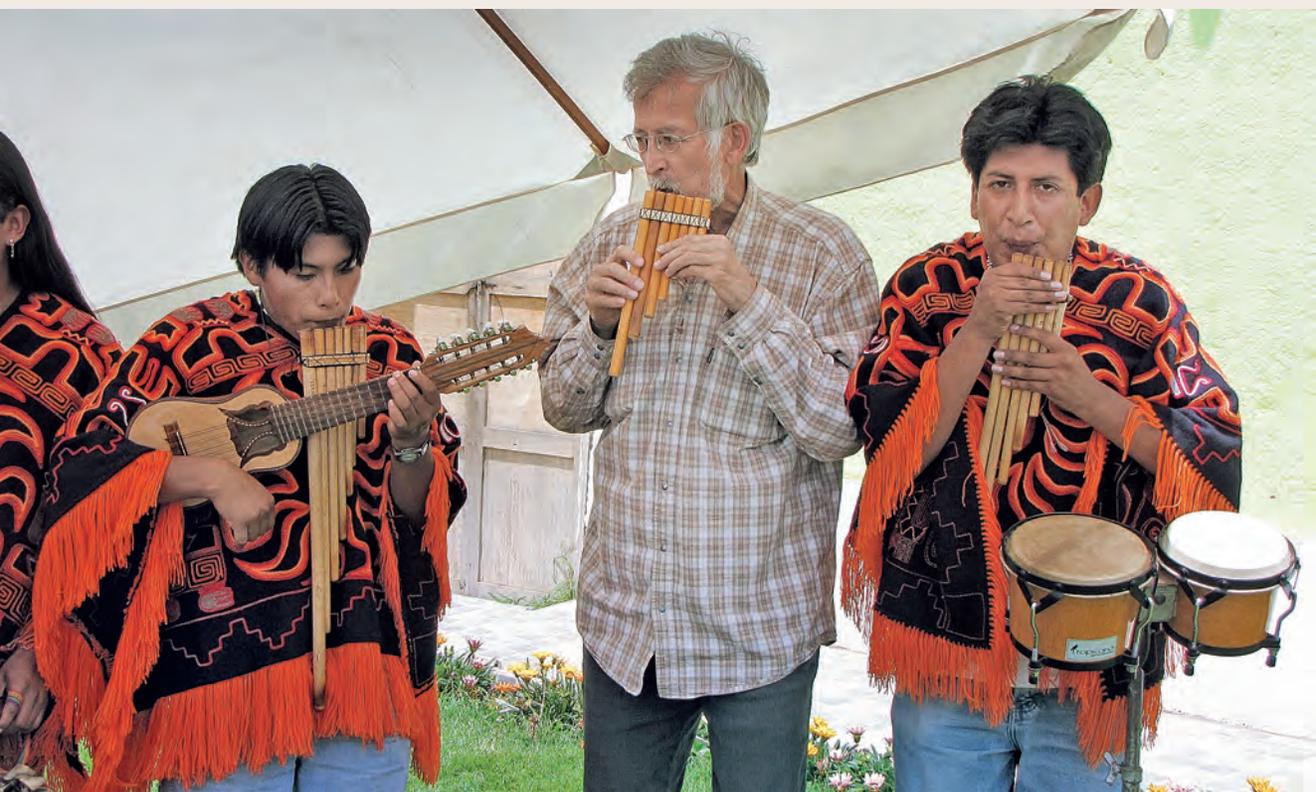

Спускались, освещая тропу фонариками. В деревне электричества нет, и чтобы мы не плутали, нас встречали заботливые хозяева. По дороге Эмиль проговорился Валерио, что у меня сегодня день рождения. Доведа нас до дома, он исчез, а вскоре появился с двумя соседями (один из них был с гитарой). Сам Валерио достал тростниковую флейту. Индейцы сначала о чём-то пошептались, а потом устроили шикарный концерт-поздравление. Хозяйка тем временем накрыла во дворе стол, я открыл бутылку водки «Золото Башкортостана» (так и хочется написать более нежное — «Золото Башкирии»), и мы допоздна веселились при свете керосиновой лампы.

У Валерио оказался очень приятный голос. Индейские лирические песни в его исполнении трогали до глубины души. Потом гитара перешла к Эмилю. Русские романсы очаровали хозяев не меньше. Когда бутылка опустела, в ход пошла «писка» — местная водка.

В сорока метрах от нас на усеянный галькой берег мерно накатывали волны, приплясывали на мелкой ряби лунные блики, а два белоголовых россиянина и три черноволосых индейца племени аймары радостно братались, провозглашая тосты за дружбу между народами.

Антонио, товарищ Валерио, разоткровенничался и похвалился, что знает место, где находится затонувший инкский храм. Обнаружил он его случайно, когда нырял за оторвавшимся якорем. В нём он видел покрытые илом статуи. (Может те, что из золота?) Это место Антонио держит

в тайне, потому что получил запрет от Пача-Мамы. Она приходила к нему в ту же ночь и сказала, что настанет час и придут люди из катакомб и перенесут их в её Дом. После этого она опять обретёт силу, и родится новый Инка, который устроит справедливый мир. Тогда на Земле воцарит благоденствие. Мы были заинтригованы, но в душе сильно сомневались в реальности его находки.

Проснувшись, ужаснулся:

— Кошмар! Мне седьмой десяток!

Чтобы не попасть под власть этой страшной цифры, я сказал себе: «Камиль, вчера ты достиг пика. Теперь начинается отсчёт лет в обратном направлении. Так что распечатай ты не седьмой, а пятый десяток, и с этого дня будешь не стареть, а молодеть год от года!»

Ловко я с перепугу выкрутился?! Посмотрим через несколько лет, что из этого настроя на омоложение получится.

Жизнь на острове течёт размеренно, без суеты. Не удивительно, что мать Валерио в 90 лет (проверил свои дневниковые записи: оказывается ей ещё больше — 92 года!) — довольно крепкая, властная женщина. Лицо, конечно, в кружеве глубоких, словно вырезанных резцом, морщин, но спина прямая, подбородок держит высоко.

Интересно, что когда мы надумали купить у жены Валерио шерстяной шарфик с шапочкой-шлемом и попросили снизить цену, сам Валерио побежал к матери за разрешением. И деньги отдал ей же. Матриархат!

Пенсия в Перу даётся сразу, как только выработал положенный стаж. Так, учителю необходимо отработать 30 лет. То есть, если работаешь в школе с двадцати лет, можешь уйти на пенсию в пятьдесят. А если не работал, то пенсии не жди. Во главу угла поставлен стаж работы. Справедливо!

Что ещё на Амантани бросается в глаза? Люди приветливые, полны достоинства. На их лицах не увидишь ни тени раздражения. Разговаривают тихо, вполголоса. Женщины работающие (а где иначе?) — вяжут, даже когда идут за водой. Грузы тоже они носят: сушняк, траву для скотины, ну и, разумеется, детей. Всё за спиной, в платках-сумках. Я, наконец, подглядел, как они «загружают» их. Расстелив платок, груз кладут посередине и два противоположных угла накидывают на него. Потом берутся за два других и ловко забрасывают груз за спину. Всё, вроде бы, предельно просто, но попробуй повторить...

На фотоаппарат островитяне реагируют спокойно, по большей части даже доброжелательно. На материке же, если видят нацеленный объектив, либо

яростно требуют денег, либо в панике убегают.

Туалеты, как, впрочем, и везде в Перу, с неперменной вытяжной трубой. На территории острова ни одной свалки, на тропах — ни соринки. Чистота идеальная. Члены общины живут по законам, выработанным веками. Того, кто нарушает их, ожидает несмыслимый позор и всеобщее презрение. Удастся ли им и дальше сохранять сложившийся уклад жизни, отеческие традиции, покажет время.

После завтрака вся спаянная ночной пирушкой компания проводила нас с Эмилем до пристани.

Несмотря на возражения, нести рюкзаки нам опять не позволили: это удел безропотных индейских женщин.

По дороге Валерио деликатно поинтересовался:

— Камиль, не сможет ли мой приятель пожить у тебя в России?

Слегка растерявшись, отвечаю:

— Да, это возможно, квартира большая.

Но на всякий случай уточняю:

— А как долго?

— Постоянно...

???

— Не пугайся, он ничего не ест и занимает мало места.

И тут Валерио протягивает мне вырезанного из дерева индейца, одетого в национальный костюм.

Я растроган, судорожный комок сдавил горло. Нахлынувшее чувство благодарности искало выхода. Хотелось сделать что-то приятное для этого, в общем-то, мало знакомого мне человека. Достал швейцарский складной многофункциональный ножик и смущённо протянул ему. Валерио обрадовался подарку, как ребёнок:

— Теперь я самый богатый человек на острове! — воскликнул он.

Когда вся группа зашла на судно, моторист взял курс к следующей точке нашего маршрута — острову Такуиле. Но лишь только катер покинул бухту, боковой ветер принялся изо всех сил раскачивать нашу посудину. Вскоре большинство пассажиров почувствовало признаки морской болезни: нарастающие приступы тошноты, головокружение.

Чтобы вода не перехлёстывала через борт, рулевому приходилось постоянно держать нос катера навстречу ветру. В результате мы шли не напрямую к Такуиле, а несколько в сторону. После того как в бак залили солянку

из запасной канистры, мотор сначала простужено зачихал, а затем и вовсе заглох. Обрадованные волны подхватили неуправляемое судёнышко и стали раскачивать, как люльку. Срываемые ветром пенные гребни щедро окропляли нутро катера и людей. Вскоре уже половина пассажиров, отрешившись от всего, валялась на скамьях с бледно-зелёными лицами. Капитан (моторист всё это время копался в двигателе, что-то бормоча: то ли молясь, то ли поминая нечистую силу) стал ходить и протирать лица лежащих спиртом. Тех, кому было совсем плохо, заставлял дышать сквозь смоченную в спирте тряпочку. Удивительно, но это помогало — люди оживали.

Ветер, шквал за шквалом набирая силу, достиг резиновой упругости. Грузные волны, утратив степенную размеренность, теперь жадно набрасывались на катер крутыми валами, перехлёстывающими через борт. С каждой минутой наша беспомощная посуда наполнялась новыми порциями воды. Тяжелея, она осаживалась всё ниже и ниже. Я на всякий случай поискал глазами спасательные круги, но, увы, их не было.

В голове невольно возникла жуткая картина: заполненный водой катер, плавно покачиваясь, идёт ко дну, и следом погружаются в чёрную, холодную бездну наши распростёртые тела. Из памяти некстати всплыла информация о том, что глубина Титикаки более трёхсот метров!

Эта невесёлая перспектива так взбудрила меня, что я, вылив за борт сок из двухлитрового пакета, срезал боковину и принялся лихорадочно вычерпывать воду. Капитан одобрительно кивнул. Ко мне присоединился Эмиль, а за ним и все те, кто ещё был в состоянии двигаться.

После многих безуспешных попыток запустить движок моториста, наконец, осенило: он перекинул шланг на второй бак (у меня эта мысль уже мелькала, но я почему-то стеснялся донести её до индейца). Движок, выпустив пару клубов чёрного дыма, ритмично затарахтел. Этот долгожданный стук для нас был слаще аккордов самой гениальной симфонии. Мы просияли. Капитан поставил катер носом к волне и пошёл по косой к чернеющему острову. А мы продолжили дочерпывать остатки воды.

Когда сошли на берег, оба индейца опустили на колени и, поцеловав землю, осенили себя крестным знаменем. Я тоже мысленно перекрестился.

Остров Такуиле в отличие от Амантани заселён гораздо плотнее и по всему периметру. Он прославился тем, что вязанием на нём занимается исключительно мужская часть населения. Было удивительно видеть гордо восседавших на стульях, несмотря на сильный ветер, колоритных, с суровым профилем мужчин, в узловатых пальцах которых мелькали, поблёскивая на солнце, спицы.

Главный источник пряжи — шерсть пасущихся повсюду овец. Правда, здесь они какие-то карликовые, почти игрушечные. И национальная одежда у индейцев тут иная. Мужчины в чёрных штанах и чёрно-белых жилетках, с широкими поясами, на которых вышит календарь сельскохозяйственных работ на год. Непременный атрибут: вязаные шапочки-колпаки, как у гномов. В свешивающемся на бок кончике хранятся листья коки. Если шапочка с поперечными цветными полосами, это значит, что мужчина семейный. Решивший жениться юноша к свадьбе должен связать себе специальную красно-белую шапочку. Женщины же все в белых кофтах и чёрных домотканых платках, украшенных увесистыми кистями.

На площади ко мне подбежали две девчушки. У них были такие славные, умильные личики, что я угостил каждую шоколадкой. Они спрятали их в кармашки и стали кланяться ещё и денег. В кошельке у меня было с десяток мелких монет — высыпал все в протянутые ладошки. Взвизгнув от счастья, они тут же помчались вприпрыжку к подружкам хвастаться свалившимся богатством.

Возвращались в Пуно в сопровождении волнистого отражения рогатого месяца. Ночью снилось, будто я плыву и кто-то тянет меня за ноги на дно. Я отчаянно хватаюсь за мокрую верёвку, но она выскользывает, и я погружаюсь в чёрную пучину всё глубже и глубже. Проснулся весь в поту и долго не мог сообразить, где нахожусь.

БОЛИВИЯ

площадь 1 098 581 кв. км

население — 11,4 млн человек

официальная столица — Сукре (фактически — Ла-Пас)

Город Копакабана

ВЕРНУВШИСЬ В ПУНО, до обеда занимались в консульстве Боливии оформлением виз. Выдаётся она бесплатно, но потрудиться ради её получения пришлось изрядно. Сначала в поисках ксерокса обегали весь центр. Найдя, сделали копии паспортов, сертификатов о прививках, авиабилетов. Потом через Интернет заказали гостиницу в Ла-Пасе и два часа ждали, когда придёт документальное подтверждение. Затем сфотографировались, и только после этого нас записали в очередь к консулу.

Тот оказался спесивым буквоедом, упивавшимся своей безграничной властью: ничего не объясняя, почиркал анкету и объявил тоном, исключаящим вопросы: «Неправильно! Переписать!» Общаться на английском наотрез отказался, хотя было понятно, что всё понимает. (Наверное, правильно делает — мы же в Латинской Америке.) Слава богу, Эмиль владел испанским, и мы с третьего захода всё же заполнили и мудрёную анкету, и заявление без ошибок. Иначе не видать бы нам Боливии. Можно было, конечно, попробовать с пограничниками договориться, но это опасно. Впустить, может, и впустили б, да только как потом без отметки в паспорте выедешь?

Когда марка, подтверждающая наличие визы, появилась в наших паспортах, до отправления последнего автобуса в Боливию оставалось всего тридцать минут. Простимулировав таксиста возможностью получить хорошие чаевые, мы подъехали к автостанции. В этот момент автобус с надпи-

сю «Пуно — Ла-Пас» уже выезжал из ворот. Мы бросились ему наперерез с такими воплями, что водитель сжалился — остановился.

Первая половина пути проходила по берегу Титикаки. (Озеро на две трети принадлежит Перу, на одну треть Боливии.) Узкая лента земли между дорогой и водной гладью вся в золотистых лоскутках поспевшего ячменя. Возле воды ни один клочок «не простаивает» без дела. Крестьяне серпами срезали стебли с тугими колосьями и ставили их в снопы — знакомая картина из давнего деревенского детства. Справа на склонах гор — тучные стада коров, отары овец.

Граница встретила нас поникшими от безветрия государственными флагами, зебристыми шлагбаумами и уже привычной многоголосой суетой и беготнёй между пропускными пунктами: оплачивали сборы, ставили штампы «вышел — зашёл». Завершающим аккордом явился дотошный «шмон» рюкзаков на предмет контрабанды боливийскими пограничниками в мятых мундирах. Наконец автобус трогается, и через полчаса въезжаем в уютный боливийский курортный городок Копакабана, прилепившийся на склоне холма и застроенный небольшими двух-трёхэтажными отелями в колониальном стиле. В центре — большой белый кафедральный собор начала XVII века.

Мы и поселились в отеле «Колониал»! Цены просто смешные: 6 долларов на двоих (90 рублей с человека)! Против наших гостиниц это до неприличия дёшево, но ведь не разоряются! Я бы сказал, даже неплохо живут!

Остров Солнца

По улице с сувенирными лавками спустились в быстро густеющих сумерках к бухте в расчёте на приятную прогулку по набережной и романтический вечер за кружкой пива, но нас ожидало разочарование. Набережная представляла собой захламлённый, покрытый грязными рытвинами берег, погруженный к тому же, ввиду отсутствия фонарей, в непроницаемый мрак. Контраст разительный: наверху шикарные отели, а внизу — такое убожество! Тут не то что гулять, ходить опасно. Странно! Обычно набережные в городах — самая красивая и обустроенная зона с ресторанами, кафе, уютными сквериками.

Так что ужинать пришлось без «вида на море с лунной дорожкой», зато попался нам суперэрудированный официант. От него мы узнали, что Боливия до 1824 года входила в состав Перу. После разгрома испанских колониальных войск борцами за независимость под предводительством Боливара и Сукре страна была разделена на две части, образовавшие новые государства: собственно Перу и новое — Боливию. Здесь, как и в восточной части Перу, большинство населения — индейцы (60%), уклад жизни которых не изменило даже 300-летнее испанское владычество. В Андах живут кечуа, а в окрестностях Титикаки — аймары. Все они до сих пор говорят на языке предков.

Утром спустились к бухте, сплошь забитой лодками, яхтами, и на скоростном катере помчались к острову Солнца. Его контур на карте дей-

ствительно напоминает солнце: от центрального «ядра» во все стороны расходятся, причудливо извиваясь, узкие щупальца.

Высота острова около трёхсот метров. На восточном побережье в небольших бухтах приютились три деревушки. Проскочив мимо первых двух, высадились в последней. Зернистый песок, раскалённый высоко стоящим солнцем, лениво пинали мягкие кулачки волн. У домов в пыли рылись куры. На отполированном штанами бревне о чём-то неторопливо беседовали загорелые белоголовые старики. Безмятежная тишина и покой царили вокруг. Проводник повёл нас по каменистой тропе на вершину холма — руинам древней цитадели.

От открывавшихся нам красот мы то и дело ахали: до того живописны были скалистые берега, украшенные мазками сочной зелени; прозрачные бухты с изумрудной водой, сквозь которую отчётливо просвечивались разбросанные в беспорядке каменные глыбы и тёмно-зелёные поля водорослей; отражающийся на зеркальной глади озера хребет с серебристой насечкой ледников.

В этом месте озеро Титикака особенно похоже на Байкал в летнюю пору — такое же суровое, могучее, величественное! А бухты напомнили побережье Японского моря на севере Приморского края.

Правда, местные руины после Мача-Пикчу и Ольянтайтамбо не произвели впечатления. Отдохнув на каменных скамейках, стоящих

вокруг стола из гранитного монолита, спустились к пристани и на катере вернулись к первой овальной бухте с высоким, изрезанным мощными скальными выходами, берегом. На его кручах, в тени деревьев, лепились в беспорядке глинобитные хижинки.

К самой высокой точке острова мы с Эмилем карабкались между крошечных земельных наделов вместе с индейцами, несущими мешки с цементом. На вершине стоял внушительный крест, поодаль торчали стены инкских построек из камня. На них строители вели реставрационные работы. Отсняли на видео панораму озера Титикака, обрамлённого заснеженными горами, особенно высокими на юго-востоке, где, судя по карте, находится главный город Боливии — Ла-Пас.

Ночевали в крытой соломой хижине за 20 боливиан (80 рублей!) на двоих. Рядом, прямо на краю отвесного обрыва, душ с чёрным баком на крыше, отдельно туалет, в котором через «очко» можно лицезреть плещущееся в метрах двадцати озеро.

На ужин черноокая хозяйка приготовила местную форель с зеленью и подала её с бутылкой холодного боливийского вина. Яркие звёзды на аспидном бархате, едва заметная зыбь на глади озера, лёгкий ветерок, терпкое вино — что ещё надо для счастья? Ложусь в прекрасном настроении: ещё бы — буду спать в столь знаменитом, известному практически

каждому, месте. Глядя на незнакомые созвездия, в которых потомки инков видят костры, разожжённые их предками, засыпаю.

Весь следующий день, отключившись от всех забот, продолжали упиваться окружающими нас красотами и царящим вокруг покоем. Слушали шёпот мерно накатывающих на берег волн: казалось, что это шелестит сочащееся в никуда Время. Любовались на парящие в ультрамариновом солнцевороте полупрозрачные перистые облака, на сплетённые из тростника ладьи, тянущиеся за ними по водной глади «усы». Представляли, как на таком же судне плыла к острову Пасхи команда Тура Хейердала вместе с нашим незабвенным Юрием Сенкевичем.

Я то загорал, то купался: пекло так, что холодная вода Титикаки казалась благом. В голове вертелось: «Над островом Солнца — слепящее солнце». В общем, было хорошо как никогда!

Час расплаты за беспечность настал вечером, когда моё тело покрылось такими крупными водянистыми волдырями, что в последующие двое суток меня не покидало ощущение, будто живот и спину поливают кипящим маслом. (Мудрый Эмиль избежал этой пытки, поскольку наслаждался видами природы, сидя в тенёчке.) Что на это сказать? Наверное, больше всего подойдёт поговорка: «Дуракам закон не писан!» Знал же, что на высоте 4 000 метров ультрафиолета — бездна! Так нет — надо обязательно проверить на своей шкуре.

ЛА-ПАС

ИЗ КОПАКАБАНЫ ОТПРАВИЛИСЬ В ЛА-ПАС — самый крупный по численности населения мегаполис страны (1 млн 600 тыс.) Если посмотреть на карту — до него рукой подать, но из-за паромной переправы дорога отняла полдня.

На высоченный гребень кратера спящего вулкана, на дне которого раскинулся город, поднимались уже в кромешной тьме. А поднявшись, ахнули от изумления: глубоко внизу, под нами, колыхалось море огней. Когда спускались вдоль внутренней стенки кратера, была полная иллюзия, будто погружаемся в жерло вулкана, дно которого залито огнедышащей магмой. В самом городе по всем улицам, несмотря на поздний час, текли, подобно лаве, змеевидные потоки машин, по большей части старых и немилосердно чадающих. Водители, истошно сигналив, неслись напропалую, не обращая внимания на манёвры соседей. Наш таксист, чудом избегая столкновений, лихо протискивался сквозь этот хаос из автомобилей и снующих между них пешеходов.

С размещением возникла проблема. Похоже, что отелей здесь значительно меньше, чем в Пуно. После двухчасовых разъездов с большим трудом нашли небольшой номер.

В городе довольно прохладно: сказывается высота и близость ледников. Кстати, Ла-Пас — самая высокогорная столица в мире — расположен на высоте 3 650 м над уровнем моря. (Официально столицей Боливии объявлен

город Сукре со 100-тысячным населением, но по факту всё же Ла-Пас: здесь резиденции и Президента, и Правительства.)

С утра знакомимся с этим многоликим, разношёрстным конгломератом, плотно устлавшим дно древнего кратера. (Не перестаю удивляться беспечности и недалёковидности людей: вулкан ведь из категории спящих — в любой момент может проснуться и разбросать на десятки километров все эти дома с их обитателями.)

Боливия относится к бедным странам, но, глядя на Ла-Пас, этого не скажешь. В центре, наряду с красивыми старинными зданиями XVIII–XIX веков, много современных высоток из стекла и бетона. Президентский дворец и Дом Правительства находятся, как и в Кито, на главной площади в двадцати метрах от отдыхающих здесь же горожан. Посреди неё сквер с фонтаном, клумбами и неременной конной статуей какому-то военачальнику. По всей видимости, одному из героев борьбы за независимость.

На улицах обращают на себя внимание стайки школьников. Все в чистых, отутюженных формах. На плечах погончики, на рукавах лычки — их количество соответствует классу. Что интересно, молодёжь гуляет с уже

Пласа Мурильо

забытыми у нас транзисторными приёмниками, в то же время Интернет-кафе — на каждом шагу. Необычное сочетание!

Плотность транспортного потока днём ещё более возросла. Самая точная характеристика принципа движения — неуправляемый хаос с леденящими сердце европейцев зазорами между сумбурно перемещающимися авто. Считается, к примеру, нормальным с крайней правой полосы неожиданно, не включая даже сигнала «поворот», пересечь в полуметре от идущих машин всю улицу налево и наоборот. Наверное, по этой причине в городе так много «лежачих полицейских». Что удивительно, мы ни разу не слышали возмущённых криков и злобных ругательств в адрес лихача. При этом аварий практически нет. Наблюдая за рискованными, непонятно каким образом благополучно завершающимися манёврами, на ум невольно приходит выражение: «Анархия — мать порядка!»

Ситуация на дорогах усугубляется ещё тем, что тротуары узкие, и часть пешеходов движется в одном потоке с автотранспортом. Автобусы ходят с открытыми настежь дверями, и стоящий на ступеньке подросток зазывает пешеходов, выкрикивая маршрут движения.

Вообще, водители в Перу, и в особенности в Боливии, — это отдельная тема! Теперь мне понятно, почему в этих странах нет (по крайней мере, мы не встречали) фирм, сдающих автомобиль в аренду. Иностранец на первом же перекрёстке либо устроит ДТП, либо, парализованный творящимся бедламом, встанет и заблокирует движение. Ещё одна местная шиза — все постоянно сигналят. Просто так, едут и сигналят, как маленькие дети.

Горизонтальных улиц в городе практически нет: по большей части то круто вниз, то круто вверх. Глаз это радует, но ходить по ним из-за недостатка кислорода тяжело.

Стоит удалиться от respectable центра на два-три квартала, как оказываешься в окружении прилавков, заваленных всем, что душе угодно: начиная от вязаных носков и кончая варёной кукурузой. Здесь тоже торгуют только женщины. Они облачены в цветистые кофточки и множество широких юбок. Поверх чёрных волос, расчёсанных на прямой пробор и заплетённых в косы, тёмные фетровые шляпы-котелки.

В Боливии, как и в граничащих с ней провинциях Перу, проживают в основном индейцы племени аймары. Мужчины на лицо не отличимы

от индейцев кечуа, но боливийских женщин сразу узнаешь — они посуровой на вид и все непременно в крохотных шляпках.

Приметив особо колоритную «мадам», начинаю «охотиться» — ловить момент для снимка. Это непростая задача, так как боливийки не любят, когда их фотографируют и, как правило, либо отворачивают лицо, либо убегают. Эх, и эта убежала!

Что ещё мы заметили? Если в Перу не менее 80% туристов пенсионного возраста, то здесь, в Боливии, в большинстве молодёжь (в основном альпинисты и велотуристы). Похоже, что мы в Ла-Пасе из иностранцев самые — хотел написать «старые», но спохватился, — возрастные.

Как мне показалось, люди в Боливии подружелюбней, почестней, чем в Перу. Правда, посещение рынка ведьм меня повергло в ужас. Более мерзкую картину трудно вообразить. До сих пор не могу отделаться от ощущения, что

соприкоснулся с самым отвратительным проявлением человеческой природы. Представьте себе десятки магазинчиков, на прилавках которых лежат сотни скрюченных эмбрионов самых разных животных (среди них я узнал только младенцев лам с широко раскрытыми, удивлёнными глазами), высушенными лягушками, шкурами змей, хвостами, лапами, копытами... На это скопище безвинных жертв не только глядеть, но даже, закрыв глаза, стоять рядом невыносимо. Тягостное впечатление усугубляет тяжёлый, вязкий дурман, исходящий от дымящихся на стойках палочек.

Через минуту нам с Эмилом стало так плохо, что мы покинули это место почти бегом. Я потом много дней с трудом сдерживал подступавшие при одном воспоминании о рынке ведьм приступы тошноты.

Поражает количество стражей порядка в городе: они на каждом шагу. Примерно половина — женщины. Экипированы по полной программе, а порядка тем не менее маловато. Позже в Чили мы не видели ни одного полицейского, но, что удивительно, порядок безупречный. Вспоминается тамошний водитель микроавтобуса, который остановился среди бескрайних барханов перед бессмысленным на мой взгляд (вокруг на многие километры ни одной машины и ни одного пешехода) знаком «STOP».

Автомобили в Боливии в основном японские: Тойоты, Хюндаи и Мазды. Изредка встречаются европейские: Фольксвагены, Рено, Пежо. Ещё реже —

американские громилы. наших же практически нет. Пару раз встретилась лишь «Нива».

Многие туристы едут в эту страну, чтобы побывать в Тиаунако — районе, где сохранились следы цивилизации, существовавшей задолго до инкской (1500 лет до н.э. — 900 лет н.э.). Её представители в совершенстве умели обрабатывать камни, металлы, знали геометрию, астрономию, возводили огромные здания и пирамиды. Судя по тому, что найденные там скульптуры отражают все виды рас, населяющих нашу планету, можно предположить, что это государство посещали жители и других континентов. Нам рассказали об этой, мало известной у нас, цивилизации слишком поздно — мы уже были на пути в Чили.

Не добрались мы из-за удалённости и до уникальной староверческой общины, обосновавшейся в деревне Тоборчи возле городка Санта-Круз. Возможно, это удастся сделать в будущем.

Тиаунако

САЛАР-ДЕ-УЮНИ

УТРОМ ЕДЕМ В ГОРОДОК УЮНИ, расположенный в самом безлюдном районе плато Альтиплано. Неподалёку от него находится крупнейший солончак нашей планеты — Салар-де-Уюни (огромная соляная пустыня диаметром в 100 километров), таящий в себе десятки миллиардов (!) тонн чистой каменной соли. Этот соляной склад может удовлетворять потребности всего человечества не одно столетие.

В эти края ещё не добрался асфальт, и белые хвосты реактивных самолётов пока не кромсают ультрамарин неба на ломти, а грунтовка такая раздолбанная, что невольно вспоминается родимое бездорожье. Окружающие пейзажи тоже не радуют: однообразная, безжизненная, белёсая от висящей в воздухе пыли пустыня, покрытая пластиковыми бутылками, обрывками полиэтиленовых пакетов и всевозможным рваньём, — чем ближе к селению, тем этого «добра» больше.

Сам городок Уюни оказался размазанным по высокогорному плато одноэтажным блином. В центре он ещё пытается произвести впечатление: яркие вывески, разноцветные фасады, несколько покрытых пылью деревьев и даже пятиметровая сюрреалистическая фигура женщины, сваренная... из ржавых обломков паровоза. Но чуть в сторону — и панорама сразу приобретает уныло-глиняный, пыльный вид.

На автостанции нас караулила толпа представителей местных турфирм. У меня наибольшее расположение вызвала боливийка средних лет с внешностью строгой учительницы математики, и мы с Эмилем,

не колеблясь, ринулись к ней. Она, вдохновлённая нашим доверием, просияла и повела в свой офис — небольшую комнатку, дальний угол которой был завален рюкзаками. Развернула на столе карту-буклет со сказочными видами и предложила трёхдневный маршрут на джипе по солончаку и его окрестностям. Два пассажира уже имелись, и если мы присоединяемся, то через пару часов можем выезжать. (Это время понадобится водителю для подготовки к дороге: набрать воды, заправить канистры соляной, баллоны газом, закупить продукты.) Маршрут и цена тура нам показались привлекательными, но я по привычке поторговался и сбил цену до 85 долларов на человека. Если учесть, что сюда входят ночёвки и трёхразовое питание, это совсем

недорого. К тому же хозяйка гарантировала по завершении маршрута в счёт этой суммы доставить нас к КПП на границе с Чили.

Эти два часа до отъезда я использовал для знакомства с городом. Ноги сами вывели на местный рынок, вещевой и продовольственный одновременно. На соседних улицах ни души, а тут столпотворение со всей присущей палитрой эмоций и многоголосого гула.

Потом заглянул в костёл. Там как раз шла месса. Прихожан человек тридцать. Все сидят на скамейках. После того, как священник закончил проповедь, один из прихожан заиграл на гитаре зажигательную мелодию, и присутствующие, дружно пританцовывая, запели. Вот такая, весьма свободная, непривычная с точки зрения православных и мусульман служба.

В «круизере» золотистого цвета с нами ещё двое: пухлощёкий, вихрастый француз лет двадцати пяти — спортсмен-пятиборец и итальянец — врач-нарколог, этому далеко за сорок. Его чёрная, как смоль, борода столь пышна и дремуча, что в ней тонули не только губы, но и глаза.

Водитель — жизнерадостный индеец Диего. На его лице и руках бугристые шрамы — следы от «общения» с аллигаторами. Эти рубцы не портили, наоборот, придавали его лицу мужественное выражение. Он вырос в сельве, но после женитьбы перебрался из влажных, непроходимых джунглей в эту соляную, безводную пустыню.

Диего оказался весьма эрудированным и любознательным человеком, неплохо знающим Россию: без конца спрашивал нас о Байкале, амурских тиграх, осетровых, о Чернобыльской аварии.

По дороге к солончаку нас завезли на кладбище старых, уже изрядно проржавевших паровозов. От них пахло горячим металлом и почему-то дёгтем. Всего здесь среди песков на изъеденных ржавчиной рельсах нашли приют порядка двадцати стальных монстров. Порыжевшие, помятые массивные торсы паровозов представляли собой грустное и вместе с тем впечатляющее зрелище. Молодцы боливийцы — даже свалку сумели превратить в популярный туристический объект!

Проехав ещё немного по пыльной грунтовке, скатились на ровное, уходящее в бесконечность, «поле», покрытое искрящимися, как свежее-павший снег, кристаллами чистой соли. У «берега» ряды белоснежных конусов. Возле одного из них стоит машина, и несколько человек лопатами перебрасывают зернистую крупку в открытый, обшитый изнутри оцинкованным железом, кузов. Её отвезут на крытую площадку, где соль расфасуют в мешки и отправят в торговую сеть. Трудозатрат — минимум! Прибыли — максимум!

Миновав соляной промысел, покатались, быстро набирая скорость, по монолитной толще, слегка припудренной печатной порошей из кристалликов. Ещё месяц назад, во время сезона дождей, солончак был сплошь покрыт десятисантиметровым слоем воды, и Уюни представлял собой циклопическое зеркало, в котором отражались облака и далёкие горы. Именно в такие дни здесь возникает феномен «белый-аут», то есть полная иллюзия слияния земли и неба в единое целое, когда трудно понять, где реальность,

где отражение. Сейчас воды нет, и внедорожник, чуть шурша резиной, мчится по озеру на запредельной скорости. При этом в салоне не шелохнёт: поверхность солончака идеально ровная. Настолько ровная, что кажется, будто мы не едем, а стоим: над головой — густо-синий, без единого облачка, небосвод, под нами — искрящаяся гладь, и между всем этим парит размытая в белёсой текучести марева золотистая капсула «Тойоты». В ней не туристы, а космонавты, исследующие затерянную в галактике неведомую планету! Сколько ни крути головой, не увидишь ничего, кроме белоснежной плоской равнины и чистого небосвода. Здесь теряется чувство времени, пространства, направления.

Удивительно было увидеть посреди этого безбрежного безмолвия довольно большое здание, сложенное из соляных блоков. Оказалось, что это таверна. Рядом высокая круглая площадка, тоже из блоков соли. Над ней на флагштоках развивается десятка полтора разных государственных флагов. Мы добавили к российскому (кто-то опередил нас) флаг Башкирии. Наблюдать за его установкой из таверны выбежали туристы и персонал кухни. Всех интересовало, что за новая страна отметилась на Уюни? Пришлось терпеливо растолковывать, что Россия — федеративное государство, и это флаг Республики Башкортостан.

После очередной гонки по «белому морю» заметили на горизонте тёмный штрих. Мираж? По мере приближения к нему понимаем, что это остров. Остров Пескадо, состоящий из бурых скал известкового происхождения: на них хорошо видны остатки кораллов и морских ракушек. Нам даже показалось, будто он подвешен к небу.

Остров возвышался над спящей гладью молочного цвета крутым горбом, утыканным гигантскими, в пять-семь метров высотой, пузатыми кактусами. Между этими колючими исполинами флегматично бродили броненосцы, порхали рыжеватые птички.

Установив у берега раскладной столик со стульями, Диего попотчевал нас шикарным обедом. Мясо ламы было столь вкусным, что я даже вылизал тарелку. И гарнир из кинуа — кустистого, с разноцветными листьями злака, растущего в горных районах, был под стать.

Фотографируя со всех сторон изумившие меня гигантские древовидные кактусы, я нечаянно наступил на отвалившийся мясистый «листок». Пять острых игл, пробив толстую подошву, вонзились в ступню. Стиснув зубы, стал осторожно снимать кроссовку. Несмотря на все старания, кончики трёх игл всё же обломились. Пришлось скакать до машины на одной ноге. Эмиль помог мне усесться, с помощью ножика и пинцета провёл «операцию» по удалению засевших игл и залил ранки йодом.

Местное население стволы этих кактусов распускает... на доски. Хотя они испещрены по всей длине сквозными отверстиями, изготовленная из них мебель довольно прочная. (На этом острове гигантские кактусы не рубят — здесь заповедник.)

Беседа с французом, с грустью узнали, что раньше во Франции преподавали культуру, историю России (СССР), а сейчас эти разделы из школьной программы исключены. Увы, с горечью приходится констатировать, что авторитет нашей страны в глазах европейцев сильно пострадал. Причин на то много, но это не тема моего очерка.

На ночь нас разместили в уникальном, возможно, единственном на земном шаре, отеле из каменной соли. В нём не только стены и потолок, но и стулья, и кровати, и стол, и даже часть посуды сделаны из соли! Пол тоже покрыт хрустящим под ногами слоем крупных, похожих на огранённые алмазы, кристаллов. Воздух густо пропитан соляной пылью. Дышится легко, но когда умываешься, чувствуешь на языке соль. Что любопытно — кровать из соляных блоков великолепно аккумулирует тепло, и ночью на ней спишь как на русской печке.

Ужин был обильный и весёлый, с двумя бутылками красного вина. За столом сидели два татарина, француз, итальянец и боливиец. У всех разные языки, традиции, ценности, но это не мешало нам понимать друг друга, шутить, смеяться. Как оказалось, у каждого из нас одни и те же заботы, схожие проблемы, и радуемся или огорчаемся мы по одним и тем же причинам. С удивлением узнали от Диего, что и в Перу, и в Боливии не любят туристов из Израиля: шумные, бестактные. Для меня такая характеристика была полной неожиданностью. Видимо, в Израиле настолько строгие порядки, что, вырвавшись на волю, молодёжь оттягивается по полной программе.

Перед сном вышли во двор. На чёрном небосводе, покрытом алмазным бисером, царил огромный медовый диск. Спины кратеров делали его похожим на лицо радостно улыбающегося колобка. Это было так созвучно нашему

настроению, что мы, обнявшись, запели кто во что горазд. Когда приступ веселья и эйфории закончился, ребята отправились на свои соляные кровати.

Оставшись один, я вновь вглядывался в разбросанные по чёрному куполу созвездия и понимал, что это совсем другие, доселе невиданные мною узоры, о которых прежде читал только в книгах. По горизонту то и дело полыхали зарницы. На склонах гор ненадолго появлялись и гасли какие-то блуждающие огни. Всё в этих краях иначе, загадочнее, чем в родном Северном полушарии.

С утра вновь мчимся по соляной равнине. Неожиданно въезжаем на участок, покрытый тонким слоем воды. Вышел из машины. Оказавшись на сухом месте, поворачиваюсь — где Эмиль? и вижу картину из Писания: в воде, как в гигантском зеркале, отражается голубая бездна неба, торжественно плывущее по ней полупрозрачное облачко, и Эмиль, словно Иисус Христос, спускающийся к нам с небес. Прямо-таки, библейский сюжет!

Наконец белая пустыня Уюни позади. Джип, натужно рыча, заползает на отроги красно-коричневых гор, залитых толстым слоем стекловидной лавы. То и дело вспугиваем викуний, щиплющих реденькую, растущую жидкими пучками, траву.

Дорога разбита так, что нас бросает из стороны в сторону, как во время тропического шторма.

Перевалив усыпанный громадными ошметками лавы гребень, видим под собой котловину с озером Каньяна (4 150 м). Из-за обилия термальных источников оно парит, берега в пятнах жёлто-зелёных солей. На водной глади горят розовым облаком несколько тысяч фламинго. Подкравшись, люблюсь и одновременно фотографирую их. Красивые птицы грациозно вышагивали по солёной воде и вязким, белёсым островкам, выживая широкими, крючковатыми клювами что-то съестное из чёрной жижи. Диего утверждал, что мелких рачков. Правда, непонятно, как те размножаются и выживают в таком концентрированном, да к тому же ещё холодном (плюс два по Цельсию) соляном растворе. А может, для этих рачков соль — мать родная?!

За скатившимся прямо к береговой линии обломком скалы притаился жирный лис: поджидает, когда какая-нибудь птица приблизится на расстояние верного прыжка. Сообразив, что его обнаружили, он понуро затрусил в горы.

На противоположном от нас краю озера всё это время неторопливо, я бы даже сказал, задумчиво «ползало» торнадо — водяной столб высотой метров двадцать. Мы то и дело поглядываем на этот многотонный вихрь — вдруг направится к нам. Поглядываем с опаской — ведь иные смерчи обладают такой чудовищной мощностью, что обнажают дно рек и озёр, перенося воду с рыбой на приличное расстояние. При этом их скорость

может достигать ста километров в час. Слава богу, наше торнадо перемещалось со скоростью черепахи.

Поднимаемся в горы всё выше и выше. Иногда вспугиваем пушистых вискачи — зверьков, похожих на кроликов, только с длинными, свёрнутыми бубликом хвостами. Миновали ещё четыре лагуны (так местные называют озёра), тоже заселённые фламинго. Диего объяснил, что здесь обитают три вида этих птиц: чилийский, андский и фламинго Джеймса. Они отличаются по окраске перьев и форме клюва.

Трава на склонах практически исчезла, но небольшие табунки викуний по-прежнему встречались. С трудом, из последних лошадиных сил, «круизер» ползёт к водораздельному гребню. Вокруг лишь мелкий щебень. Альтиметр показывает 4750 метров. В конце концов джип заглох. Видимо, мотор перегрелся. Делать нечего, выходим размять затёкшие конечности. Самый молодой и нетерпеливый среди нас француз, чтобы посмотреть, что же там за перевалом, побежал вверх. Ну, думаю, даёт парень! Высота-то нешуточная. Вслед за французом рванул и итальянец. Тут мне обидно стало: ещё скажут потом у себя дома, что русские — слабаки! И... тоже почесал за ними. Бежал легко, с удовольствием. Казалось, что стал невосомым: толчок — лечу, толчок — ещё дальше лечу! Обогнал итальянца, но «сделать» француза сил не хватило — стал задыхаться. Что ж, и так неплохой результат, особенно, если учесть, что француз — профессиональный спортсмен.

Хорошо всё же в горах! И дышится легко, и мыслям просторно. Как витеватто выразился Эмиль: «В горах особая, мыслеродительная среда».

Давно заметил, что мой организм наиболее эффективно функционирует именно в экстремальных условиях, и хотя незадолго до отъезда в экспедицию я дважды переболел гриппом с температурой под сорок и вся двухмесячная общефизическая подготовка пошла насмарку, чувствую себя здесь с каждым днём всё лучше и лучше.

С перевала нам открылся вид на абсолютно ровное плато длиной тридцать, шириной — не менее двадцати километров! Практически космодром! За ним плотные ряды высоченных вулканов, испещрённых причудливыми извивами лавовых потоков, расплзающихся у подножья многоцветным верером. Некоторые потихоньку чадят сизыми, надломленными ветром, струйками, убегающими за горизонт. Отличаются они и по форме: туповерхие, остроконечные, многоглавые.

Пересекли несколько зубастых кряжей. Их скаты тоже залиты застывшими потоками извергнутых из недр Земли стекловидных пород. По цвету они самые разные. Преимущественно коричневые, но встречаются жёлтые, белые, охристые. Есть и почти красные с подтёками всевозможных оттенков. Фейерверк цветов!

Хотя большинство вулканов по высоте превышают пять тысяч метров, на них ни единого пятнышка снега — осадки в этих краях большая редкость. Голый, безжизненный пейзаж оживляют только викунии. Эти животные хоть

и пугливы, но в то же время ужасно любопытны: отбегут метров на сто и встанут, с интересом разглядывая наше пропылённое авто.

Растительности вокруг никакой, и было дико видеть здесь страусов нанду. Эти гигантские птицы нигде не унывают: бодро разгуливают парочками по голым базальтам. Непонятно только, чем они питаются и как обходятся без воды? А при их размерах её требуется немало.

Среди причудливых нагромождений застывшей магмы радуют взор ярко-зелёные «пирамидки» высотой чуть более метра, сложенные из нескольких десятков зелёных «шаров» размером с футбольный мяч. На ощупь они твёрды, как камень, но на самом деле это древовидные грибы. Местные гаучо используют их на дрова: кромсают топором на куски и топят печь. Если подобное варварство не прекратится, то недалёк день, когда эти, так оживляющие панораму, немногочисленные красавцы исчезнут — растут они чрезвычайно медленно.

Ночевали в маленькой деревушке Вайлихара. Завтра, к обеду, Диего обещает доставить нас к границе с Чили.

Перед сном, как всегда, вышел полюбоваться на рассыпанную по чёрному бархату жемчужную наколку. Ярких звёзд и выразительных созвездий в Южном полушарии мало. На Млечном пути выделяется лишь фальшивый Южный Крест. Настоящий расположился в сторонке, в гордом одиночестве на почти беззвёздном участке. По горизонту опять то и дело прокатываются вспышки зарниц. От их призрачного света почему-то становится тревожно.

ГРАНИЦА

К ЧИЛИЙСКОЙ ГРАНИЦЕ выехали задолго до рассвета. В машине все дрожат: холодно. На термометре минус четыре. На склоне, изъеденном воронками в два-три метра глубиной, остановились. В воздухе резкий запах сероводорода. Здесь, на площади в несколько гектаров, земля буквально дрожит от бушующих в глубине «страстей». Из невидимых пока нам жерл где со свистом, где с рёвом вырываются горячий пар и струи кипящей воды. Шум такой, что разговаривать невозможно. Ходили между воронок крайне аккуратно, подсвечивая фонариками: поскользнёшься и угодишь в кипящий котёл.

Макушки гор чуть порозовели, но для качественных фотографий было ещё темновато. По крайней мере, мой фотообъектив не вытягивал кадр. Наконец, солнце пробило ломаный профиль гор, и мы мгновенно оказались в толще золотисто-оранжевого пара, зажжённого брызнувшими на землю снопами лучей. Всё запылало под грозный аккомпанемент фумарол и гейзеров. Мы потрясены! Даже только ради этого представления стоило забраться в такую глушь! К сожалению, сказочная феерия длилась недолго: две-три минуты. Лишь только светило оторвалось от горизонта, клубы пара погасли, приобретя обычный молочный цвет.

Через десять километров, въехав на очередной сутулый перевал, мы увидели под собой глубокую, покрытую клубящимися блюдами воды, впадину. Её покой охраняли полтора десятка конусовидных вулканов.

Довольно ровное дно котловины местами вспучено гривками с серебристыми накидками изморози.

У одного из термальных источников остановились. Поёживаясь от холода, померили температуру воды. Для купания в самый раз — плюс 40. Все уже зашли в воду, а я никак не мог заставить себя снять одежду: раздеваться в пятиградусный мороз, да ещё после сна, не хотелось. Зато, когда решился, не пожалел. Оказывается, это такое блаженство — лежать в горячей воде, выставив над парящей поверхностью только нос и глаза, и снисходительно поглядывать на Диего, дрожащего на покрытом инеем валуне.

Чем глубже в Анды, тем меньше облаков. Сегодня на небе за весь день вообще ни одного так и не зародилось. Трава давно исчезла. Подъехали к знаменитой лагуне Верде. Она прославилась тем, что в течение суток несколько раз меняет свой цвет от небесно-голубого до ярко-зелёного. В её застывшей глади, как в зеркале, отражалась громада стратовулкана Ликанкабур (5920 м) с чётко прорисованным провалом кратера. Озеро, похоже, обмелело, и на обнажившихся берегах лежали минерализованные тела каких-то мелких зверьков. На ощупь они были твёрды. При многолетнем соприкосновении органических тел с солями происходит замещение органических тканей на металл, входящий в состав солей. Как-то в одной чилийской шахте нашли труп человека настолько минерализованный, что он походил на скульптуру, отлитую из меди.

Соседняя лагуна Бланка была затянута прозрачным ледком. Температура замерзания у местных озёр разная. Она зависит от состава и концентрации солей в воде. Скоро сюда придёт настоящая зима, и тогда уж все озёра покроются льдом.

Отсюда дорога решительно поворачивала на юг и, огибая махину Ликанкабура, вела к водоразделу, вдоль которого проходит граница Боливии с Чили. Вот и КПП: поперёк грунтовки шлагбаум, вокруг несколько вагончиков. Наши российские паспорта вызвали у пограничников повышенный интерес. Позвав офицера, они долго разглядывали то паспорта, то нас. Выглядело это почти как в известном стихотворении Маяковского. В это время с чилийской стороны к границе подъезжает красномордый труженик «Камаз»! Ура! Как приятно видеть в этих безлюдных местах посланца родины, много раз побеждавшего на знаменитых ралли «Дакар-Париж».

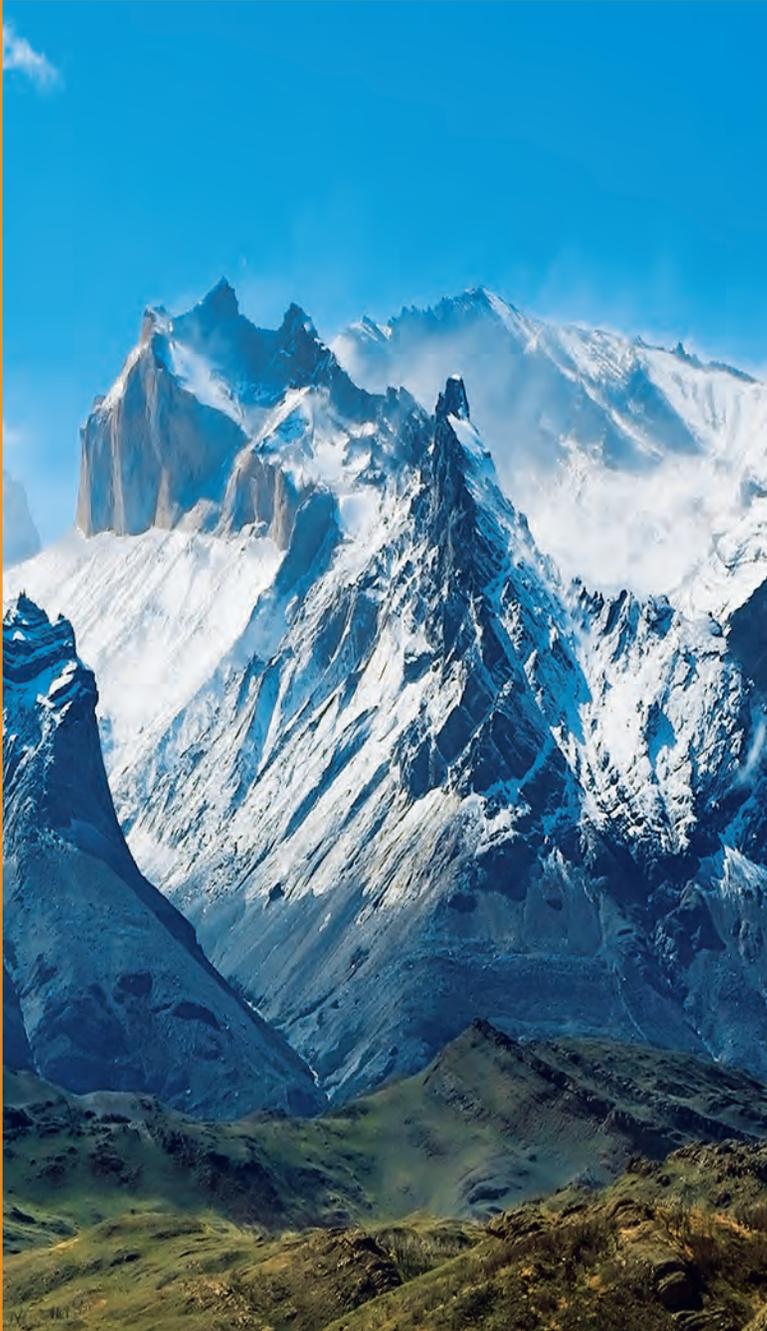
Мы прощаемся с Диего и замечательными попутчиками. После завершения проверки документов нас сажают в дежурную машину и везут к оазису Сан-Педро, приютившемуся на краю высокогорной пустыни Атакама. Там уже таможенники проверят содержимое наших рюкзаков на предмет контрабанды. Падение высоты получилось очень резким: за семь минут мы спустились с 4600 метров до 2550. Дорога — безупречный асфальт. Сразу становится понятно: Чили богаче Боливии.

ЧИЛИ

площадь — 756 950 кв. км

население — 18 млн человек (2016 г.)

столица — Сантьяго

ГОРЫ РАССТУПИЛИСЬ. Вид травы и зелёных шатров деревьев, защищающих оазис Сан-Педро от палящего зноя, после нескольких дней среди соли и голых камней приятно ласкал взор.

Сержант остановил машину у вагончика, в котором находилась таможня. Офицер долго и тщательно перебирал содержимое рюкзаков (в Чили запрещено ввозить что-либо растительного происхождения). Убедившись, что продуктов и растений нет, сделал отметки в паспортах и пожелал интересного времяпрепровождения.

Сан-Педро оказался очень милым селением с узкими улочками, одноэтажными саманными, побелёнными домиками. Жизнь обитателей этого городка целиком подчинена интересам «кормильцев» — туристов, приезжающих сюда со всего мира познакомиться с уникальными памятниками природы: Лунной долиной, действующим вулканом Ласкар и долиной гейзеров Эль-Татио.

Комнату сняли в уютном, с собственным двориком и гамаками между деревьях, хостеле за 14 долларов на двоих. Номер обставлен весьма прилично, правда, туалет и душ общие. За отдельные «удобства» пришлось бы доплачивать 30 долларов в сутки. Какой смысл?! Пообедали тоже за 14 долларов, но уже с каждого: в Чили цены на продукты заметно выше, чем в Бولیвиі.

Поскольку Лунная долина была ближе всех, с неё и начали. Она вытянулась между Центральными Андами и океаном на севере от Сан-Педро. Постоянные ветра с песчаными бурями превратили здешние горы в скопище

исполинских клыков, доисторических чудищ, причудливых замков, остроконечных шпилей, стянутых понизу обручами из обломков угловатых глыб. Между ними разбросаны цирки, впадины, провалы. Из-за текучего марева их очертания то расплываются, то затейливо извиваются. Всё это и в самом деле напоминает лунный пейзаж. Особенно сильное впечатление Лунная долина произвела на нас при закате. Началась такая игра теней и света, что мы замерли от восторга. Палитра менялась в самых широких пределах: от белокремевой до бардовой и тёмно-фиолетовой.

Столь глубокая эрозия этих гор связана с тем, что они наполовину состоят из каменной соли. Когда рассматриваешь эти склоны вблизи, то видно множество прозрачных прожилок и вкраплений — это и есть соль. Местами её так много, что грунт напоминает застывшее стекло. Когда ступаешь на него, он начинает поскрипывать, как снег на морозе. А ночью вся эта полупрозрачная, сжимаемая холодом, масса заставляет горы издавать жуткие стоны. С наступлением темноты здесь наблюдается ещё одна странность: блуждающие огни, наводящие ужас на одиноких путников.

Если вдруг пройдут обильные, затяжные дожди, то многие отроги «поплывут», и «лунные пейзажи» могут неузнаваемо измениться за несколько дней. Хотя, это маловероятно: осадки тут столь редки, что высокогорная пустыня Атакама, на которой находится и Лунная долина, признана самым засушливым местом на нашей планете.

Неподалёку от оазиса Сан-Педро находится засыпанное песками поселение индейцев. Из дюн торчат только выбеленные солнцем ветки погребённых деревьев. Когда археологи стали копать между ними, то через 10–12 метров обнаружили дома и хорошо сохранившуюся в них домашнюю утварь времён инкской империи.

В знаменитую долину гейзеров Эль-Татио выехали ночью — в 3.30. До неё почти 100 километров, а нам надо быть там до восхода солнца: когда воздух прогреется, столбы пара будут выглядеть не столь эффектно. Подмораживало — минус 6 градусов (зимой здесь бывает до минус 25, а сейчас в феврале здесь лето). Печка в машине не работала, и я в своей лёгкой курточке уже на полпути промёрз насквозь. Этому, безусловно, способствовала и четырёхкилометровая высота (на высоте нарушается терморегуляция).

Вскоре меня уже трясло как при лихорадке. Зубы отбивали «чечётку» столь громко, что попутчики начали коситься. Самый сердобольный из них пожертвовал плед, но слишком поздно — я так и не согрелся. Даже сейчас от одного воспоминания о том ужасном состоянии по спине озноб пробегает.

В котловину въехали в полной темноте. На альтиметре — 4200 метров над уровнем моря. Пока пили горячий кофе с бутербродами, стало светать. Яркие звёздочки гасли одна за другой, и вскоре нашему взору открылась зажатая горами овальная впадина, на которой уже проступали очертания белых колонн.

Как сказал проводник, ночью подземный мир дремлет, накапливая силы, а на рассвете долина начинает «дышать» — покрывается фонтанами кипящей воды и бугристыми столбами пара. На чёрном фоне гор в лучах восходящего солнца вся эта доисторическая панорама потрясла воображение.

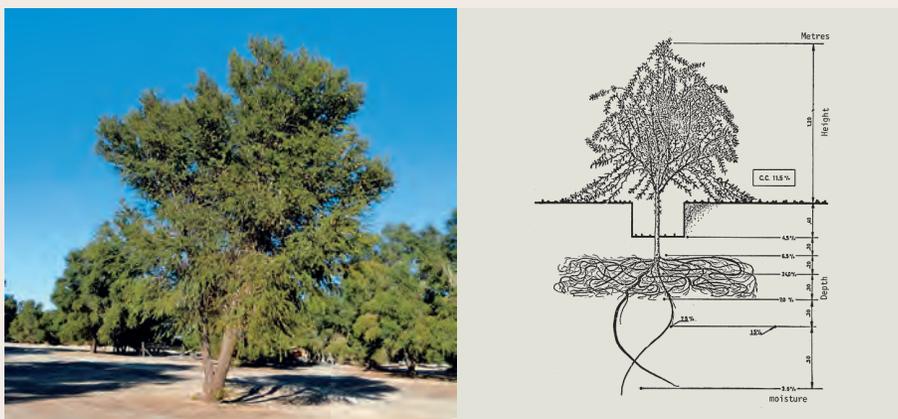
Подойдя к гейзерам поближе, даже сквозь толстую подошву горных ботинок ощутил дрожь от беснующейся в подземных резервуарах кипящей воды. Вырывающийся из сотен жерл пар громоздил к небу белоснежные башни, валяжно расплывающиеся в вышине. С восхищением наблюдая за самыми активными и мощными, не забывал фотографировать их.

Когда напор кипящей в каменной утробе воды спадал, гейзеры засыпали. На короткое время воцарялся обманчивый покой. Один такой «задремавший» гейзер, когда я заглянул в его жерло, выстрелил в лицо изрядную порцию кипятка. Слава богу, реакция не подвела — успел отпрянуть.

Почва вокруг природных «фонтанов» вся в солевых наплывах. Толстых и прочных — у старых, тонких и хрупких — у молодых. Ступая на них, человек рискует провалиться в кипящий котёл. Поэтому «желторотых» лучше обходить стороной. (Несколько лет назад двое туристов всё же сварились в кипятке.)

После завершения знакомства с первой долиной гейзеров, поехали во вторую, километрах в двух за холмистой грядой. По дороге несколько раз вспугивали табунки викуний. Мне посчастливилось заснять (по моей просьбе специально остановились) схватку двух бычков за самку. Они яростно колоти-

ли друг друга наотмашь головами на длинных шеях, а она стояла неподалёку, наблюдая за ходом поединка.

В второй долине гейзеров было поменьше (не более пятидесяти), зато они были более мощнее и зрелищнее. Самый крупный в период наивысшей активности выбрасывал толстенный (в полтора обхвата) столб кипящей воды на высоту метра три, а клубы пара от него упирались в тёмно-тёмно-синий небосвод семидесятиметровой колонной. Незабываемая картина!

У каждого гейзера свой характер, свой режим, свой голос. Одни ревут с угрозой, другие урчат или потихоньку посвистывают себе, третьи взрывные: то вялые — их чуть заметно, то вдруг начинают бесноваться. Самые неугомонные трудятся круглые сутки без остановки.

Налюбовавшись этим чудом природы, в пустыню Атакама спускались уже по другой, более южной дороге. На склонах гор повсюду шныряли лисы в пышных серо-жёлтых шубах — под цвет местности: искали мелких грызунов. У викуний тоже защитная окраска: когда они не двигаются, то на фоне камней их не разглядеть.

У хиленького, едва сочащегося ручья щипало зелёную травку стадо лам. Пасущие их гаучо, увидев нас, радостно замахали руками, приглашая к «столу». Шашлык из мяса ламы был до того вкусный (сочный, нежный, с кисло-сладким привкусом), что я попросил добавки.

Хотя пустыня Атакама и считается самой сухой на Земле, кактусы тем не менее кое-где растут: необходимую влагу они получают из воздуха. Единственное дерево, изредка встречающееся среди этих песков и камней, — тамаруго — дерево наоборот. Его корни в десятки раз мощнее и длиннее, нежели ствол и ветви. Если растёт тамаруго, значит, в этом месте под песками есть вода. Бери лопату и копай — рано или поздно доберёшься до неё.

Вечер в Сан-Педро был отмечен кошмарным ЧП: у Эмиля украли фотоаппарат. Из всего длинного перечня возможных неприятностей для путешественника — это самая тяжёлая и невозполнимая утрата. Тем более на исходе экспедиции. В магазин Эмиль вошёл с фотоаппаратом, а вышел без него... Что тут скажешь?! Южная Америка!

ВУЛКАН ЛАСКАР

ЗАВТРА ВОСХОЖДЕНИЕ НА ГРОЗНЫЙ И ПЕЧАЛЬНО ИЗВЕСТНЫЙ ВУЛКАН ЛАСКАР —

самую активную «коптилку» в Чили. Особенно «славно» он потрудился в 2006 году, накрыв пеплом ещё и половину Боливии.

Чили, вообще, богата вулканами. Только действующих пятьсот! В их числе и самый высокий на Земле — Охос дель Саладо. Его рост — 6893 метра! А вообще-то, среди вулканов, включая спящие, самый рослый — его аргентинский сосед Аконкагуа. Правда, выше он всего-то на 69 метров.

Итак, Ласкар! Состоит из шести кратеров. Высота самого активного — 5592 метра, а самого высокого — 5719.

Вечером, перед восхождением, во время ужина решили себя побаловать. Правда, не рассчитали свои возможности и заказали столько, что пришлось усиленно работать челюстями на протяжении двух часов! Порции-то здесь не в пример нашим: антрекот в два пальца толщиной и в две ладони шириной, гарнир из тёртого маиса и жареных томатов с перцем. Всё это напоминало вулкан в миниатюре. Салат с авокадо был не меньше. Но это не всё: я съел ещё полную тарелку «сопо» — супа и с десяток кусков «пана» — хлеба. Кстати, о хлебе. В Южной Америке он, слава богу, повсеместно вкусный, но в каждой стране отличается по форме. В Боливии — это круглые булочки. В Перу — пустотелые треугольники из пресного теста. В Чили — слоёные лепёшки, тоже пресные.

Эмиль свой ужин так и не одолел. Я же предавался чревоугодию с редким наслаждением. Щурясь от блаженства, смаковал каждый кусок.

На гору предстояло подниматься в сопровождении сухопарого и жилистого индейца Рональдо. Ветер и солнце хорошо продубили его мужественное лицо. В чёрных, с воронным отливом волосах проблёскивает седина. Глянув на него, сразу понимаешь — горный барс.

К месту, откуда начинается восхождение, добирались на его джипе. Дорога петляла между голых хребтов, по склонам которых разгуливали викунии.

Рональдо засыпал нас интересными фактами и историями о местах, в которых бывал, столь обильно, что Эмиль едва успевал переводить.

Думаю, все видели на фотографиях или по телевизору циклопические статуи острова Пасхи. Так вот, по мнению Рональдо, тому, кого судьба занесёт на перуанский участок Западных Кордильер, эти исполины покажутся жалкими пигмеями. Высеченные

неизвестно кем и неизвестно когда на скалистых склонах этих гор гигантские барельефы поражают воображение своими размерами. Здесь и собаки, и кондоры, и обезьяны. (Почти как на плато Наска!)

Удивительно то, что среди них имеются изображения животных, вообще не встречающихся на южноамериканском континенте: слонов, верблюдов. Но ещё более удивительными оказались найденные там барельефы людей: по форме и пропорциям они схожи с истуканами острова Пасхи. Такие же неестественно острые подбородки, глубокие глазные впадины с нависающими надбровными дугами при отсутствии в них хотя бы подobia самого глаза.

Ещё Рональдо рассказал легенду о том, что именно на вулкане Ласкар несколько раз в году в момент заката над вершиной возникает призрачный мираж города Кималь, в котором обитают души людей, погибших в горах.

Вдоль дороги и по склонам видим выбеленные солнцем кости. Хотя и не человеческие, но всё равно это напрягает. По словам Рональдо, первые восходители видели на вершине вулкана высохшие, обтянутые кожей тела. Судя по костюмам некоторые относительно недавнего времени. Благодаря сухости воздуха и высокой солнечной радиации они хорошо сохранились. Если древние египтяне использовали для этого бальзамирование и саркофаги, то индейцам помогали поспорить с вечностью высокогорье и солнце.

А вот и Ласкар. Дальше дороги нет. Смотрим на альтиметр — традиционные 4 000 метров (это средняя высота Альтиплано). Выйдя из машины, огляделись. Во впадине ни ветерка. До подножья конуса пара километров. Справа округлое озеро, в котором, как в зеркале, чётко, в мельчайших деталях отражается цель нашего визита — конус с многокилометровым,

уходящим за горизонт хвостом дыма. Вокруг множество вулканов пониже. Их абсолютно голые склоны тоже изрубцованы шрамами осыпей и лавовых потоков кирпичного цвета. По берегу озера щеголяют в пышном сером оперении страусы нанду. Интересно, чем они тут питаются?

Поднимаемся, не торопясь, плавным, размеренным шагом. После отметки 5 100 метров мелкий щебень и оранжевые, похожие на керамзит, шарики, покрывающие склон, стали почему-то «жирными», словно их окунули в масло. При этом сыпучий слой достиг такой толщины, что ноги буквально вязли в нём, а потревоженная масса приходила в движение и норовила стаскивать вниз. Перебирая ногами как можно быстрее, пересекаем такие места по восходящей линии.

Вот и первые вулканические бомбы появились. Чем ближе к жерлу, тем их больше и они крупнее. Число открывающихся взору хребтов — бугристые шрамы на теле планеты — постепенно растёт. Наконец, видим зубчатый гребень кратера. Он весь жёлтый от кристалликов серы. Из него валит желтоватый дым. Порой к нему примешиваются клубы коричнево-серого цвета — это выбросы пепла. В воздухе запах тухлых яиц.

Несколько десятков шагов, и под нами разверзается воронка глубиной метров четыреста. На её дне сквозь переменчивую пелену дыма просвечивают красноватые разводья. Придёт время, и накопленная внутри мощь рванет так, что жизнь в округе замрёт на многие месяцы. Пикантность ситуации заключается в том, что Ласкар извергается с интервалом в четыре года.

Нынче как раз подошло время для очередного выброса лавы, но в какой день это произойдёт, одному Богу известно. Может, завтра.

Перевожу взгляд на Рональдо. Он сияет и показывает большой палец, мол: «Молодцы!» Спрашиваю его:

— Который раз здесь?

— Девятнадцатый!

До какой же степени надо любить горы, чтобы, совершив почти два десятка восхождений, радоваться ему, как будто взошёл впервые!

Окидываю взглядом открывшуюся с высоты панораму. Вокруг Ласкара дыбятся зубчатые цепи коричнево-красных конусов высотой в пять тысяч метров. В чистом разреженном воздухе контуры хребтов проступают чётко, рельефно. В полукилометре от нас торчит яйцеобразный купол — высшая точка Ласкара. Кажется, что до него рукой подать, но я не оболющаюсь. Знаю, сколь обманчиво расстояние в горах. В этом я очередной раз убедился, когда направился к нему. (Эмиль с Рональдо остались у кратера снимать на видео выбросы пепла.)

Мои ноги с каждым шагом тяжелели, словно наливались свинцом, солёный пот разъедал глаза. Ближе к макушке останавливался, чтобы восстановить дыхание, через каждые десять шагов. Слава богу, хоть сердце держится молодцом. На вершине меня ожидала заслуженная награда — ещё более грандиозная панорама!

Вид каменных громад, вздыбленных в невообразимо диком танце, завораживал, властно притягивал взор. Горы, горы, горы! Красота, застывшая в камне! Нет в их изломах, уступах, расщелинах закономерностей и пропорций. Один хаос! Но какой! Сколько в нём величия и непостижимой гармонии! Ничто не пленяет меня так, как горы — самое потрясающее произведение Природы! Очень точно передал это ощущение в своей бессмертной песне Владимир Высоцкий: «... Лучше гор могут быть только горы, на которых ещё не бывал...»

Царившее на тёмно-синем небосводе светило жгло незакрытые участки кожи до физической боли, но как только светило перекрывало облачко, сразу резко холодало.

Очарованный, я стоял, не ощущая шквалистого ветра. Мимо пронеслись полупрозрачные «парусники». Следом неотступно, словно волки за добычей, бежали по склонам гор их призрачные тени. Здесь даже запах воздуха другой. Это ветер континентов! Возможно, совсем недавно он пролетал над солнечными островами Полинезии или замороженным панцирем Антарктиды!

Так я простоял вне пространства и времени минут десять. Мысли очистились, взлетели над обыденностью. Казалось, что вот-вот и сам перейду в иное измерение и постигну смысл быстротечной жизни, закон мироздания. Но усиливающиеся порывы ветра торопили вниз, к ожидавшим меня спутникам. Запечатлев панораму, сложил из камней тур и установил флаг

Башкирии. Трёхцветный стяг с золотистым венчиком курая торжественно затрепетал под натиском налетевшего с диким посвистом вихря.

Хотя спуск не был сложным, шли, шатаясь от усталости. У скалы, окружённой десятками сложенных из обломков серого плитняка покатых холмиков, похожих на плотную группу ползущих черепах, мы остановились от ощущения, будто подошли к черте, переступив которую можем попасть в иной мир. Тем не менее любопытство пересилило страх. Подойдя к крайнему «домику», разглядели сквозь щель обтянутое тёмно-коричневой, похожей на пергамент, кожей оскаленное лицо и костлявую кисть, выступающую из песка. Кладбище! Судя по одежде и облику — индейское. Чтобы не нарушать покой умерших, обошли некрополь стороной.

На полпути сделали короткий привал, чтобы отдохнуть и заодно полюбоваться закатом. Вершины гор по мере погружения солнца за горизонт неувлимым образом воспламенялись переливами алых и багряных цветов, на глазах сгущающихся до тёмно-лилового и даже фиолетового. Сам свод неба при этом излучал зеленоватое свечение. К сожалению, эта феерическая игра света длилась недолго.

К озеру спустились уже в полной темноте. Когда садились в машину, Ласкар что-то проворчал на прощание. Я оглянулся: над чёрным конусом разгоралось бордовое зарево, оконтуренное дымом. Наверное, черти запустили в судилище очередную партию грешников.

АРИКА — ЛИМА

СЛЕДУЮЩЕЙ НОЧЬЮ на автобусе переехали из оазиса Сан-Педро на побережье Тихого океана, в приморский городок Арика, что у границы с Перу. (До 1880 года он и принадлежал Перу.) У причалов стояло с десяток траулеров и два сухогруза-пятитысячника. Вдавленный в побережье залив с юга замыкал высоченный скалистый мыс Моро-де-Арика. На нём, и это типично для стран Латинской Америки, огромная белая статуя Христа. Сразу вспомнилась аналогичная статуя в Куско, воздвигнутая на деньги арабов-мусульман в благодарность горожанам за многолетний приют во время второй мировой войны.

Этот идеально чистый, светлый городок оказался необычайно красивым, тихим и уютным. Забавно, но мы так и не узнали, как выглядит в Чили полицейский — до сих пор не встретили ни одного. Женщин за рулём тут в разы больше, чем в Перу и тем более, чем в Боливии. А вот национальной индейской одеждой здесь и не пахнет — все в европейской. И лиц индейского типа тоже не встречали. Что ещё типично — чилийцы выше и поупитаннее перуанцев. Здесь нет ни попрошаек, ни одетых в лохмотья.

Устроившись в двухзвёздочной гостинице, первым делом отправились на встречу с океаном. С глухим мощным рокотом накатывал он белопенные валы на длиннющий пляж, принося чилийцам нескончаемые приветы из далёкой Полинезии и Японии. По влажному и плотному песку бегали трусцой люди. На лежаках — никого. Вдали проскользили под гребнем высокой волны и скрылись в пене двое сёрфингистов. Мы с Эмилом повалялись часа

два на горячем песке, а когда прокалились насквозь, зашли в воду и помассировали тела ритмичными ударами океанских волн. Остаток дня ушёл на обследование магазинов, сувенирных лавок. Потом полюбовались в картинной галерее на работы местных живописцев. Гуляя по бульвару, наблюдали за нарядно одетой молодёжью и прогуливающимися тут же престарелыми супружескими парами.

Утром, пройдя погранконтроль, сели в автобус, отправляющийся в Лиму. Собаки обнюхали весь приготовленный к погрузке багаж — проверяли, не везёт ли кто наркотики. Перед самой отправкой в салон вошёл сотрудник службы безопасности и снял каждого пассажира на видеокамеру. Молодцы! Вот она — профилактическая работа! Неплохо бы и нам этот опыт перенять — затрат мизер, а эффект в борьбе с криминалом трудно переоценить.

До Лимы 26 часов езды (1 800 км). Билет стоит 60 долларов. Совсем недорого с учётом того, что в пути два раза кормят. Столько же перуанские полицейские останавливали наш автобус и проверяли у всех документы. В общем, контроль на дорогах довольно жёсткий.

За окном мелькали безжизненные каменистые равнины, барханы, горы и редкие оазисы. Ближе к Лиме растительность стала гуще и разнообразнее. Появились агрохозяйства — длинные навесы, под которыми выращивают местные сельхозкультуры и цветы.

ЛИМА 2

ГЛАВНЫЙ ГОРОД ПЕРУ встретил нас автомобильными пробками. Ползём по изнывающему от жары городу уже полтора часа. До тошноты насмотревшись на рекламные щиты кока-колы (хочу заметить, что местные жители предпочитают местную инка-колу), добрались, наконец, до автовокзала и, пересев на дребезжащий всеми частями кузова допотопный таксомотор, проехали к полюбившемуся нам отельчику. Его хозяин Хосе встретил братскими объятиями. Поделившись с ним впечатлениями, забросили в свою прокалённую клетушку рюкзаки и побежали к Тихому океану искупнуться напоследок.

По дороге купили, наконец, и тут же продегустировали черимойю — знаменитый южноамериканский фрукт, похожий по форме на авокадо. По вкусу это нечто среднее между авокадо и земляникой, только мякоть покислее и не такая жирная, как у авокадо.

Как я уже писал, океанский берег в Лиме представляет собой высокий скалистый обрыв, и чтобы попасть на пляж, нам пришлось полчаса топтать до деревянных лестниц-спусков. Шли и удивлялись, почему попасть на пляж так сложно. Спускаясь по ступеням длиннющей лестницы, я с тоской думал о том, что после купания предстоит и подъём.

Океан встретил накатистыми валами. Я разделся и, не придав значения тому, что в воде никого нет, храбро ринулся догонять уходящую волну. Ей на смену к берегу спешил новый мощный вал. Через несколько секунд сотни

острых камешков заколошматили по ногам. Это сразу отбило у меня желание купаться. Но не успел я сделать к берегу и трёх шагов, как меня настигла и накрыла с головой очередная волна. Откатываясь, наспигованная галькой вода опрокинула и потащила за собой. Морщась от боли, я поднялся и рванул к берегу, но снова не успел: окатила следующая волна и, подхватив, с торжествующим рокотом понесла в океан. Кувыряясь в кипящем месиве из воды, камней и пены, я попытался встать, но ноги не находили дна. Тем временем налетел очередной вал. Тут уж я перепугался не на шутку. Кричать, просить помощи самолюбие не позволяло. Зато страх пробудил сообразительность — под следующий вал догадался поднырнуть и, когда он прокатился, поплыл за ним. На моё счастье, шедшие следом волны были послабее. Это позволило в три броска достичь берега и в изнеможении повалиться на раскалённую гальку.

Придя в себя, огляделся. Вокруг протекала полная неги и покоя пляжная жизнь: люди, развалившись на шезлонгах, лениво посасывали инка-колу, читали книги, играли в волейбол. И никто не подозревал, что минуту назад рядом с этой идиллией шла отчаянная борьба за жизнь...

Вечером с Эмилем устроили на плоской крыше отеля прощальный ужин — грешно не отметить завершение столь успешного турне по древней земле инков!

Столик, два кресла, четыре бутылки ледяного пива, солёный сыр, ветерок, пропитанный океанскими брызгами, яркие огни города под нами и чёрная бездна с дружелюбно подмигивающими, теперь уже привычными, южными созвездиями над головой! Что ещё нужно путешественнику?!

КОВАРНЫЙ АЖОНКАГУА

2013 год

А-КОН-КА-ГУА!

Это распеванное название самого высокого на планете вулкана (6962 м) я услышал в 2007 году во время первого посещения Аргентины. Мне слышалась в этом слове какая-то тайна, будоражившая моё воображение, и я потерял покой. Всё грезил о том, как бы подняться на промороженную вершину самой высокой точки американских континентов. Временами этот вулкан виделся мне чуть ли не наяву. Казалось, я даже ощущаю гуляющий там ветер. Порой гора представлялась столь чётко, что мог мысленно проделать весь путь от подножья до пика. (Как позже выяснилось, «видения» не совпали с действительностью. Всё оказалось по-другому: намного сложнее и жёстче.)

Во мне с каждым месяцем крепла уверенность, что подъём на высшую точку Западного и Южного полушарий откроет нечто архиважное для меня. В конце концов, я понял: восхождение, как и любую мечту, нельзя откладывать. В начале 2013 года решаюсь — иду! Эмиль Жданов, мой давний напарник, с воодушевлением поддержал эту идею.

У меня, как путешественника, есть одна причуда — вопреки общепринятому мнению о необходимости до старта собрать побольше материала о стране или месте поездки, я, выбрав точку притяжения, выясняю лишь, как туда проще и дешевле добраться. На мой взгляд, это позволяет избавиться от невольной возникающих стереотипов и воспринимать увиденное незамутнённым взором. Но в случае с Аконкагуа нарушил этот принцип: пони-

мал, что восхождение на семитысячник требует самой серьёзной всесторонней подготовки. Перечитав все доступные отчёты и материалы, я, как мне казалось, был готов к встрече со своей мечтой.

После перелёта «Уфа–Москва–Мадрид–Буэнос-Айрес», продлившего сутки на десять часов, пересели в двухэтажный автобус и, проехав поперёк Аргентины с атлантического побережья до предгорий самого длинного на Земле хребта под названием Анды-Кордильеры, оказались в столице аргентинского виноделия — утопающем в зелени городе Мендоса.

Тем, кто собрался на Аконкагуа, избежать посещения этого города невозможно. Только здесь, в Министерстве по туризму, выдают за небольшую плату пермит (разрешение) на восхождение. А поскольку желающих подняться на знаменитый вулкан или побродить по окрестным хребтам довольно много (тут более десяти национальных парков), доходы от туризма в этой провинции вышли на второе место после доходов от виноделия.

Когда оформляли заявку, до меня донеслась русская речь. Оглядываюсь: высокий загорелый парень в безрукавке что-то объясняет девушке славянской внешности. Его лицо показалось мне знакомым. Точно! Я видел его фотографии в Интернете в отчётах клуба «Семь вершин!»

— Максим Богатырёв?

— Да!

— Читал о вас много хорошего в Интернете.

Разговорились. Узнав, что мы идём на Аконкагуа, он продиктовал оптимальную временную раскладку маршрута. А пощупав прикреплённую к моему рюкзаку куртку, дал мне свой роскошный пуховик и штаны с особой термопрокладкой. Я пытался заплатить, но он категорически отказался.

Только записал в моём блокноте адрес, куда потом всё это богатство отправить.

В последний раз воспользовавшись достижением технического прогресса: двухэтажным автобусом, выходим на 240-м километре перегона «Мендоса–Сантьяго» и оказываемся у ворот национального парка Аконкагуа. Впереди, за воротами «толпа» острозубых хребтов, каждый из которых состоит из десятка более мелких кряжей. Глаз радуется богатству их цветовой гаммы. Обычно горы одно или двухцветные, а тут почти вся палитра.

Невольно вспомнился наш Полярный Урал: тоже голые, безжизненные скалы (только в белых папахах) и такое же богатство красок, правда, благодаря лишайникам.

Над бурной речкой видим красиво мерцающую янтарными блёстками перемычку, образованную наплывами солевых отложений. Здесь его зовут «Мост инков», образованного десятками струек, сочащихся из горы. Эти роднички содержат такое большое количество солей железа, что, осаждаясь, образовали перемычку, которая со временем превратилась в каменный мост. Любой предмет, брошенный в эту воду, уже через сутки покрывается прочной рыжей коркой.

Пока ехали сюда, по реке пронеслось несколько надувных лодок с любителями водного экстрима. Порой они исчезали среди высоких бурунов, и только мелькание оранжевых касок подтверждало благополучное продолжение сплава.

Пройдя через ворота парка, направились к конторе. Экипированные не хуже полицейских рейнджеры зарегистрировали наши пермиты и выдали под роспись номерные полиэтиленовые мешки для сбора и сдачи при выходе из парка мусора и наших... экскрементов. С мусором всё понятно: экология в горах — святое дело, но пакеты для дерьма — это уже предел мечтаний всех экологов. Для нарушителей — штраф 250 долларов США. Ну да ладно, чего-нибудь накидаем — не будут же содержимое проверять.

Закинув на спину увесистые рюкзаки, отправились в двухнедельное автономное «плавание». На альтиметре — 2 836 метров над уровнем моря.

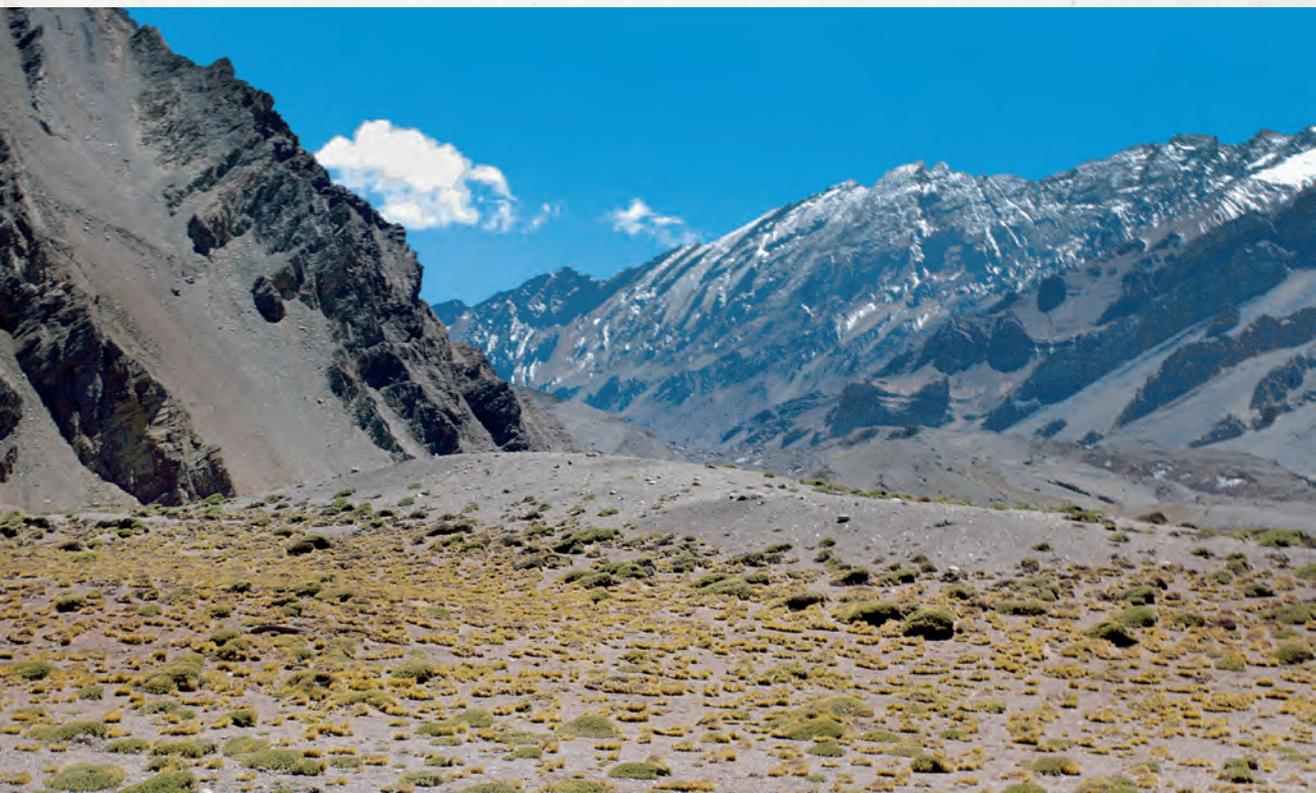
Чтобы добраться до подножья вулкана Аконкагуа, нам предстояло одолеть более тридцати километров горной тропы, вьющейся по склону ущелья Хорконес, будто плющ по каменной стене. Внизу, грозно урча, нёсся поток грязно-шоколадного цвета, питаемый ледниками, сползавшими с едва видимых отсюда белых папах. По-змеиному петляя, он играючи ворочал валуны, словно демонстрируя нам, что горные речки — это идеальные камнетёсные мастерские.

Долина то сужалась так, что гранитные стены с обеих сторон тисками сжимали речку, то расширялась, давая ей простор. Склоны местами были столь круты, что даже привычные мулы, курсирующие с погонщиками до базового лагеря и обратно, случалось, срывались в пропасть. Когда на дне ущелья видели выбеленные солнцем кости, невольно притормаживали.

Четвероногая живность в этих местах отсутствует: для неё здесь нет даже самой скудной пищи. Пернатые немногочислены, да и видовой состав небогат. Самые крупные похожи на наших горлиц, только более поджарые. Летают всегда парами. Встречаются ещё птицы вроде наших синичек и соловьёв. Эту мелюзгу отличает умение держать язык за зубами. Всё делают молчком!

Первая ночёвка — в лагере «Конфлюенция» (3 400 м). Палаточный городок раскинулся на ровной площадке возле высоченного морёного вала. После регистрации нас поселили в многоместной сферической палатке турфирмы «Ланко» вместе с андинистами из Голландии и Японии (здесь

альпинистов именуют андинистами). Им всем в районе тридцати, и появление двух белобородых дедов с огромными рюкзаками они встретили недоумёнными и одновременно уважительными взглядами.

Японцы в лагере уже третий день: никак не могут стабилизировать давление, и медики не подписывают им разрешение на переход к базовому лагерю «Пласа де Мулас». Всегда с интересом наблюдаю за представителями этой страны и каждый раз открываю что-то новое в их поведении. Восхищает организованность и работоспособность, а удивляет медлительность и неумение принимать решение в одиночку: по любому поводу бегут советоваться со старшим. Зато симпатию вызывает то, как уважительно представители страны восходящего солнца общаются между собой: подойдя, несколько раз почтительно, чуть ли не в пояс, кланяются; говорят размеренно и тихо.

Долговязые и сероглазые голландцы порадовали поголовной любовью к чтению довольно толстых книг. Именно книг, а не ридеров. Притащить увесистый фолиант в горы, где каждый грамм по мере набора высоты превращается в килограмм, — это поступок!

Перед сном поднялся на морёный вал (для акклиматизации рекомендуется побольше двигаться). Полная луна освещала окрестные горы и стекавший с ближней ложбины водопад. Серебристая колонна, падая на уступ, буравила камень и, покипев в выбоине, сбегала в заводь, где успокаивалась и отражала

в зеркальной глади нависший утёс. Я наслаждался ночной панорамой до тех пор, пока шпионившая за мной луна не коснулась чёрного зубца скалистого гребня и, побалансировав на нём некоторое время, словно большой жёлтый мяч, скатилась в ущелье, погрузив округу в непроницаемую тьму.

На следующий день отправились по глубокому боковому ответвлению Хорконеса к месту, которое именуют Пласа де Франция. Находится оно под южной, практически отвесной стеной Аконкагуа. Там есть площадка под лагерь для самых отчаянных и подготовленных альпинистов. На всём протяжении пути нас сопровождали угрюмые горы, утыканные клыкастыми скалами. Настороженно поглядываем на нависшие, готовые скатиться, глыбы. Ночью выпал снег, и сейчас повсюду, а особенно по тропе, бегут ржавые ручьи. Красноватая раскисшая глина чавкает, ноги, несмотря на мощные протекторы, расползаются в разные стороны. Сильней всего «буксуем» при подъёме на морёные валы.

Эмиль, опровергая общепринятое мнение, что человек в 70 лет по горам не ходок, давно обошёл меня и маячит далеко впереди. Я запоздало раскаиваюсь в переоценке своих физических данных и игнорировании регулярных тренировок. Но тут же нахожу себе оправдание: меня расслабила лёгкость, с которой пять месяцев назад «оседлал» белоглавый вулкан Арарат, а совсем недавно обитель древнегреческих богов — крутостенный Олимп.

На высоте 3 700 метров растительность исчезла окончательно. Даже лишайники пропали. Обступавшие нас горы по большей

**ЛАГЕРЬ
КОНФЛЮЕНЦИЯ**

3 400 м

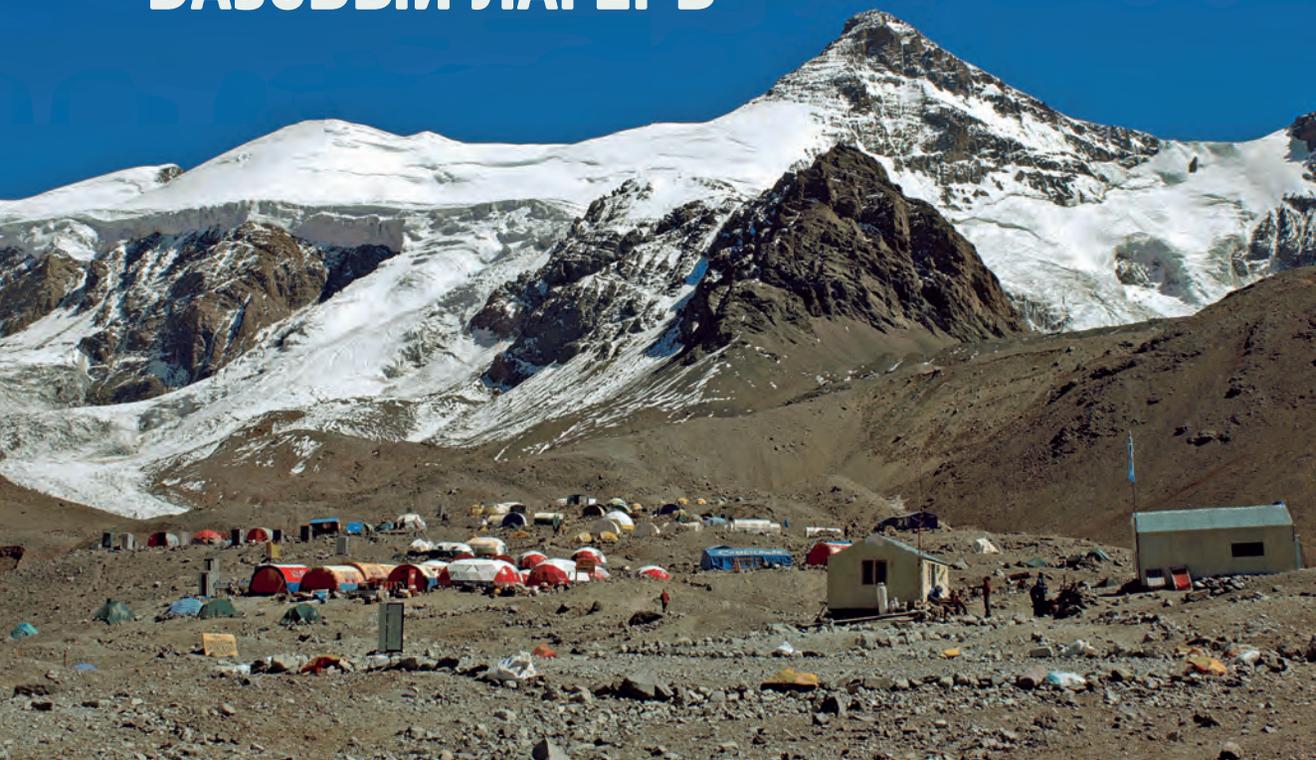

части слоистые. При этом слои то тянутся горизонтально, то скачут остро-конечным зигзагом, то разбегаются пологими волнами, то круто устремляются к небесам. Рассматривая эти загогулины, вдруг понимаю: так это ж кардиограмма, отражающая перенесённые горой «болезни».

Пройдя по покрытому камнями и толстым слоем рыжей пыли леднику, вышли на Пласа де Франция (4 200 м), упирающееся в гигантскую, местами покрытую ледяной бронёй, стену — южный склон Аконкагуа. Тут уже начала ощущаться серьёзная нехватка кислорода: появилась одышка, стало давить виски.

Стена угнетала своей мрачностью и высотой. Чтобы охватить взглядом эту громаду целиком, приходилось задирать голову. Ещё бы — до верхнего уступа 2 700 метров! Подняться по такой стене на вершину Аконкагуа под силу только физически подготовленным, в совершенстве владеющим техникой скалолазания альпинистам. (Сложность маршрута — 6 Б, то есть наивысшая.) Мы же ограничились лишь созерцанием и фотосъёмкой этой неприступной цитадели. На обратном пути перед нами с одного из скалистых гребней сорвалась крупная глыба. Прыгая, словно кузнечик, она увлекла за собой несколько камней поменьше. Когда подошли к месту, где «проскакали» камни, и увидели оставленные ими глубокие вмятины, невольно поёжились.

БАЗОВЫЙ ЛАГЕРЬ

ПЕРЕХОД ОТ «КОНФЛЮЕНЦИИ» ДО БАЗОВОГО АЛЬПЛАГЕРЯ «ПЛАСА ДЕ МУЛАС»

запомнился утомительным однообразием широкой, полого восходящей долины в начале и узким ущельем с несколькими изматывающими взлётами по почти вертикальным уступам в конце. На среднем участке тропа шла по таким крутым склонам, что стоило глянуть вниз туда, где между ещё не обкатанных камней гремела вода, как сердце сжимал обруч ужаса, голова шла кругом, а рюкзак начинал предательски стягивать с узкой тропы. Я не выдерживаю и договариваюсь с догнавшим нас погонщиком мулов, чтобы он доставил наши рюкзаки в базовый лагерь. Эта услуга обошлась мне в тридцать пять долларов. Без рюкзаков мы уже не ползём, а бодро шагаем за караваном.

С удивлением замечаю, что среди мулов идёт постоянная борьба за лидерство: если кто-то пытается обогнать впереди идущего, то передовой сразу прибавляет скорость, чтобы не пропустить.

Тропу в последней трети можно сравнить с тропой испытаний не только физической формы (пульс зашкаливал), но и волевых качеств. Местами она такая узкая, что трудно понять, как её проходят, не сорвавшись в пропасть? Но отступать поздно — идёшь, пересиливая страх. Идёшь даже после того, как на твоих глазах запнувшийся мул сползает вниз. Ища опоры, животное в панике бьёт ногами, но щебень предательски «уплывает» из-под них.

Наконец мул нащупывает копытом крупный камень и ценой невероятных усилий запрыгивает на тропу.

Этот участок, похоже, самый опасный: тут больше всего костей менее ловких животных. Меня в этом эпизоде шокировало поведение погонщика. Он продолжал невозмутимо восседать на своём муле, покачивая головой, прикрытой громадным вязаным беретом, в такт везущей его животине. За поясом погонщика болтается шерстяной платок. Им он завязывает животному глаза, когда грузит или снимает вьюки: когда мул не видит, он стоит смирно.

С левой стороны ущелья тянутся голокаменные кряжи средней высоты, а прямо и справа сияют высоченные пики, с которых ветер срывает снежные шлейфы. При этом висящие над пиками облака, похожие на веретёнца, часами стоят на одном и том же месте, как будто намертво прибитые.

Базовый лагерь «Пласа де Мулас» расположился в самом конце ущелья Хорконес в гигантском цирке, укрытом от ветров частоколом каменных пирамид. Его рассекает пополам бурный поток талой воды, вытекающий из-под двух ослепительно белых глетчеров. Светло-коричневая громада Аконкагуа грозно возвышается над лагерем с правой стороны.

Палаточный городок состоит из нескольких «микрорайонов» в пять-десять палаток, принадлежащих разным турфирмам. Население: голландцы, поляки, немцы, сербы, чехи, монголы (!). Но больше всего, конечно, аргентинцев. Народ вяло слоняется между палаток: повторю — на высоте надо больше двигаться, тогда быстрее происходит акклиматизация. Девчата, представляющие компанию «Ланко», поселили нас с Эмилом в длинной и просторной трубе рубинового цвета. До ужина я успел сходить в телекоммуникационный центр и, заплатив 20 долларов, отправить в «Башинформ» сообщение о том, где мы находимся и о наших планах на ближайшие дни.

Здесь, на высоте 4 300 метров над уровнем моря, нехватка кислорода ещё более ощутима. Чуть прибавил шаг — дыхание сбивается. Постоянно хочется присесть, отдохнуть.

С проводником возникла неожиданная проблема. В «Ланко» оба заняты и освободятся только через пять дней, в других компаниях тоже все на восхождении. Ломаем голову — что делать? Утром слышим, кто-то тихонько скребёт по ткани палатки. Выглядываю. Стоит шустрый, светловолосый, сероглазый мужичок средних лет

в драной соломенной шляпе с обвислыми краями. Тихо, почти шёпотом, поздоровавшись, спрашивает на испанском:

— Это вам проводник нужен?

— Да. А что?

— Меня зовут Роджерс Кангиани. Могу сводить на Аконкагуа. Вот мой сертификат.

Нам бы обрадоваться, да невзрачный вид пришельца смущал.

Тем не менее пригласили в палатку. И чем дольше общались, тем большей симпатией проникались к нему. А когда узнали, что он на вершине был 27 раз и готов без дополнительной оплаты нести часть нашего груза, то и последние сомнения отпали.

Подписали договор и рано утром, ещё до восхода солнца, отправились на акклиматизационное восхождение к остроконечному пику Бонете (5 005 м). Он на другой стороне ущелья — чётко напротив Аконкагуа. Прежде чем вести на семитысячник, Роджерс решил таким простым и надёжным способом проверить наше физическое состояние и реакцию на высоту: не свалит ли нас горняшка.

С погодой подфартило: было безветренно, ясно, и воздух прозрачен, как стекло в телескопах. Перебравшись по шаткому мостику, почти касающемуся бурунов мутного потока, размеренным, так называемым гималайским шагом, потопали вверх. Вначале я шагал с трудом: в голове стреляло, да и силы

куда-то подевались. Но когда начался крутяк, вдруг ожил: организм понял, что как ни капризничай, а идти придётся, и задействовал в действие резервы. (Он всегда так хитрит, правда, эта «резервная батарейка» с каждым годом всё быстрее теряет ёмкость).

Через два с половиной часа подошли к наиболее отвесной части каменного конуса. На макушку, чтобы не сорваться, взбирались уже почти ползком, цепляясь руками за малейшие выступы. Первым оседлал остроконечный пик Роджерс, вторым — Эмиль, следом — я. На вершине меня охватили такая радость и восторг, что я обнял тёплую от стоящего в зените солнца конусообразную вершину, прижался к ней щекой и... зарыдал.

Проводник достал из расщелины пластиковую бутылку, выудил из неё одну из вложенных записок, взамен затолкал листочек с нашими координатами. Из текста добытого послания явствовало, что его оставили два немца и один австриец. Когда мы вернёмся домой, то обязательно должны будем связаться с ними по Интернету: такова традиция.

Открывшиеся во все стороны дали завораживали красотой и величием. Поразило обилие кражистых отрогов. Они отличались не только по цвету, но и по форме. Среди них и одиночные вулканы в боярских шапках облаков, подпираемых застывшими потоками лавы, и бесконечные величественные цепи, разрисованные прожилками снега, лентами глетчеров, и дугообразные гряды ледниковых морен, и гигантские языки осыпей, селей, перегоражива-

ющих долины. Над всем этим — бесконечно глубокий, чисто выметенный ультрамариновый свод. Вокруг такая тишина и такой простор, что начинаешь ощущать себя ничтожной пылинкой.

Туповерхая громада Аконкагуа с этого места просматривается особенно хорошо. Ветер гонит по ней снежные паруса, а здесь, на Бонете — штиль. Ветерок лишь временами просыпается и слегка шевелит волосы. Тёмно-коричневые, будто загорелые, близлежащие горы, прогретые полуденным солнцем, умиротворённо покачиваются в текучем мареве. Трудно представить, но несколько дней назад, здесь, на высоте 5 000 метров, свирепствовал мороз, и о скалы билась колючая позёмка. Природа полна контрастов! Зубчатая цепь, подпирающая небо на западе, обозначала границу между Аргентиной и Чили.

Гора Бонете в сторону Чили обрывается вертикальной шестисотметровой стеной. Вниз лучше не смотреть: сразу хочется покрепче вцепиться в скальный конус.

От грандиозности и мощи убежавших за горизонт хребтов перехватывало дух. Боже, я никто в сонмище этих великанов! (Когда на горы смотришь в иллюминатор самолёта, этого не осознаёшь, так как находишься в замкнутом, комфортном для жизни пространстве.)

Царящую вокруг тишину лишь изредка тревожит гул сходящих с изголовья каньона небольших лавин и... сопение слегка простывшего Эмиля. Мне вдруг сделалось так хорошо, что я лёг на широкий уступ и с наслаждением раскинул руки. Сознание затуманило сладкое головокружение...

Сколько прошло времени? И есть ли оно, это время? Лежу, растворяясь в чистых, процеженных тишиной звуках... И не хочется помнить, что где-то существует иной мир, в котором кипит придуманная человеком жизнь, похожая на бесконечную гонку. А здесь есть только ласковое солнце, вздыбленные каменные исполины и ты — дитя Создателя! Хочется, чтобы так было вечно...

Тогда никто не знал, что сей пребывающий в неге и свете мир через несколько дней накроет затяжная волна холода, а жесточайший ветер поднимет на Аконкагуа Белый Шторм, и нам на предвершине придётся буквально бороться за выживание.

Сейчас же, наслаждаясь окружающим величием, я с благодарностью вспоминал свою Танюшу. Эта умная и красивая женщина за сорок лет супружества не только ни разу не упрекнула меня за регулярные, порой многомесячные отлучки, сопровождавшиеся ощутимой брешью в семейном бюджете, а наоборот, понимая, насколько это важно для меня, всячески поддерживала и отстаивала перед родственниками моё право быть самим собой.

Некоторые говорят: «Камиль, ты герой!» Отнюдь! Герой не я, герой — моя жена! Когда я уезжаю в горы за новой порцией адреналина и удовольствия, именно на её плечи ложатся все семейные и производственные заботы: и за престарелыми родителями надо ухаживать, и с внуками понычаться, и детям где советом, где делом помочь, и с проблемами на предприятии разобраться. И ещё при этом оставаться для меня самой желанной и красивой!

От этих размышлений отвлек треск и последовавший за ним грохот. Поворачиваю голову — ко дну ущелья, вздымая снопы снега, скользит огромный кусок льда, оторвавшийся от глетчера.

Спускаться было полегче. На полпути, у ручья с чистой водой, устроили привал. Утром ручей был худосочным и наполовину затянутым льдом — мы его просто перешагнули. Сейчас же, чтобы перебраться на другой берег, пришлось прыгать по торчащим над пенистыми бурунами камням.

Раздевшись по пояс, освежились студёной водой, попили чай и в прекрасном настроении зашагали по уже пологому скату в лагерь. Перед ним дорогу перегородил ещё более мощный поток. Талая вода неслась, полностью накрыв настил подвесного мостика, — сегодня так жарко, что глетчеры таяли прямо на глазах. Туго натянутые тросы вибрировали от напряжения. Было страшно, но сидеть до ночи, дожидаясь, когда вода спадёт, не хотелось. До сих пор не понимаю, как мы сумели одолеть этот бесноватый поток.

В лагерь вошли на исходе дня. Снег на склонах, поглощая свет заходящего солнца, становился всё более кровавым. Это было так красиво, что я не удержался и нащёлкал с дюжину кадров.

Роджерс поставил нашей физической подготовке «отлично» и объявил, что весь следующий день можем отдыхать, а послезавтра утром мы должны быть полностью экипированы и готовы к выходу на Аконкагуа.

Прежде чем уйти, он провёл ревизию нашего снаряжения. Мои горные ботинки забраковал — выше 5 500 метров нужны потеплей и покрепче. Необходимы также кошки и балаклава. К Эмилию вопросов не было: он, чтобы не опоздать на карнавал в Рио-де-Жанейро, решил подниматься только до первого лагеря (5 100 м). Мне же следовало срочно где-то раздобыть недостающее. Роджерс посоветовал обратиться к живущему в лагере художнику Мигелю, поскольку он такой же высокий и худой, как я, и у него всё это имеется.

Ангарного типа палатка Мигеля стояла на скалистой террасе в метрах семидесяти от нашей. Она служила ему и домом, и мастерской, и картинной галереей одновременно.

Земля перед входом устлана ярко-зелёным ковровином. Из жёлтой бочки торчит раскидистая пальма а, под ней — два беленьких кресла. Чуть поодаль — высокий столб, к которому прикреплены стрелки-указатели с расстояниями: «Лондон», «Сидней», «Санкт-Петербург», «Париж» и т. д., десятки городов мира!

Сам Мигель напоминал загорелого древнегреческого бога, забывшего помыть заросшее густой щетиной лицо и причесать длинные вьющиеся волосы. Встретил он меня улыбкой и радушным рукопожатием. Узнав, что я из России, сразу поставил диск с русскими романсами. Слушая их, я, помимо удоволь-

ствия, испытал гордость оттого, что музыка моего Отечества звучит в Аргентине, и ни где-нибудь, а у подножья самого высокого в мире вулкана.

Усадив за столик и подав калечасу с чаем матэ, Мигель стал расспрашивать про легендарную православную страну Беловодье, показывать альбом с картинами своего кумира — Николая Рериха. И вдруг неожиданно спросил:

— Камил, как думаешь, что есть Шамбала?

Я стал объяснять, что это особое место в Гималаях, которое Рерих искал всю жизнь.

— Нет, — перебил Мигель. — Ты скажи, что есть Шамбала?

— Она, я думаю, у каждого своя. Для меня — это люди, которых я люблю, и которые любят, понимают меня... Добрые дела, а главное — чистая совесть...

Художник задумался. Наконец произнёс:

— Пожалуй, ты прав.

После этого стал показывать свои работы. Следует заметить, они весьма популярны в мире. Его картины выставлялись даже в Ватикане. А диплом «Книги рекордов Гиннеса», висящий на самом видном месте, извещал, что я нахожусь в самой высокогорной в мире картинной галерее.

Узнав о моей проблеме, Мигель, не раздумывая, полез в мешок и достал оттуда поочередно зелёные пластиковые ботинки, кошки к ним и балаклаву.

— Что я вам за это должен?

— Будет хорошо, если не забудешь вернуть!

Вдохновлённый добросердечием хозяина, я отважился спросить:

— Мигель, а можно на столбе Мира прикрепить стрелку с названием моего города?

— Пожалуйста!

Аргентинец подобрал подходящую дощечку. Мы её быстренько обстругали, заострили, покрасили. Я крупно написал «UFA» и прибил её повыше таблички «Moskva». Любуясь своей работой, подумал: «Нет, не зря я сюда забрался!»

После обеда отправились с Эмилем в медпункт на осмотр. Доктор измерил давление, содержание кислорода в крови и записал в пермите: «Давление 129/78, пульс 68, кислород 87 (в нижнем лагере был 99). К восхождению допущен». У Эмиля со здоровьем, несмотря на то что он старше меня на семь лет, тоже полный порядок.

Вечером нас пригласили на ужин аргентинские альпинисты из соседней палатки. Мой друг, увидев лежавшую в чехле гитару, спросил:

— Можно?

— Конечно! Это будет приятно!

И тут Эмиль порадовал меня в очередной раз: гитара в его руках заговорила так, что все затаили дыхание. А когда он ещё и запел, то эмоциональные хозяева заплодировали от восторга.

Ночью, как всегда, трещали, лопались разогретые на солнце камни. Временами начиналась настоящая перестрелка. Вот так скалы рассыпаются в щебень, а щебень — в песок.

ВОСХОЖДЕНИЕ

НА АКОНКАГУА ПОДНИМАЮТСЯ, КАК ПРАВИЛО, ПОЭТАПНО, с ночёвками в лагерях. (Лагерь — громко сказано! Это просто относительно ровные площадки, пригодные для установки палаток.) Их три: «Канада» (5 100 м), «Гнездо Кондора» (5 600 м), «Берлин», либо «Колера» (6 000 м). Выше уже сама вершина (6 962 м). Единственное место, где есть капитальная хижина и электроэнергия, — это средний лагерь — «Гнездо Кондора». Там дежурят вахтами по три спасателя.

Вышли на гору в девять утра. Тропа, виляя зигзагами по каменистому склону, за три часа размеренной, как в замедленном кино, ходьбы вывела на небольшое заснеженное плато. Это был лагерь «Канада». Мы оказались первыми, кто поднялся в этот день.

Поставили палатки, обложили увесистыми камнями фартуки. Роджерс сварил на газовой горелке рисовую кашу с салями. Пообедали. Вскоре стали подходить другие группы. Погода тем временем портилась: повалил снег, поднялся ветер. Плато задымило позёмкой, и вновь прибывшим пришлось изрядно помучаться, устанавливая палатки. Мы же в своих туго натянутых убежищах радовались, что успели обустроиться до непогоды.

Ветер и низовая метель буйствовали всю ночь. К утру потолок палатки покрылся густым слоем ершистого инея. Когда кто-нибудь из нас

**ЛАГЕРЬ
КАНАДА
5 100 м**

ворочался, иней осыпался и таял. Чтобы окончательно не промокнуть, я взял миску и за пять минут ложкой соскрёб в неё всю искристую бахромку.

Заваленные снегом палатки (Роджерс спал в своей одноместной) из-за разницы температур снаружи обледенели так, что сложить и упаковать их было невозможно. Решили ждать, когда выглянет и пригреет солнце.

Развиднелось лишь после полудня. Сквозь прорехи туч на плато хлынули снопы солнечного света. Эмиль ушёл вниз, а мы с Роджерсом принялись убирать с фартуков камни, отгребать снег. Когда палатки немного просохли, затрамбовали их кулаками в компрессионные мешки. Едва успели свернуть лагерь, снег возобновился. К «Гнезду Кондора» шли при густой, выше моего роста, боковой позёмке. Насыщенный колючим снегом ветер выжимал слезу и забивал рот. Пришлось одеть балаклаву и тёмные очки на пол-лица. Сразу стало легче.

Добраться до «Гнезда Кондора» в этот день не удалось. Запуржило так, что вынуждены были заночевать на промежуточной площадке с волнующим слух россиянина названием — «Аляска».

Всю ночь и всё утро снег сыпал почти непрерывно. Идущего впереди проводника едва видно: ориентировался на мутное тёмное пятно рюкзака и быстро заметаемые струями позёмки ямки следов. Когда и эти «маячки» исчезали, нащупывал тропу ногой. Правда, вскоре необходимость в этом отпала: я стал просто «видеть» её: то ли пробудилась забитая городом

интуиция, то ли открылся третий глаз. Со мной однажды уже было такое, когда я один зимой ночью поднимался на Ирмель. Тогда интуиция тоже не подвела: рассвет встретил на вершине.

На «Гнездо» взойти только к обеду следующего дня. Перед ним на краю плато возвышалась ступенчатая скала, действительно похожая на гигантское гнездо. Теперь ясно, отчего у лагеря столь звучное название. Правда, эти огромные птицы на такой высоте не живут — тут для них нет и грамма пищи.

Миновав полусасыпанный снегом и увенчанный бело-синим аргентинским флагом дом спасателей с крышей, обрамлённой суставчатыми сосульками, нашли между скал тихий закуток. Он идеально подходил для установки палатки. Место мы выбрали столь удачно, что к вечеру вокруг выросло ещё с десяток капроновых хижин. Ночью практически не спали: ветер усилился, и стенки нашего убежища затрепало так, что приходилось только удивляться, как пластиковые дуги и ткань выдерживают такой напор.

С утра время от времени выглядываю из палатки в надежде на улучшение погоды. Но сквозь потоки снега даже туч не видно. Наоборот, к хлопкам матерчатых скатов прибавились раскаты небесного грома. Ого! Гроза и снежная буря одновременно! Вой, грохот и свист вокруг достигли такой силы, что разговаривать стало невозможно. Кричим друг другу прямо в ухо. Соседи почти все ушли вниз.

**ЛАГЕРЬ
ГНЕЗДО КОНДОРА**
5 600 м

Мучительно медленно «проползли» первые сутки, начались вторые... Снег каким-то образом умудряется проникать сквозь микроскопические щели в нутро моего пристанища. На прорезиненном днище появились лужицы. Время от времени вытираю воду носовым платком и отжимаю в тамбур. Тем не менее спальный мешок уже пропитался влагой, пух слипся и почти не греет.

С наступлением темноты мороз покрепчал, и спальник снаружи приобрёл жёсткость кровельного железа. Когда я шевелился, он хрустел. Утром пришлось буквально отгибать его заледеневшие края. От холода спасал выделенный мне Максимом Богатырёвым пуховик, а вот ноги замёрзли, и пальцы потеряли чувствительность.

Лежание долгими часами в закрытом, тесном пространстве угнетало. Тело тосковало по движению, и хотя погода не располагала к прогулкам, я, натянув на себя всё, что оставалось в рюкзаке, выполз наружу. Меня тут же атаковали ураганный ветер и секущий снег. С трудом пробившись сквозь белую завесу к тропе на «Берлин», свернул к краю пропасти — там снежная пелена была не такой густой. Но вовремя остановился: вспомнил, что основной причиной гибели людей на Аконкагуа является ветер, сбрасывающий альпинистов в бездну.

Когда, с трудом преодолевая сопротивление встречных шквалов, возвращался к палатке, чуть не задохнулся от секущих лицо снежных зарядов. Чтобы восстановить сбивающееся дыхание, ложился на камни.

Конец дня тоже не принёс перемен. Ветер налетит, отлущует бедную палатку так, что она вся ходуном заходит, и — тишина. Слышно только, как стонут соседние скалы. Проходят одна-две минуты — и вновь яростная атака. От оглушительных хлопков туго натянутой ткани и недостатка кислорода разболелась голова. При этом снег не прекращался ни на минуту.

Поначалу я страхивал его со скатов резкими ударами изнутри. Но в конце концов вокруг палатки выросли такие кучи, что снегу некуда стало сыпаться. Пришлось вылезать наружу и отгребать руками образовавшиеся валы. Выход в отсыревшей одежде на пронизывающий ветер потребовал от меня большого усилия воли. После такой жестокой экзекуции я долго не мог унять дрожь. Спасибо Роджерсу, он принёс в термосе очередную порцию горячего чая с лимоном. После второй кружки дрожь прекратилась, и я задремал.

Открыв глаза, первым делом бью по потолку, чтобы сбросить снег и понять, что происходит снаружи. Увы, там по-прежнему метёт.

— Эй! Солнышко! Где ты? Когда ты порадуешь нас? — шепчу я.

Чтобы ослабить пытку бездельем, стараюсь больше спать. Во сне хотя бы не лезут в голову с маниакальной навязчивостью одни и те же мысли. Чаще всего: «Зачем мне всё это? Сидел бы сейчас в мягком кресле и перечитывал любимого Распутина!»

Действительно, зачем? Если бы в городе мне предложили работу, связанную с такой колоссальной тратой энергии, да ещё в столь тяжёлых условиях, я бы ни за какие деньги не согласился. А тут сам, добровольно (в этом весь парадокс!) тащусь с грузом туда, где нечем дышать, где круглый год властвует мороз, а ветер валит с ног. И за это не только не платят, а наоборот, сам расходую немалые деньги.

Зачем? Трудный вопрос. На него, наверное, у каждого свой ответ. Мысленно перебираю свои варианты: самоутверждение, желание сделать то, что не каждому под силу, поймать миг восторга от победы, насладиться красотой и мощью гор, заглянуть за горизонт... Да, всё это имеет место быть, но первопричина всё же не в этом. Какая-то более весомая и неосознанная сила побуждает меня лезть в поднебесье, рисковать, обречь себя на значительные нагрузки.

Хотя, возможно, всё гораздо проще, и страсть к горам — это индивидуальная особенность, заложенная в генах.

У меня сейчас уйма свободного времени, и можно погрузиться в свои ощущения и попробовать докопаться до причин столь нелогичного поведения. Как известно, человека всегда тянет познать непознанное. Это замечательное качество мы называем любопытством или любознательностью. У кого-то оно сильно развито, у кого-то мало, у кого-то его и вовсе нет. (Это как в пирамиде Маслоу: крыша, еда есть — и хорошо! Через ступеньку не перепрыгнуть.) Но, по мере удовлетворения естественных потребностей, у большинства людей появляются новые, более высокого уровня желания, не дающие покоя.

Мысленно разбираясь в себе, понимаю, что во мне где-то внутри есть маленький волчок (волчок не в смысле зверя, а юла). И этот волчок живёт своей собственной жизнью. Крутится то быстрее, то медленнее. И когда его обороты достигают определённой скорости, во мне просыпается внутренний зуд. Он как бы говорит: «Хватит сидеть! Пойдём, пойдём!» И это вовсе не важно, куда пойдём, лишь бы идти. Его невозможно затормозить. Напротив, он лишь набирает обороты и, подчиняя себе все мои мысли, толкает в неведомое. Туда, где ещё не был.

Казалось бы, живём в такое время, когда всё можно увидеть по телевизору или через Интернет. Но этот неугомонный дружок хочет взглянуть на всё «своими» глазами. В конце концов наступает момент, когда я не в состоянии сопротивляться ему. И хотя здоровье уже не то... всё равно иду. В какой-то момент думаю: хватит, пора остепениться, но проходит время, и эта неугомонная юла опять пробуждает во мне беспокойство: почему ты сидишь, время-то идёт, а ты ещё так много не видел! Возможно, у других происходит всё как-то иначе, а у меня именно так.

Многие люди оседлы просто по характеру. Им не хочется ничего менять, им это не интересно, им даже страшно покинуть свой двор. Это люди, в которых нет волчка. А есть другая категория людей, которым не важно, есть деньги или нет, есть здоровье или нет. Их подгоняет тот самый волчок. Представители этого неуёмного племени встречают 90-летие на вершине Эльбруса,

без ног поднимаются на Мак-Кинли — они не могут иначе. Эта порода людей, внутри которых живёт этот загадочный волчок.

Законы человеческих поступков сложны, ещё сложнее законы памяти. Вдруг вспомнились окраина Хабаровска и сопка, синевшая на горизонте. Её мы так и звали — Синяя сопка. Это она в далёком 1958 году поманила меня восьмилетнего. И когда, вместо того чтобы пойти в школу, я поднялся на неё и увидел, что за ней дыбятся ещё более высокие горы, мне страшно захотелось увидеть, а что же за ними? Наверное, именно эта сопка околдовала меня, и я заболел горами на всю жизнь.

Вечером третьего дня в мою «берлогу» заполз вместе с термосом, полным горячего кофе со сливками, Роджерс. Всегда спокойный, в этот раз он был встревожен. Оказывается, по рации передали, что Белый Шторм прекратится только 18 февраля, то есть через пять дней, а у нас продуктов и газа в обрез.

— Надо спускаться! — резюмировал он.

— Роджерс, чтобы попасть на Аконкагуа, я пролетел 20 000 километров, потратил уйму денег... Нет! Пока не поднимусь на вершину, с горы не слезу.

— Камил, я знаю много плохих историй. Горе дела нет до наших желаний. Каждый год здесь гибнут люди. Не хотелось бы пополнять этот счёт. Нужно спускаться!

Я молчу.

Роджерс встаёт и, пробурчав что-то, уходит.

Я в растерянности... Понимаю — спускаться надо, но примириться с этой мыслью не могу: отступление для меня равносильно поражению. Что делать? Мысленно обращаюсь за советом к Танюше. В последнем эсэмэс она писала: «Не рискуй, ты нам нужен живой!» Как же быть? И жена призывает к благоразумию. Но моё природное упрямство всё же взяло верх над здравым смыслом. «Буду идти до последнего!» — решил я.

Натягиваю ботинки и, согнувшись от ветра пополам, пробиваюсь к заваленной снегом конуре проводника. Упругие удары воздуха бросают из стороны в сторону. Сквозь снег вижу, что на плато осталось всего три палатки, но и там люди уже вытащили рюкзаки. Похоже, собрались уходить.

Роджерс потеснился, и я, поджав ноги, кое-как умещаюсь у входа (его палатка меньше моей). Глядя на проводника в упор, бодро сообщаю: «Три палатки ещё стоят!»

— Камил, мы не можем жить здесь ещё пять дней. Нужно спускаться. Переждём непогоду и восемнадцатого вернёмся, — почти умоляет он.

— У меня пермит до семнадцатого, — парирую я и, лихорадочно прокрутив в голове альтернативные варианты, предлагаю:

— Давай сделаем так: если ветер завтра ослабнет, возьмём самое необходимое и налегке, без палаток, идём на «Берлин». Ты говорил, что там есть хижины. Переночуем, а утром видно будет. Метеорологи часто ошибаются в своих прогнозах. Вдруг повезёт!

Проводник как-то странно качает головой: сначала отрицательно, потом утвердительно. Видя, что я смотрю с недоумением, вносит ясность:

— Си! (Да!) Но если Шторм не ослабнет, спускаемся! Договорились? Крепкое рукопожатие скрепляет наш уговор.

Проснулся в состоянии, схожем с ожиданием чуда. Высовываю голову наружу. Ура!!! Создатель услышал мои молитвы! Непроницаемый войлок туч на западе, откуда и дуло, распался на куски, обнажив впервые за много дней синеву неба. Снег чуть сыпет, вялые порывы ветра едва шевелят позёмку. Я воспрял. Одеваюсь и выползаю из палатки: передо мной сплошь «выбеленные» хребты.

Ниже нас бугрятся, скрывая ущелья и более низкие вершины, мощные пласты облаков. Из них местами торчат конуса белых пиков, купающихся в лучах восходящего солнца. Над всем этим волнистым простором царствует туповерхая, рыжеватая громада Аконкагуа.

Палатка Роджерса ожила. Из неё показалась голова. Проводник тоже повеселел. Первым делом вытащили для просушки спальники. Отобрали и сложили в рюкзак Роджерса вещи, которые понадобятся для восхождения, и, надев кошки, медленно зашагали к тропе. Она почти сразу резко забирала вверх. К счастью, иногда перемежалась пологими участками. После трёхдневного лежания при ощутимой нехватке кислорода тело не слушалось, и вместо планируемых четырёх часов до лагеря «Берлин» ползли шесть с половиной. Это для меня был самый тяжёлый переход. Ноги под конец заплетались, язык не слушался, в голове гудело как после глубокого похмелья. Ничего удивительного: 6 000 метров — это уже серьёзно. Тут запросто можно заработать отёк лёгких и отдать концы.

В лагере «Берлин», действительно, стояли вполне приличные хижинки, похожие на шалаши. (Их построили немецкие альпинисты, поэтому лагерь и назвали «Берлин».) Выбрали хижину пониже и поменьше — в ней будет теплее ночевать. Я расстелил на топчане спальник и замертво повалился на него. Уснуть не получилось. Погрузился в какую-то беспокойную дремоту, перемежающуюся полубредом. Поднялся лишь тогда, когда Роджерс вскипятил снеговую воду и заварил ею китайскую лапшу. Есть не хотелось, а вот чай с лимоном я с жадностью выпил. Кажется, четыре кружки. Проверил пульс — в покое 109 ударов в минуту. Многовато!

Ветер выл за стенкой голодным зверем, но в хижине он был не страшен. Ночью раз десять просыпался от приступов удушья — высота не позволяла забыть о себе. Часто-часто дыша, восстанавливал содержание кислорода в крови, но через некоторое время приступ удушья повторялся. Надо сказать, пренеприятнейшее состояние: вдруг охватывает такая неконтролируемая паника, что, кажется, ещё минута — и умрёшь.

К утру я так и не восстановился. Более того, появились слуховые галлюцинации: то слышался духовой оркестр, то начинал кричать петух. Появилось желание плюнуть на всё и как можно скорее бежать вниз, но упрямство и самолюбие сдерживали.

Погода не прибавляла оптимизма: небо хоть и чистое, но ветер продолжал гнать между скал хвостатые вихри снега. Стояло выглянуть наружу, как

**ЛАГЕРЬ
БЕРЛИН
6 000 м**

колючие кристаллы больно секли лицо, забивали рот, мешая дышать. Кислорода и так мало, а тут последний перекрывают!

Роджерс молча наполняет термосы чаем с остатками лимона, суёт мне в карманы орехи, плитку шоколада, и мы как-то обречённо направляемся к вершине. С первых шагов обливаюсь потом, пульс зашкаливает. Иду, не поднимая головы. Сосредоточен на одном: не отставать от проводника ни на шаг. Только пытаюсь глянуть на окрестности, сразу сбивается дыхание, теряется темп...

Время куда-то провалилось или остановилось. Мне уже всё безразлично. Тупо шагаю, словно солдат в конце сорокакилометрового марш-броска. В залитом свинцом черепе пульсирует одна и та же мысль: «Не отставать! Не отставать!» Я не заметил, как натянуло тучи и к низовой позёмке прибавился снег. Всё опять погрузилось в белёсую мглу. Несколько раз падаю, встаю и, шатаюсь, иду, останавливаясь каждые десять шагов.

Видя моё полуобморочное состояние, Роджерс завёл под защиту скал. Тут снег едва крутило. Проводник разлил в кружки чай. Пока я пил, он втолковывал мне, что идти дальше опасно: в такой снежной круговерти легко сбиться с пути; что сейчас мы находимся возле пика Импенденсис. Его высота 6 300 метров, и мы можем взойти на него и там сфотографировать все твои флаги.

Это предложение мне пришлось по душе, хотя и не сразу осознал причину. А приглянулось оно именно из-за цифры «6 300». Мне как раз 63 года! Так что есть возможность подарить самому себе за каждый год жизни по 100 метров! Класс!!!

Я так вдохновился, что не заметил, как мы поднялись на этот самый, с одной стороны облепленный снегом, а с другой совершенно голый, Им-педенсис. Не заметил не потому, что было легко, а оттого, что находился в состоянии крайнего возбуждения. На вершине произошло очередное чудо: словно в подарок мне, ветер стих, поток колючей позёмки осел, и в хрустальной прозрачности чисто выметенного пространства открылась поразительная по красоте круговая панорама, слегка перекрываемая на юге куполом Аконкагуа.

Во все стороны разбегались острозубые, похожие на спинной плавник хариуса, кряжи. Особую прелесть им придавал девственно-свежий, брызжущий мириадами бриллиантиков, снег. Чистый разреженный воздух заметно скрадывал расстояние. Под непрекращающийся аккомпанемент духового оркестра я озираю всё это великолепие и недоумевал, как Господь сумел из множества уродливых и угловатых громад сотворить картину, завораживающую не меньше восхитительных линий женского тела.

То, что время нашего подъёма на пик совпало с прекращением Шторма (к сожалению, кратковременным), навело на мысль, что Гора после устроенных мне испытаний решила наградить в той мере, которую я заслужил. (До чести быть допущенным на главную вершину я, видимо, ещё не дорос!) Теперь стало понятно, почему местные говорят об Аконкагуа как о мудром живом существе.

Я настолько выдохся, что не ощутил ни вспышки счастья, обычно охватывавшей меня на вершине, ни ликования оттого, что взял рекордную для себя высоту. Было лишь удовлетворение.

Собрав остатки сил, сфотографировался с флагами Русского географического общества и Башкирии. Сложив флаги, повернули вниз. Иду, а скал,

мимо которых проходил всего час назад, не узнаю. Не удивительно — шёл в полной «отключке». В памяти сохранилось лишь ритмичное мелькание жёлтых ботинок Роджерса.

Спуск осложнился встречным ветром. Когда показалось плато «Гнездо Кондора», увидели низко летящую над ним... оранжевую палатку. За ней бежали люди. Палатка медленно вращалась, из неё сыпались вещи. Достигнув края пропасти, она исчезла. Я едва успел вскинуть фотоаппарат и запечатлеть этот момент. Правда, сделал всего один снимок — кончилась карта памяти. Чтобы заменить её, завернули в безветренный закуток. Пользуясь вынужденной остановкой, заодно допили чай.

Чем ниже спускались, тем легче шлось: сказывался рост содержания кислорода в воздухе. Настроение и способность воспринимать окружающее тоже стабилизировались. Только теперь в полной мере пришло осознание: «Я сделал 6 300! Я молодец!» — говорю сам себе и невольно расплываюсь в счастливой улыбке.

У лагеря «Канада» догнали мужчину лет сорока. Продолжение его спины «украшало» изобретение российских туристов — «пенка».

— Вы русский? — обратился к нему я.

— Это вы из-за пенки так подумали? Нет, я болгарин. А вещь, действительно, удобная. Даже в мороз на камнях можно сидеть.

Разговорились. Русский язык знает со школы. Недавно увлёкся нашими классиками. Прочёл «Воскресение» Льва Толстого, «Живи и помни» Валентина Распутина, а сейчас читает «Золотую Ригму» Всеволода Сысоева — дальневосточного писателя-натуралиста!

Я предложил ему заглянуть на сайт ещё одного писателя-натуралиста — Камиля Зиганшина (www.ziganshin.ru), скромно умолчав об авторстве.

Ура! Наконец, внизу показались крохотные разноцветные квадратики палаток базового лагеря. Справа от них — изумрудная площадка горного озера, заключённая в оправу лавовых потоков.

Нас встречали как героев: за последние пять дней никто не поднялся на вершину — мы подобралась к ней ближе всех. Если наверху валил снег, то здесь всё это время лили дожди. Ручьи превратились в бурные мутные реки, сметавшие на своём пути все преграды. Автомобильную дорогу, связывающую Аргентину с Чили, на протяжении 20-ти километров местами размыло, местами завалило селом толщиной до пяти метров. Десятки машин оказались погребёнными под ним. Слава Богу, хоть жертв нет. Начальник лагеря сказал, что такого кошмара не было как минимум тридцать лет. Авто-трасса до сих пор закрыта, и неизвестно, когда откроется. Во дела! Питание в лагере резко ограничило. Мясо исчезло. Одна каша да чай с галетами.

ЧП

Перед сном решил просмотреть отснятые на Аконкагуа кадры. Полез в сумку за флэшкой и (о ужас!) не нахожу её. Всё перетряс, перебрал — НЕТ!!! Напрягаю память и вспоминаю, что вынутую из фотоаппарата флэшку я положил не в сумку, а на сумку. После чего встал и пошёл. Значит, она там и свалилась в снег между камней.

Катастрофа! Произошло худшее из того, что могло случиться в путешествии! Я просто убит! Микроскопическую надежду давало знание места, где обронил её. Но туда ещё надо не только подняться, но и перекопать руками кучу снега. А его за это время, поди, ещё больше намело!

Сам я такой подвиг совершить был не в состоянии — ослаб до предела. Оставалось одно — упротить Роджерса. Ночь практически не спал. Переживал: неужто всё пропало?! И тут же успокаивал себя: Камиль, без паники — шанс найти всё же есть!

С утра пораньше бегу к Роджерсу. Он тоже уже встал и пьёт чай. Чуть не плача, рассказываю о своей трагедии и умоляю сходить, поискать бесценную для меня флэш-карту.

— Сегодня не могу. Надо отдохнуть. Завтра.

— Роджерс, миленький, выручай! Ты же понимаешь, завтра ещё меньше шансов найти.

— ...

— Роджерс, пожалуйста, очень прошу тебя!

— Ладно... Жди... Вернусь через шесть часов.

Проходит шесть часов, семь, а проводника нет. Всё чаще меня посещает мысль: только идиот может рассчитывать найти на заснеженной громаде сантиметровую кроху! Я в отчаянии!

Вечерело. Роджерса всё нет. Не выдержав, пошёл к началу тропы и с волнением стал глядеться в склон: не замаячит ли его жёлтый комбинезон. Где-то через полчаса проступили три фигуры. Среди них — одна жёлтая. Это

Роджерс! Чем он ближе, тем мне страшней. Чтобы не лишиться последней надежды, опускаю голову. Наконец не выдерживаю, поднимаю глаза. Роджерс поймал мой взгляд и радостно помахал рукой. Я верю и не верю: мало ли, что это значит. Может, просто приветствует... Проводник уже совсем рядом. Идёт, покачиваясь от усталости. Но что это? Роджерс показывает большой палец!

— Неужели?! Это чудо!!! Это чудо!!! — ору я на всю округу. Проводник улыбается и протягивает крошечный, не имеющий для меня цены, синий квадратик.

Да! Да! Это была та самая флэшка! Я тискаю своего спасителя в объятиях, целую его в небритые щёки. В восторге вздымаю руки к небу и благодарю Гору за проявленную ко мне милость. Сую Роджерсу деньги, он отказывается, но я убеждаю его тем, что эта флэшка для меня бесценна.

Я счастлив! Бегу поделиться радостью к Мигелю — он уже в курсе моей проблемы. Заодно возвращаю этому добрейшему человеку ботинки, кошки, балаклаву и презентую свою одноместную палатку. Он тоже поражён невероятным везением, а от подарка пытается отказаться. Я настаиваю. В ответ получаю ещё более щедрый дар — картину с изображением Аконкагуа с автографом!

Ночью через лагерь пронёсся мощный смерч. Ветер достигал такой силы, что казалось, даже горы стонут, прося пощады. Утром мы лицезрели результаты его «деятельности»: в «микрорайоне Ланко» повалило туалет — не помогли даже стальные растяжки; у продуктовой палатки разорвало по шву боковую стенку и через неё унесло массу пакетов и мешков. В соседних «микрорайонах» разрушений не меньше. Так что если заскучали, приезжайте в Анды! Они хорошо бодрят.

САНТЬЯГО

«ПРОЩАЙ, АКОНКАГУА! Капризная и непредсказуемая, ты никак не угомонишься — всё размахиваешь своими «снежными платками»! Ты не самая красивая гора, но ведёшь себя так, словно тебе нет равных на всей планете. Тем не менее я полюбил тебя, и всегда буду помнить те испытания и радости, которыми ты одарила меня».

Такой монолог пронёсся в моей голове, пока смотрел из окна автобуса на едва виднеющуюся в проёме ущелья трапециевидную снежную шапку. Эта бесплодная, обдуваемая всеми ветрами каменная громада навсегда поселилась в моём сердце.

Автобус круто берёт влево. Бросаю на Аконкагуа последний взгляд.

И тут мне почему-то становится жалко её. Да, она величава и грозна, но... навеки прикована к одному месту. Я же, крохотная песчинка в сравнении с ней, имею великое счастье путешествовать и видеть на своём пути не только множество подобных ей великанов, но и весь мир.

Вот и сейчас снова мчусь. Куда? В Мендосу, хотя было бы разумней сразу махнуть через перевал в Чили — до неё отсюда километров сорок. Но я не могу покинуть Аргентину, не купив сувениров и картин, напоминающих о восхождении?! (В самом национальном парке даже значков не продают.)

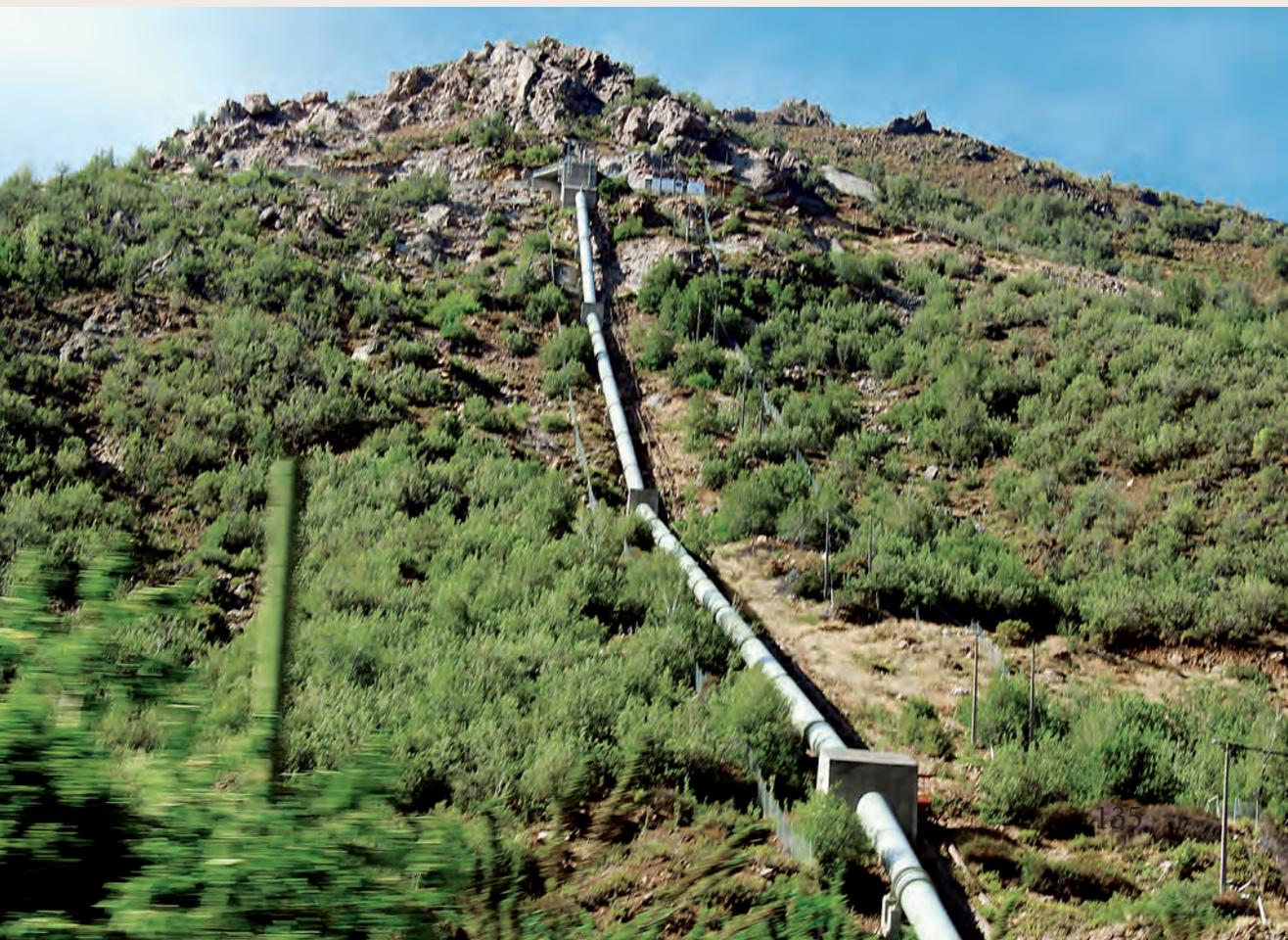
Лишь оказавшись в кресле автобуса, понял, до чего я устал. Гора высосала из меня все силы: их не осталось даже на то, чтобы просто смотреть

в окно. Подумал: «Всё! Это восхождение последнее! Пора переходить на маршрут заслуженного пенсионера: «город–дача–город».

В Мендосе ситуация с сувенирами оказалась не намного лучше. Обойдя на следующий день почти весь центр, я только к вечеру обнаружил магазинчик, в котором имелись значки, кружки и магнитики с изображением Аконкагуа. А о картинных галереях никто и понятия не имел. Поразительно! Вокруг такие пейзажи — рисуй да рисуй! Неужели местным художникам не хочется заработать? Ведь сюда приезжают туристы со всего мира. Кто — продегустировать местные вина, кто — полазить по горным кряжам.

Занимаясь поисками сувениров, я удивлялся тому, до чего легко переносится в этом городе жара: густые кроны огромных деревьев, растущие вдоль тротуаров с обеих сторон, не только прекрасно защищали горожан от солнца, но и создавали приятный микроклимат. Этому, по-видимому, помогало и то, что дороги и тротуары вымощены натуральным камнем, а не асфальтом — город избавлен от тяжёлых испарений битума.

Бросилось в глаза обилие такси. Оно здесь муниципальное. Машины выкрашены в жёлто-чёрный цвет, у каждой бортовой номер. Судя по ним, такси в городе порядка двух тысяч. Водители отзывчивы и не корыстны. Как-то остановил одного и показываю адрес. Таксист, вместо того чтобы воспользоваться возможностью подзаработать, вышел из машины и стал

убеждать, что сеньору лучше пройти пешком: два квартала прямо и потом один — налево. Зачем тратить деньги, когда туда всего семь минут ходу?

Несмотря на то, что в последние годы в Аргентине наблюдается постоянный спад в экономике (реальная годовая инфляция в 2012 году превысила 30%, а обменный курс доллара на чёрном рынке на 40% выше официального), я не видел ни одного угрюмого лица. Вообще, оптимизм — отличительная черта всех латиноамериканцев.

В Сантьяго выехали в 9 утра. Билет стоит 230 песо (примерно 1 000 рублей). В 18.00 должны быть на месте. Нижний салон — просторный люкс, верхний потесней, но тоже комфортабельный. В салоне прохладно, хотя на улице уже плюс 30.

Миновав идеально ухоженные виноградники, въезжаем в предгорья Анд. Горы здесь рыхлые, состоящие из осадочных пород. Повсеместно видны языки свежих селей. Некоторые ещё не полностью убраны с дорожного полотна. Автотрасса идёт параллельно железной дороге, связывавшей две страны. В 1982 году «железку» закрыли из-за нерентабельности. Но недавно правительства Чили и Аргентины подписали соглашение о её реанимации.

Хотя со дня прекращения движения минуло 30 лет, мосты, деревянные опоры, снегозащитные сооружения, не говоря о рельсах и шпалах, как стояли, так и стоят. Некоторые мосты даже свежепокрашены. Требуется

лишь текущий ремонт и восстановление разрушенных временем и стихией участков.

Дорога, плавно поднимаясь на протяжении трёх часов, наконец, нырнула в длиннющий тоннель, пронизывающий водораздельный гребень на высоте около четырёх километров. Выехали из него уже в другом государстве — в Чили. Эта страна узкой, похожей на шило, полосой вытянулась вдоль тихоокеанского побережья аж на 4 000 километров.

Горы на перевале обложены серыми тучами. Моросил холодный дождь. Поскольку изрубцованный шрамами осыпей и лавовых потоков водораздельный хребет обрывается в сторону океана почти отвесно, спуск представлял собой длиннющий змееподобный серпантин с едва разделяющимися петлями. Машины, по преимуществу большегрузные фуры, ползли по нему одна за другой столь плотно, что чудилось, будто это не караван автомашин, а гигантская анаконда, извиваясь, медленно ползёт на водопой.

Восемь километров от тоннеля до подножья хребта ехали более часа. На паспортный и таможенный контроль (весь багаж проверяли с собаками) ушло ещё три. Но это по-божески. Водители фур, вообще, по двое суток стоят! (Автобусы идут вне очереди.)

Лишь только спустились с перевала, облака пошли на убыль. Выглянуло солнце. Сразу потеплело. Склоны гор и берега бурунистой речки радовали пышной растительностью, а чистота воздуха была просто хрустальной. Похоже, в Чили осадков побольше, чем в Аргентине. Это подтверждало и обилие воды в реке. На ней даже имеется несколько плотин с электростанциями для местных нужд.

Ого! Так здесь и железная дорога функционирует! Вон тепловоз с тремя платформами нырнул в тоннель. Молодцы, чилийцы! Автотрасса, ведущая в Сантьяго, проходит по широкой долине, исполосованной тысячами зелёных, аккуратно подстриженных рядов винограда. Их тут, похоже, больше, чем в Мендосе!

Столица Чили (6 млн человек) укрылась в двух котловинах, обрамлённых беловерхими хребтами. В одной — промзона, в другой — сам город. Сантьяго считается одним из красивейших городов в Латинской Америке. Неслучайно он имеет титул «Младший брат Парижа».

В Чили, как и в Аргентине, говорят на испанском языке, только побойчее. Зная порядка двадцати испанских слов и при необходимости выживая из дырявой корзины памяти кое-какие английские, я худо-бедно общаюсь и без Эмиля.

Поскольку автобус прибыл к столичному автовокзалу с большим опозданием, знакомство с достопримечательностями отложил до утра.

Шагая к центральной площади Пласа де Армас, на которой стоят Дом губернатора и Национальный исторический музей, я увидел вывеску «Продажа авиабилетов». О! Какая удача! Мне ж так и так надо покупать билет в Рио-де-Жанейро — там меня ждёт Эмиль, и именно оттуда мы полетим домой. Но очаровательные девушки, мило улыбаясь, огорошили стоимостью: 1 006 долларов!

Платить такие деньги за 3 000 километров мне было жалко, и я вернулся на автостанцию. Билет на автобус оказался в шесть раз дешевле (180 долларов), но вот беда: он отходит уже через три часа. Ещё смущала необходимость трястись до Рио двое с половиной суток. Что делать?.. Следующий рейс только через пять дней!.. Очередь волнуется — чего так долго?.. Всё! Решено! Беру! И, как выясняется, правильно делаю — этот билет оказался последним.

Пробежавшись по запруженным горожанами и гостями столицы улицам, я буквально на ходу покупаю на память чилийское пончо, поделки, местное вино для Эмиля и залетаю в автобус. Спасибо диспетчеру: зная, что должен ехать русский дедок, он задержал рейс на 15 минут.

БРАЗИЛИЯ

площадь 8 515 770 кв. км

население — 205 млн человек (2016 г.)

столица — Бразилиа

ВПЕРЕД К МЕЧТЕ ОСТАПА БЕНДЕРА

ВТОРОЙ РАЗ ЗА СУТКИ ПЕРЕСЕКАЮ АНДЫ, только в обратном направлении. Время зря не трачу: до самого захода солнца фотографирую горы, каньоны, алмазные клинки водопадов. Когда закат запалил высоко взлетевшие перья облаков, стюард разнёс ужин и поставил музыкальный диск. Тут чилийцы сразили меня наповал: почти половина пассажиров стала с удовольствием подпевать исполнителям — любит народ свои песни! Подпевали с чувством и без единой фальшивой ноты. Была полная иллюзия, будто поёт профессиональный хор.

Спать в удобных креслах под пледами из шерсти альпака было не так уж и плохо. Чистые, комфортабельные автобусы (тут их называют омнибусами) ходят практически до каждой деревни. Автостанции в городах большие: рассчитаны на одновременный приём до сотни машин! На междугородних рейсах автобусы двухэтажные, с кухней и туалетом. Каждому пассажиру выдаются наушники для прослушивания музыкальных программ. В этом автобусе программ было тринадцать. На семи — классическая музыка, на четырёх — испанские народные песни и по одному каналу на мировую эстраду и рок.

Дороги неплохие, но платные. Интенсивность движения невысокая. Среди легковых машин больших немного. Преобладают малолитражки.

Утром нашему взору открылась уже совсем иная картина: ровная, как стол, бескрайняя равнина — пампа, местами залитая водой. Она простиралась на восток и на юг на многие сотни километров. Ухоженные поля, разделённые жидкими перелесками, чередовались с бесконечными, размашистыми пастбищами, усыпанными горошинами коров.

Их было так много, а людей так мало, что казалось, будто не люди, а коровы — хозяева этой страны. Там, где равнина затоплена, животные пасутся, стоя по колено в воде, а она такая высокая, что из неё видны только рога.

Проезжая редкие города, видели поселения социального жилья: простенькие однотипные домики из кирпича, довольно плотно приставленные друг к другу. Что странно — людей в них почти нет.

Меня, радиоинженера по основному образованию, радовало обилие антенных мачт. Их тут в разы больше, чем в России. Между прочим, правильно поступают, что делают ставку на радиорелейную связь: она дешевле и требует меньше времени на организацию, чем кабельные линии. Всего-то дела — поднять на шарнирной опоре мачту, зафиксировать её оттяжками, установить антенну и подключить приёмопередатчик.

Чем дальше едем, тем сильнее пейзаж напоминает африканскую саванну. Местами сходство настолько велико, что невольно ждёшь появления жирафов или бегущих антилоп гну. По времени захода солнца понимаю, что уже заметно сместились на восток.

ВПЕРЕДИ, ломая монотонность равнины, показались первые холмы. Я облегчённо вздохнул: значит, скоро Бразилия, и конец многочасовым истязаниям моего, к сожалению, не очень мягкого продолжения спины!

Границу пересекли в лучах восходящего солнца. На КПП две дорожные сотрудницы таможни перетрясли почти весь багаж (мой рюкзак их

не заинтересовал) и раскопали-таки кое у кого несколько запрещённых к ввозу грузов. Пока прошли все формальности, в результате которых половину изъятого владельцам вернули, прошло три часа. Тем не менее настроение у всех пассажиров по-прежнему приподнятое.

По качеству отделки и размерам здания КПП чувствовалось, что въезжаем в богатую, с мощной экономикой страну. Даже растительность ожила: сменила блёклый, салатного цвета наряд на ярко-изумрудный. Тут уже во всю властвует тропическая сельва. Стволы деревьев стоят так густо, что листья растут только в верхнем ярусе. Впечатляет непривычное сочетание хвойных деревьев с пальмами: это придаёт здешним лесам особый колорит.

И дорога изменилась: двухполосная в Аргентине, тут она расширилась до шести полос и была такой чистой, как будто её только вчера открыли для движения. Трава на откосах коротко подстрижена. На разделительной полосе — цветущие кустарники. На обочинах — ни одной бумажки или пустой бутылки (!). Вся страна дышала свежестью. Такую ухоженность я встречал только в вылизанной Швейцарии. Теперь понятно, почему сидящая рядом со мной женщина с такой гордостью заявила: «Я — бразильянка!» (Она сказала это с таким видом, как будто она по меньшей мере вице-президент этой страны.)

Дальше, почти до самого Рио-де-Жанейро, трасса пролегла по гористому побережью Атлантического океана, изрезанному лазурными заливами. Ого! Что я вижу! У дороги — автосалон и на нём красуется родное: «КАЛИНА». Вот это да! АвтоВАЗ и сюда добрался. Чертовски приятно!

Зажатый между лесистыми конусовидными горами и океаном, любимый Остапом Бендером Рио-де-Жанейро показался лишь утром следующего дня. Больше всех этому событию радовалась моя измученная пятидесяти четырёх часовым сидением попа.

Вот и громадный терминал автостанции. Спрыгиваю на платформу, и тут меня обдаёт таким влажным жаром, что после прохлады, царившей в салоне

автобуса, я на некоторое время буквально столбенею. Получив рюкзак, иду искать отель «Родовиариа» — именно в нём остановился Эмиль.

Город в первые минуты меня разочаровал: улицы захламлены, прямо на бетоне спят полуголые люди. Смотреть на их грязные тела и слипшиеся волосы без содрогания невозможно. Те, что выспались, сидят возле урн и трапезничают добытыми из них остатками еды, нисколько не смущаясь прохожих. И этих остатков, похоже, немало: ребята упитанные, да и одеты неплохо. После сотен километров идеального порядка и чистоты эти «картины» особенно коробили.

Отель нашёл довольно быстро. Мне повезло: непоседа Эмиль оказался в номере. Хотя трудно назвать номером душную клетушку размером в пять квадратных метров. Особенно, если учесть, что на этой площади, кроме кровати, втиснуты ещё туалет и душ. Правда, цена терпимая: 60 долларов. В остальных отелях не меньше 200. Такие высокие цены — следствие только что завершившегося карнавала. Пообнимавшись с другом, занял такой же номер по соседству.

Чтобы не сойти с ума от стоящей в нём жары, каждые пятнадцать минут встаю под душ и, не вытираясь, ложусь под струи разгоняемого потолочным вентилятором воздуха. Когда, наконец, пришёл в себя от рекордной по продолжительности поездки на автобусе, отправились с Эмилем в центр. Удивила большая стоимость билета в городском транспорте — 3 реала (примерно 50 рублей — это в 2013 году). По всей видимости, это связано с высокой ценой бензина (более 50 рублей за литр).

Сойдя на конечной остановке, первым делом отправляемся на Копакабану: известный всему миру пляж с белоснежным песком, обрамлённый длинным рядом фешенебельных отелей и многоэтажных домов, популярных среди бразильских писателей, артистов, политиков, крупных бизнесменов. Дома отделены от пляжа широкой набережной, красиво вымощенной натуральным камнем. На ней в тени кокосовых пальм млеют полицейские в шортах и рубашках с короткими рукавами. Возле каждого — велосипед. Тут же

курсируют туда-сюда многочисленные любители бега трусцой. Кто-то пьёт у передвижных лотков всегда прохладное кокосовое молоко.

На самом пляже жарятся, сидя в шезлонгах, тысячи отдыхающих (лежать на песке невозможно). Между ними лавируют торговцы мороженым, напитками и разной мелочёвкой. По краям песчаной косы — футбольные поля и волейбольные площадки, освещаемые с наступлением темноты. Бразильцы всех возрастов играют на них до поздней ночи.

По набережной прогуливаются холёные сеньориты и сеньоры с разномастными собаками на поводках. У некоторых по две и даже три. Один безупречно постриженный пудель вдруг замер. Дама тут же достала из сумочки газету и быстро постелила на плитку. Когда собака освободила кишечник, газета со всем содержимым перекечевала в ближайшую урну, и милая парочка продолжила прогулку. Да уж! Есть чему поучиться!

Но что это? О Боже! И здесь валяются (именно валяются, по-другому не скажешь), раскинув руки от блаженства, бомжи. В России они тоже есть, но наши стараются быть незаметными, стыдятся своего положения. Здешние же ведут себя как хозяева жизни. Поглядывают свысока и даже вызывающе. Видя всё это, понимаешь, что блеск и нищета в Рио сосуществуют параллельно.

Атлантический океан, в отличие от Буэнос-Айреса, где он непроницаемо ржавого цвета, довольно прозрачный, с приятным изумрудным оттенком.

Освежившись в его прохладных водах и помассировав тело резкими ударами прибойной волны, улеглись с Эмилом позагорать на влажном, охлаждённом накатами волн, песке (денег на шезлонг было жалко). Только теперь появилась возможность рассказать моего друга о его впечатлениях от бразильского карнавала.

На главный, тот, что проходит в Рио-де-Жанейро, он всё же опоздал. Зато побывал на карнавале в Сан-Пауло — самом крупном городе Бразилии и в городке Флорианополисе. Оказывается, карнавальные традиции в этой стране весьма разнообразны. Если в Рио карнавал — это красочное представление, включающее в себя шествие в пышных, богато украшенных костюмах, исполнение самбы, конкурс на лучший наряд, то в крупных городах — это просто костюмированные шествия. В небольших же — просто дискотека, на которой тысячи молодых, раскрашенных людей, одетых по-пляжному или облачённых в карнавальные костюмы без изысков (у ребят, как правило, это просто женские платья, у девушек же фантазия побогаче), с очаровательной непринуждённостью веселятся под оглушительную музыку, занимая центр города с вечера до утра.

Зато на следующий день на улицах ни души — все спят. Эту вакханалию, граничащую с массовым психозом, мой друг до конца так и не выдержал. Понравилось то, что всё происходило весьма пристойно, никто не задирался

и не приставал. Каждый расслаблялся, соблюдая рамки приличия. Правда, один неприятный эксцесс всё же произошёл: молодой парень от жары настолько одурел, что ненароком проткнул товарища шампуром. К счастью, ранение оказалось не смертельным.

Стоящее в зените светило пекло так, что мы уже через час покинули пляж и отправились в турне по магазинам — покупать сувениры. Рио оказался очень зелёным городом, но вот цветы в нём

почему-то напрочь отсутствуют. Их не видно ни на улицах, ни на площадях. Лишь во дворах изредка полыхнут бугенвиллии.

Неожиданностью для нас было и то, что местное население не носит головных уборов. Если увидел кого в шляпе или феске, то на 99% — это турист. В Рио, кроме бомжей, есть ещё одна любопытная порода людей — чиновники. Жара под сорок, они же важно вышагивают с портфелями в наглухо застёгнутых чёрных костюмах. Люди в футляре! Они даже не потеют! Может, это переодетые инопланетяне?

Вскоре обнаружилась ещё одна странность для города, нашпигованного туристами со всего мира, — отсутствие в продаже каких-либо сувениров. Проходя до позднего вечера (магазины из-за жары с 13 до 17 часов закрыты), мы уже отчаялись что-либо найти, когда вышли на бесконечный «Арбат» с разбегающимися во все стороны пешеходными, захламлёнными бытовым мусором улицами. Первые этажи там — сплошь магазинчики.

Обрадовались: уж тут-то сувениры должны быть! Заходим в один, второй, третий и понимаем, что все они схожи, как однойцовые близнецы, и ни в одном нет даже намёка на сувенирную поделку. Мы в отчаянии! Тем не менее продолжаем поиски. И вот в одной неприметной лавчонке наряду со всякого рода мелочёвкой обнаруживаем подобие памятных значков и брелоков. Правда, низкого качества, но выбора нет — сметаем всё подчистую.

С утра продолжаем знакомство с городом. Увидев высоченную четырёхгранную, ячеистую, усечённую пирамиду тёмно-коричневого цвета, напоминающую пирамиду майя, зашли внутрь. По деревянному распятию Христа, кресту из стекла на потолке и цветным витражам, крестообразно рассекающим грани пирамиды сверху донизу, а также несчётным рядам скамеек сообразили, что это костёл. Точно, на одной из табличек прочли: «Кафедральный собор Метрополитана». Архитектурное решение простенькое, я бы сказал, примитивное, но огромное пространство над головой вызывало возвышенные чувства.

Нелишне ещё отметить, что пробок в городе нет. И это ещё притом, что на многих улицах есть выделенная дорожка для велосипедистов.

Разумеется, нельзя было не посетить главную достопримечательность Рио-де-Жанейро — статую Христа-Искупителя, широко распростёршего руки над городом. Поскольку Эмиль уже поднялся к ней, отправился туда один. Тут хочется сказать несколько слов об отзывчивости и предупредительности бразильцев. Пример? Пожалуйста!

В автобусе говорю водителю: «Мне к Христу-Искупителю». И все пассажиры каким-то образом уже знают о том, что едет русский, и дружно следят, чтобы я не прозевал нужной остановки. Один из них сошёл вместе со мной и не успокоился, пока не подвёл меня к микроавтобусу, доставляющему туристов поближе к вершине горы, на которой воздвигнута статуя.

А однажды после того, как мне объяснили дорогу, я, пройдя метров сто, стал подниматься не по той лестнице, меня догнали и поправили (выходит, этот человек, беспокоясь, правильно ли я понял его, всё это время наблюдал за мной). Так же внимательны аргентинцы и чилийцы. Вообще, простые люди в Южной Америке в своём большинстве очень милы и добросердечны. Расшибутся в лепёшку, но постараются помочь. Нет в них озлобленности, агрессии. За всё время моего пребывания в стране я ни разу не слышал, чтобы кто-то ругался, ссорился. Все как-то с шуткой, улыбкой.

При этом горожане свои язвы хорошо знают: идёшь по улице с фотоаппаратом на груди, и каждый третий будет советовать спрятать его подальше. Криминальная обстановка в Бразилии, как и во всей Латинской Америке, действительно, сложная.

Кстати, вспомнил: когда мы в Буэнос-Айресе переходили с одного автовокзала на другой, меня обогнали два паренька и стали тыкать пальцем в плечо. Поворачиваю голову и вижу, что рубашка покрыта зеленоватой, похожей на птичьи экскременты, жидкостью. Я махнул рукой, мол, пустяки! Но ребята не отстают: показывают на испачканные брюки и протягивают бумажные платочки. Тут из памяти услужливо всплыл аналогичный случай, произошедший в Кито — столице Эквадора — в 2011 году. Тогда на нас с балкона многоэтажки вылили ведро дерьма. Тут же подбежали сердобольные прохожие с тряпками и помогли вытереться. В итоге с руля велосипеда пропал фотоаппарат с теле-

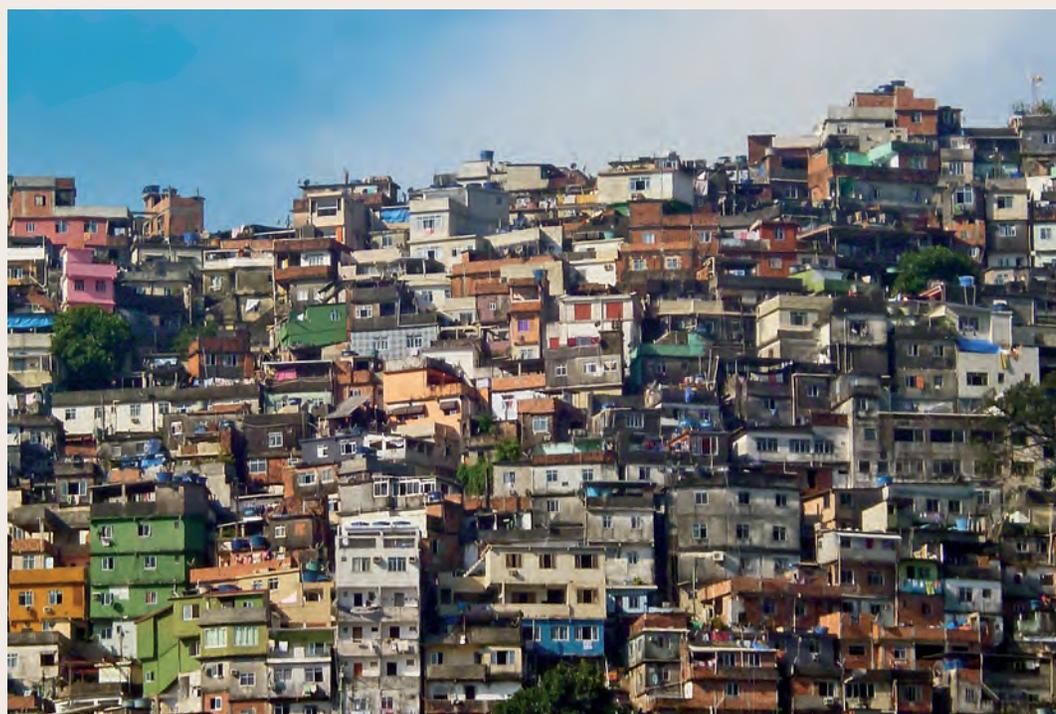
объективом. Поэтому сейчас я не стал утруждать себя поиском приличных выражений и послал этих «помощников» на чисто русском подальше.

Вообще-то, преступность на окраинах Рио в так называемых фавелах, являющихся государством в государстве, ещё совсем недавно была нормой, и городская администрация ничего не могла с этим поделать. Там действовали свои законы. Процветала торговля оружием и наркотиками, а криминальные группировки выясняли отношения с автоматами в руках. Их многомиллионные обороты позволяли подкупать любую полицию. Но в начале XXI века разгул преступности в фавелах достиг такого уровня, что власть вынуждена была объявить криминалу настоящую войну с привлечением не только полиции, но и армейских подразделений. Хорошо вооружённые бандиты, повязанные железной дисциплиной (за проявленную слабость — публичная казнь), отчаянно сопротивлялись. Сбивали армейские вертолёты, взрывали полицейские машины, расстреливали из засад патрули. Чтобы запугать, подчинить население, поджигали автобусы, а тех, кто выпрыгивал из окон, расстреливали из автоматов.

Накал сражений был столь велик, что президенту пришлось вводить в эти фавелы танки и задействовать авиацию. Только после этого правительственным войскам удалось сломить сопротивление и дать возможность городским властям приступить к налаживанию в трущобах нормальной жизни.

Теперь предприимчивые бразильцы возят туда на экскурсии туристов. Мы тоже решили посетить самую большую фавелу — «Росинья», насчитывающую 50 тысяч жителей. Она занимает большой холм на окраине города.

Фавелы

Домики, разделённые узенькими улочками-лестницами, сползая с макушки, бессистемно разбегаются по широкому подножью.

Гид пояснил принцип появления таких трущоб: приезжающие из деревень в Рио в поисках лучшей доли бедняки селятся на свободной окраине. Построив подобие домика, владелец продаёт свою крышу другому бедняку, который возводит на ней собственную лачугу и свою крышу тоже продаёт. Так вырастают многоэтажные башни. Разумеется, в них нет канализации, не соблюдены противопожарные и санитарные нормы. Мы это почуяли издали. (Как ни странно, именно в такой грязи и нищете родилась когда-то зажигательная самба.)

Налогов жители фавел не платят. На нелегальные подключения к электричеству власть до сих пор смотрит сквозь пальцы. Заигрывая с этими неуправляемыми территориями, она дошла до того, что если глава семьи угодил за решётку, то семья получает неплохое пособие. Многие «кормильцы» так и делают: украл, сел в тюрьму и — порядок: сам накормлен и домочадцы обеспечены.

Вот такой он Рио! Поистине, город контрастов! Но вернёмся к Христу-Искупителю. Это циклопическое творение из светло-серого камня высотой 38 метров (наша Родина-мать на Мамаевом кургане выше его на 47 метров!) возвели на крохотном пятчке самой высокой горы в Рио — горе Корковадо (710 м) в честь 100-летия независимости в 1922 году. К статуе ведёт крутая извилистая лестница в 220 ступеней. В толще пьедестала — часовня.

От монумента веет торжественностью и чистотой. Глядя на него, трудно поверить, что это — творение человеческих рук.

Со смотровой площадки открывается потрясающая воображение панорама. Я не особый ценитель городских пейзажей, но красота Рио-де-Жанейро, изрезанного причудливыми извилами океанских бухт и живописными, похожими на изумрудные башни, сопками, даже у меня вызвала восторг. (На Дальнем Востоке у нас есть его российский аналог — красавец город Владивосток.)

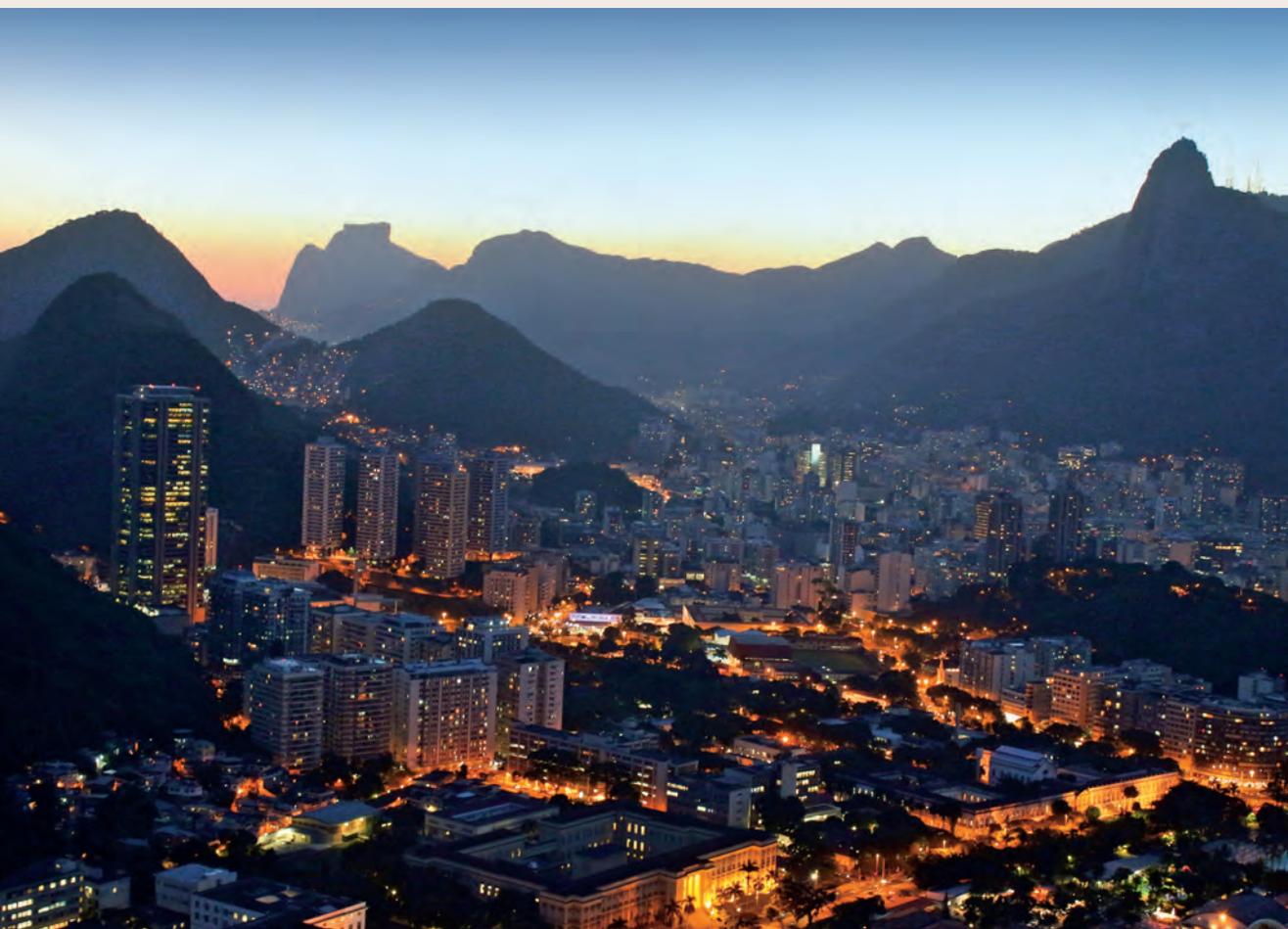
Любуясь восхитительной панорамой, гармонично сочетающей в себе белокаменные высотки, богато украшенные дворцы, бирюзовые бухты, обрамлённые золотистым овалом песчаных пляжей, зелёные склоны крутых сопок, клыкастые скалы, невольно подумал: «Какой хороший вкус и воображение имел человек, выбравший для города именно это место!»

После этого поднялся по канатной дороге на торчащую посреди залива макушку знаменитой Сахарной Головы. Из окна кабины с ужасом взирал на отчаянных скалолазов, карабкавшихся на одних пальцах без страховки по отвесной скале.

По пути в отель успел осмотреть ещё одну достопримечательность — старинный акведук Аркос-ди-Лапа, служивший прежде горожанам высотным каналом для подачи воды в центр города.

Ну вот, кажется, всё запланированное осмотрено и сфотографировано. Теперь можно и домой.

Так что... до будущей горы!

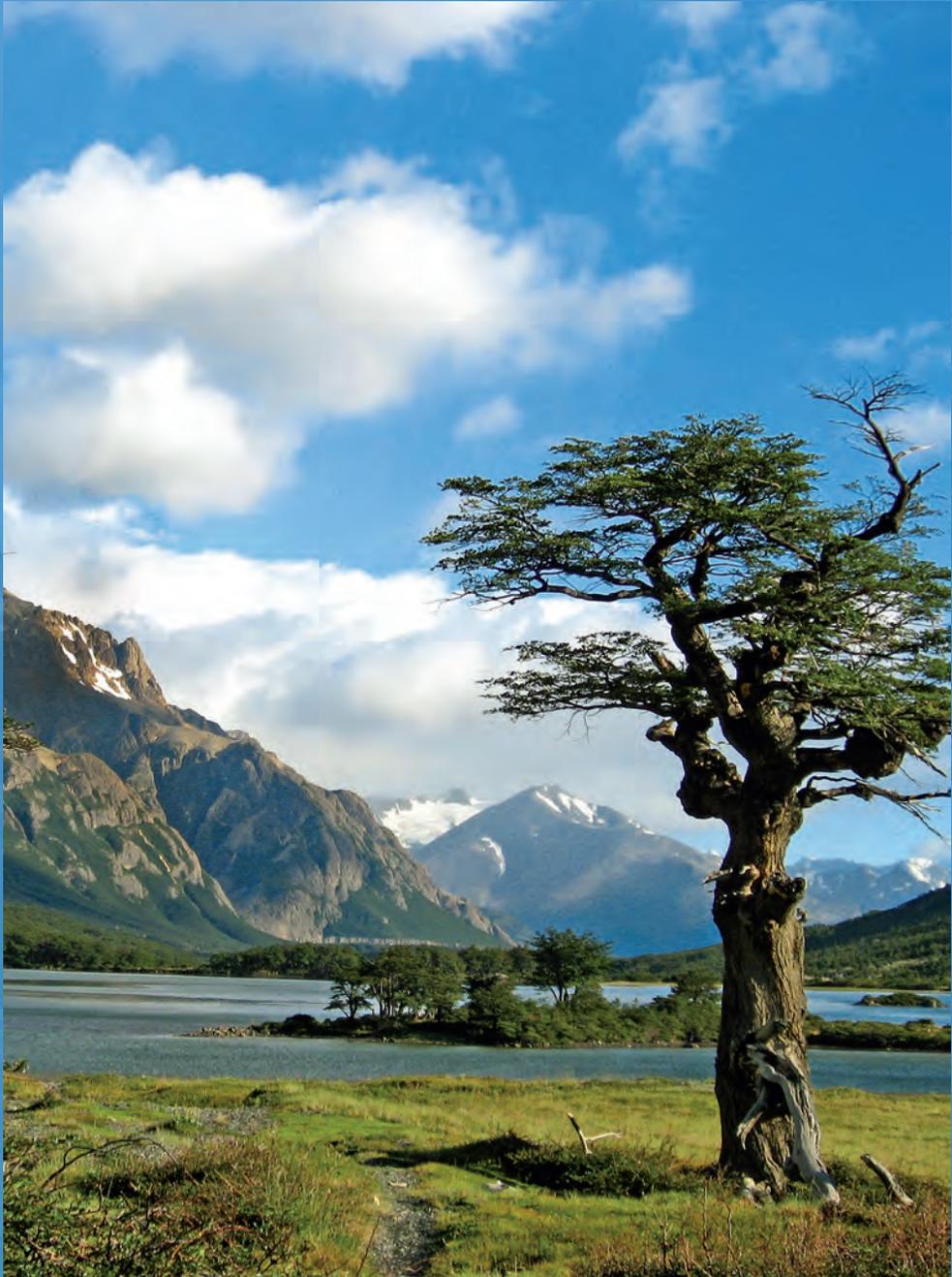
АРГЕНТИНА

— 2008 год —

площадь 2 780 400 кв. км

население — 43,85 млн человек (2016 г.)

столица — Буэнос-Айрес

К СТОЛИЦЕ АРГЕНТИНЫ — БУЭНОС-АЙРЕСУ (в переводе с испанского «Чистый Воздух») подлетали поздним вечером. Мириады суетливо мигающих «светлячков» делали город похожим на огромного осьминога, раскинувшего узкие щупальца улиц во все стороны.

В аэропорту порадовала чёткая организация паспортного контроля. Нашим рейсом прибыло почти четыреста человек, и я приготовился к часовому стоянию в очереди. Отнюдь, через десять минут мы уже пили в баре кофе (любимого мной чая в Аргентине не найти). То, что я увидел, въезжая в город, меня озадачило, поскольку никак не вязалось с моим представлением о Южной Америке: передо мной был абсолютно европейский мегаполис. Никакого местного колорита. Такие же рестораны, отели, здания, люди европейской внешности. В общем, Буэнос-Айрес меня разочаровал.

Посему прошу извинить, но из достопримечательностей Буэнос-Айреса упомяну лишь Президентский дворец на Пласа де Майо, мемориальное кладбище Реколета, соседствующее с фешенебельными кварталами исторического центра, и проспект 9 июля, который аргентинцы считают самой широкой улицей мира.

Кладбище действительно поражает воображение: помпезные гробницы и склепы из мрамора больше похожи на дворцы. Необузданная роскошь и богатство отделки удивляют своей бессмысленностью — зачем всё это умершему?! К чему такие траты?! Они же не даруют бессмертие! Не разумнее ли пустить эти средства на то, чтобы построить, к примеру, приют для престарелых или, на худой конец, оставить деньги наследникам? Эх! И после смерти гонка тщеславий и амбиций продолжается!

На улицах столицы такое половодье такси, что достаточно остановиться и вопросительно глянуть на проезжающие авто, чтобы возле тебя тут же тормознула пара машин. Садиться спереди здесь не принято — только сзади! Чтобы пассажиру было удобнее, переднее сиденье, вообще, придвинуто к панели.

Интересно было наблюдать, до чего трогательно не только женщины, но и мужчины приветствуют друг друга при встрече: нежно обнимаются, по нескольку раз по-настоящему целуются.

Перед вылетом из аэропорта местных авиалиний к малоизвестному россиянам, но, по отзывам, самому крупному и красивому в мире водопаду Игуасу пошли искупаться в Атлантическом океане. Мутно-коричневый цвет воды нас шокировал. Больше всех меня. Ещё бы! Специально вёз из Уфы маску со встроенными минусовыми линзами, чтобы полюбоваться подводным миром Атлантики, и на тебе — видимость в воде практически нулевая! Судов в заливе мало. Яхт вообще нет. Странно!

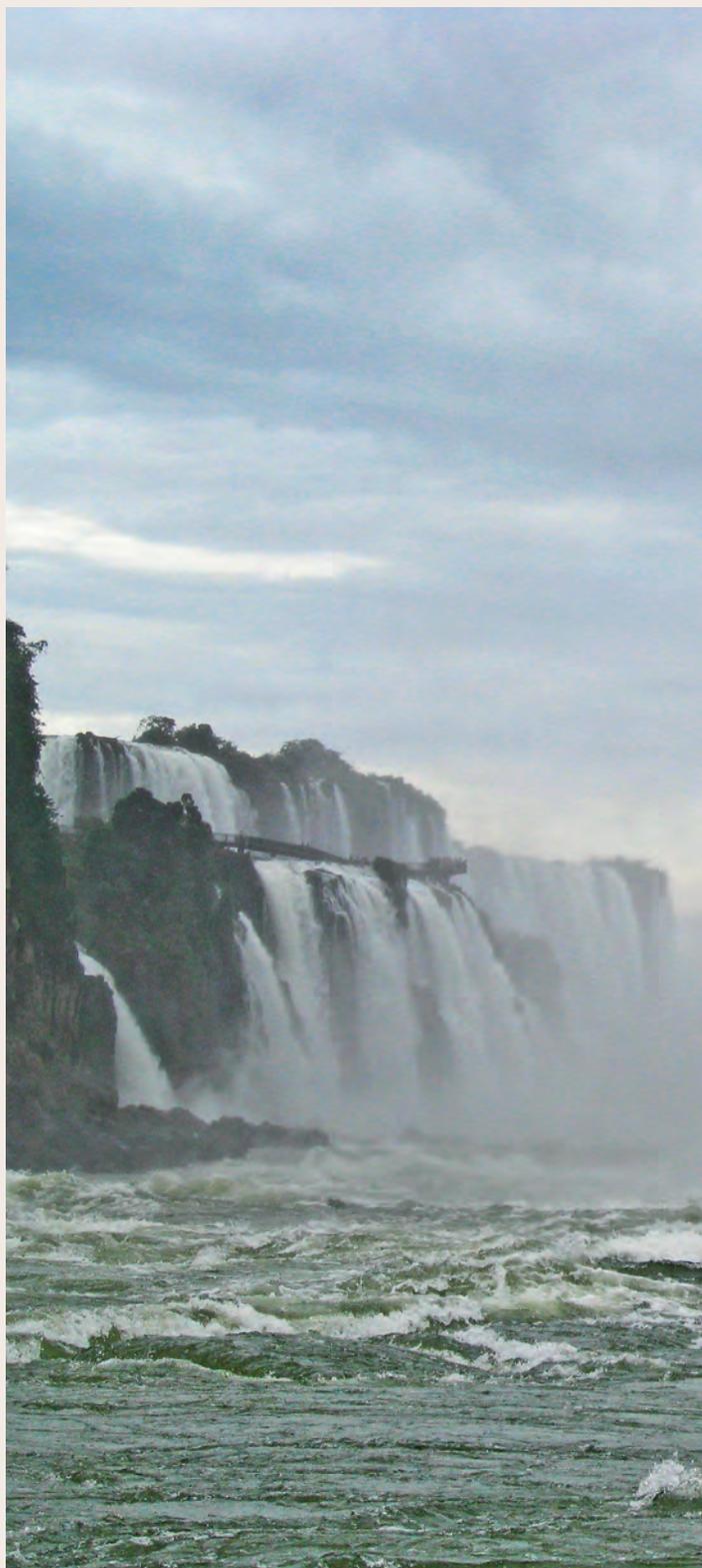
Женщины в городе страшненькие (прошу прощения, но, как честный путешественник, иного определения не могу подобрать). Николай Рундквист, четырёхкратный чемпион России по спортивному туризму, руководитель нашей экспедиции, верно подметил: то, что мужчины на юге красивые, а женщины так себе, а на севере наоборот — это классика! Вывод напрашивается парадоксальный: тяжёлые природные условия, необходимость много работать делают женщин... краше.

ДО ИГУАСУ, находящемуся на границе с Бразилией, долетели за полтора часа. Оставив рюкзаки в приюте, сразу отправились по холмистой, покрытой тропическим лесом равнине туда, откуда нёсся мощный утробный рокот. Шли, переступая через деловито снующих по красноватой земле двухсантиметровых муравьёв-отшельников и отбиваясь от настырных попрошайек — енотообразных коати. Наконец пышные заросли расступились, и мы застыли от изумления: в два примыкающих друг к другу каньона, образовавшихся в результате тектонического разлома, низвергалось 275 (!!!) водопадов, разделённых базальтовыми лбами и грядами. Над каждым клубились столбы водяной пыли, ниспадающей искристым шлейфом, перетянутым сочной радугой.

Глядя на эту завораживающую красоту, понимаешь, что водопад Игуасу попал в число семи чудес природы не случайно. Энергетика падающей с высоты восьмидесяти метров громадной массы воды в буквальном смысле заряжала нас.

Если вы зададите кому-либо вопрос о том, какой водопад на нашей планете самый крупный, абсолютное большинство ответит: «Ниагара в США!» (хотя он по преимуществу канадский — США принадлежит лишь 14% слива). Кто-то вспомнит африканский водопад Виктория (местные его называют куда образнее — Гремящий дым). И только единицы уточнят, что имеется в виду: ширина, высота или масса низвергающейся воды?

ЛЕТИМ ВДОЛЬ АТЛАНТИЧЕСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ на юг Аргентины в Патагонию, к ледникам Эль-Калафате. С самолёта хорошо видно, что вода вдоль побережья на протяжении нескольких сот километров по-прежнему жёлто-коричневая. По мере смещения на юг она становится чище, постепенно приобретая привычный ультрамариновый цвет. Через полторы тысячи километров сворачиваем на запад — к заснеженным Андам, за которыми тянется саблевидной полосой соседка Аргентины — Чили.

Пересекаем малозаселённую, бледно-бежевую, каменистую, с пятнами полузасохших озёр, степную пампу — Южную Патагонию. Различаем на ней одиночные кошары, пылинки то ли овец, то ли коров (никакая иная хозяйственная деятельность, кроме животноводства, на этих бедных, безводных землях невозможна).

Интересно происхождение названия этого огромного края. Участники экспедиции Магеллана были до такой степени поражены размером ступней ног местных индейцев, что стали называть их Patagano — Большая Лапа.

Самолёт приземлился у подножья заснеженного хребта. Рассекающие его ущелья доверху заполнены льдом. Здешние глетчеры занимают третье место в мире по количеству замороженной пресной воды (уступают только Антарктиде и Гренландии). Неудивительно — отсюда до шестого континента рукой подать!

Остановились в небольшом, симпатичном городке Эль-Калафате в простеньком однозвёздочном отеле. Дома здесь небольшие — одно- и двухэтажные, но ухоженные и красивые по архитектуре. Улочки зелёные. Засажены в основном пирамидальными тополями, соснами и... белоствольными берёзками. Есть даже дубы с миниатюрными, размером с рублёвую монетку, листочками.

До шестидесятых годов прошлого столетия большинство горожан жило в вагончиках и домиках на колёсах. Капитальных домов было крайне мало. Но после того как правительство начало вкладывать огромные средства в развитие туристической индустрии и поток туристов из года в год стал нарастать, у людей появились средства для строительства полноценного жилья.

Среди автомобилей часто видим наши «Нивы». Аргентинцев привлекает их непревзойдённая проходимость. Ещё бросилось в глаза обилие битых машин — так и ездят годами: кто с помятой, уже поржавевшей «мордой», кто с продавленным боком или развороченным задом. Дорог немного, но состояние основных автомагистралей безукоризненное: гладкий, без единой ямки асфальт, по бокам современные АЗС.

На улицах много собак. Все крупные, добродушные. Добродушные до такой степени, что даже для проформы не лают, не говоря уж о том, чтобы зарычать или оскалиться. Люди тоже приветливые, несуетливые. Продавцы в магазинах внимательны, но ненавязчивы. На каждом углу продаются местные сувениры. Особенно широкий выбор пончо, кожаных шляп, ремней с богатой отделкой металлом, но сами горожане национальные костюмы не носят, хотя то же пончо очень удобно и практично. Я купил

одно и так и проходил в нём до возвращения домой. Про Аргентину можно сказать, что это наиболее европеизированная страна в Южной Америке.

В городе сушь и тридцатиградусная жара, а над Андами клубятся мощные облака, валит снег. Горы всю влагу, приносимую с Тихого океана, «забирают» себе. Природа устроила здесь впечатляющую по контрасту картину: раскалённая, выжженная пустыня соседствует с мощнейшими ледниками!

Воздух над Патагонией прозрачней слезы младенца: в этих краях обычной для Северного полушария серой дымки не бывает. Небесный свод что в зените, что вдоль горизонта — одного, сине-голубого, цвета. Вероятно, это связано с отсутствием в Южном полушарии промышленных предприятий*.

Утром, взяв в аренду внедорожник, поехали в горы.

Дорога изрядно пощекотала нервы: крутые, ухабистые подъёмы, траверсы с жутким боковым наклоном, резкие, почти отвесные спуски. Повсюду валялись отполированные древними ледниками каменные глыбы. Сухая земля покрыта короткой, рыжеватого цвета, травой, растущей чахлыми пучками. В голове невольно вертится вопрос: как же тут домашние животные выживают? И не просто выживают, а ещё дают превосходнейшее по качеству мясо.

У груды потрескавшихся камней заметили выводок лисят. Остановились сфотографировать.

* Территория Южноамериканского континента между 46 и 51 градусами южной широты признана ЮНЕСКО самым экологически чистым районом на Земле.

Не бояться — подпускают метра на два. Если подходишь ближе, сразу прячутся в расщелины.

В предгорьях наткнулись на ранчо местного гаучо*. Оно огорожено столбиками, сквозь которые протянуто несколько рядов гладкой проволоки. Въезд на территорию через единственные ворота.

На склонах холмов пасутся табуны лошадей. Возле дома хозяина остовы старых повозок с громадными, до двух метров в диаметре, колёсами: в былые времена дороги отсутствовали, и чем больше размер колеса, тем легче было преодолевать здешнее бездорожье.

Гаучо Доминго — крупный бородатый парень в широкополой шляпе из толстой кожи и с платком на шее — встретил нас у ворот. С гордостью показав свой табун лошадей и стадо коров, повёл к кашаре, расположенной у подножья полуразрушенных скал, из под которых бил родничок. Здесь под навесом стоял деревянный стол и скамейки. Тут мы в полной мере оценили вкус запечённой на углях патагонской говядины. На вид вроде обыкновенный пласт мяса, а во рту тает что-то божественное — кажется, ел бы и ел с утра до вечера. Видимо, сказывается чистота окружающей среды, благоприятный климат и особый состав растущих здесь трав.

Запивали эту вкуснятину домашним красным вином. Оно тоже понравилось. Прежде я не понимал, как можно ощутить вкус солнца в вине, а тут пил и чувствовал, что пью напиток, насыщенный

*Гаучо (исп.) — пастух.

теплом солнечных лучей. Так, странствуя по свету, начинаешь ощущать неведомые прежде вкусы!

Оказалось, что помимо выращивания лошадей и коров, Доминго занимается по заказу правительства ещё и отловом гуанако для расселения там, где их в прежние годы выбили браконьеры. Для этого он использует экзотическое метательное устройство — болас. Оно представляет собой прочный и узкий, сплетённый из тонких полосок сыромятной кожи, ремень, на двух концах которого закреплены, обшитые кожей, два шарообразных камня. К середине этого ремня прикреплена плетёнка покороче с таким же каменным шаром. Во время охоты болас раскручивают и метают вслед убегающей добыче. В полёте ремень разворачивается во вращающуюся, туго натянутую струну и, обматывая ноги добычи, стреноживает животное. Таким же способом обездвигивают и страусов нанду при отлове их для зоопарков и зооферм. Некоторые гаучо используют болас и для поимки лошадей.

Доминго похвалился нам, что на самом высоком холме его участка уже много десятилетий наблюдается необъяснимое явление — громадные, размером с дом, «ползающие камни». Спустившись за несколько лет в ложбину, они за такой же срок заползают обратно на самую макушку. Мы с улыбкой переглянулись, но не стали оспаривать его легенду.

Возвращаясь в Эль-Калафате обратили внимание на необычную группу камней светло-серого цвета, на которых были разбросаны... коричневые шляпы. Остановились. Подошли поближе, пощупали — действительно, шляпы из коричневого мелкозернистого камня. Ощущение, будто это грибы, растущие на серых глыбах. Некоторые из них ещё совсем крохотные, а иные уже выросли до размеров обычной широкополой шляпы. И «шляпы» этих здесь уже десятка три, а «зародышей» в разной степени вызревания — того больше. Вот очередная загадка природы Южной Америки!

Вскоре сбоку от дороги увидели стайку гуанако. Немного отбежав, они принялись щипать пожухлую траву, то и дело с любопытством поглядывая на нас. Ножки точёные, как у скаковых лошадей, длинная шея напоминает

жирафью. Большие, широко раскрытые глаза придают их милым мордочкам удивлённое, почти детское выражение.

Спустившись к ледниковому озеру Лаго-Архентино, проехали по совету Доминго к ранчо, на котором разводят овец. Пастухи их хозяевам помогают неказистые собачки: они не дают подопечным далеко разбредаться и по команде гонят отару туда, куда прикажет гаучо. Самого крупного барана пёсики вдруг отсеки и загнали под навес, где его поджидал стригаль в белой рубашке с цветистым платком на шее. Он показал нам, как в этих местах стригут овец.

У нас в Башкирии, да, наверное, и по всей России как это происходит? Берут барана, связывают задние и передние ноги. Потом валят его на землю. Один человек держит бьющееся в ужасе животное, а второй стрижёт ножницами. Бедный баран вырывается, истошно блеет. В итоге к концу этой экзекуции все трясутся от нервного и физического напряжения.

На просторах же Патагонии эта процедура протекает мирно и спокойно. Пастух берёт барана за передние ноги и подтягивает его к себе так, чтобы спина животного оказалась прижатой к нему. После этого делает резкий рывок вверх — р-раз! От такой встряски баран почему-то сразу отключается — засыпает. Пока он «спит», мастер быстро состригает всю шерсть электрическими «ножницами». Через несколько минут баран начинает шевелиться, вертеть головой. В конце концов вскакивает и голенький бежит к своим овечкам. Фантастика!

Почему бы нашим крестьянам не перенять столь простой и эффективный способ? Вес состриженной шерсти удивил — шесть килограммов! Причём волоски столь плотно прилегают друг к другу, что пласт шерсти выглядит так, словно перед нами снятая целиком шкура.

Пока наблюдали за работой стригали, появились и стали плавно кружить над нами три кондора. Растопыренные веером и слегка загнутые вверх маховые перья придавали им сходство с чёрным блестящим планером. Отара сразу заволновалась, сбилась в плотную кучу. Эх, до чего глупые создания! До сих пор не возьмут в толк, что кондоры для них не опасны — они ж питаются только падалью.

Сегодня едем в царство белого безмолвия — к мощным ледникам Эль-Калафате. По дороге обогнали летящую над озером стаю розовых фламинго. Их было так много, что в какой-то момент возникла иллюзия, будто мимо нас проплывает подсвеченное восходящим солнцем облако.

На заросших жёсткой травой и колючими кустами холмах спокойно разгуливают викуньи. В связи с полным запретом охоты, они совершенно утратили страх перед людьми.

Когда идущая по берегу бирюзового озера дорога упёрлась в залив, мы пересели на катер и поплыли среди плавающих айсбергов к одному из самых крупных на планете глетчеров — леднику Перито-Морено (его толщина местами достигает 700 метров).

Он «стекает» с Анд широкими лентами по трём соединяющимся у озера ущельям со скоростью два метра в сутки. Край ледника обрывается в воду отвесной шестидесятиметровой стеной. От неё время от времени с грохотом отваливаются многотонные глыбы. Некоторые такие крупные, что снопы брызг взлетают на десятки метров, а от места падения долго расходятся кругами высокие волны.

Верхний слой ледника тает неравномерно: с южной стороны интенсивно, а с северной — медленно. Поэтому его поверхность заставлена многометровыми остроконечными конусами-иглами, которые аргентинцы называют «кающимися монахами». Они наклонены в сторону полуденного светила, и это действительно придаёт им сходство с коленопреклонённой армией монахов в белых капюшонах.

Один из ледяных языков глетчера, «пропахав» озеро в самом узком месте, по-бычьему упёрся в скалы. От них то и дело доносилось потрескивание раскалывающихся ледяных монолитов. Треск вдруг резко усилился, и «язык» под напором чудовищной массы у нас на глазах стал дыбиться горбом. Ледовый таран покрылся трещинами и начал с грохотом рассыпаться на угловатые осколки. Как ни странно, все они были разного цвета. Одни совершенно белые, искристые; другие — голубые, как бы светящиеся изнутри; третьи — зеленоватые; четвёртые — прозрачные, как горный хрусталь; пятые — словно спрессованные из крупных, молочного цвета

гранул. Со страшным шумом и плеском это всё рушится в воду, а через минут пять над озером опять воцарилась тишина.

Высидившись на боковой «отрог» Перито-Морено, обули кошки, взяли ледорубы и до вечера азартно лазили, перепрыгивая через трещины, по ледяным гребням и отвесным скатам. Спускались в «каньоны» с отполированными до зеркального блеска стенками. Текущая по их дну вода была такой чистоты, какой может быть вода, полученная из льда, которому 100 000 лет. Плавные извивы «берегов» украшали ледяные гроты нежно-бирюзового цвета. Всё это выглядит красиво, но присыпанные снегом трещины во льду не прощают легкомысленного пренебрежения техникой безопасности. Как рассказал наш проводник, за период с 1968 по 1988 годы здесь погибло 32 человека!

От глетчера веяло холодом, как от морозильной камеры, и к вечеру мы основательно продрогли. Зато Эль-Калафате встретил нас через два часа таким теплом, что мы сняли не только куртки, но и рубашки.

Проехав на следующий день двести километров вдоль хребта с юга на север, оказались в самом колоритном уголке Анд — горном массиве Фиц-Рой, представляющем собой безумное столпотворение иглоподобных пиков высотой три тысячи и более метров. Картина до того впечатляющая, что от восторга и восхищения перехватывало дыхание! Дождей здесь, похоже, выпадает с избытком: почва переувлажнена, нижний пояс гор

покрыт лесом, состоящим из мощных обомшелых деревьев. Базой для походов на Фиц-Рой выбрали городок Эль-Чальтен. В отличие от Эль-Калафате, куда приезжают люди среднего и старшего возраста, тут одна молодёжь, по преимуществу альпинисты.

В первый день для разминки поднялись по карабкающейся по лесистым склонам извилистой тропе к их лагерю, расположенному на берегу большого живописного озера. Когда тропа проходила мимо дикорастущих вишен, останавливались и подкреплялись кисло-сладкими плодами. В лагере готовилось к восхождению несколько групп: у палаток лежали мотки верёвок, ледорубы, альпенштоки; на ближних скалах молодёжь отрабатывала технику скалолазания, на поляне горел костёр.

Признаюсь, когда я вижу человека, взбирающегося по отвесной каменной стене, у меня от ужаса и восхищения сердце сжимается. Какую крепкую нервную систему и до автоматизма отработанную технику надо иметь, чтобы подниматься по вбиваемым тобою же крючьям, зная, что под ногами бездна и малейшая ошибка может превратить тебя в груды костей! Снимаю шляпу перед отвагой и профессионализмом этих ребят!

После ночёвки отправились по сужающейся долине к ледниковому озеру Торро. Крупнотравный, спелый лес чередовался с мелколесьем, изобилующим зайцами. Мы то и дело видели мелькавшие среди зелени их серые шубки. Шарики заячьего помёта покрывали землю столь густо, что местами по ним можно было кататься, как на роликовых коньках.

Верхняя часть долины в трёх местах перегороджена дугообразными, довольно высокими, в несколько десятков метров, моренными валами*. Кусты успели вырасти только на нижнем, более старом.

* Морена – дугообразное отложение из валунов, суглинков, образующееся сползающим вниз ледником. При отступании ледника на их месте остаются моренные валы, как правило дугообразной формы.

А верхний пока совершенно голый. Он-то и стал причиной рождения довольно большого озера Торро. Если эта «плотина» не выдержит напора скопившейся от таяния ледников воды, то по долине прокатится всесокрушающий сель.

Глетчер же продолжает ронять в озеро мини айсберги. Особенно активное таяние льда начинается во второй половине дня. В эти часы стекающие с ледника ручьи превращаются в бурные мутные потоки, с грохотом волокущие камни и гальку.

Вечером над скалами прямо на наших глазах в течение двух-трёх секунд стали рождаться облака, а те, что были — так же быстро исчезать. Было ощущение, будто смотришь фильм, в котором кадры мелькают в ускоренном режиме.

Заночевали на приозёрной террасе. С восходом солнца отправились через пологий, заросший высокоствольным лесом, отрог к господствующему над всеми вершинами красавцу Фиц-Рою. Этот каменный перст, окружённый толпой игольчатых пиков ниже, напоминал одновременно и средневековую крепость с островерхой башней в центре, и оскаленную пасть разъярённого ягуара.

О восхождении на этот «клык» мы и не помышляли (он настолько крутой, что даже снег не держится), но на более низкие соседние мы под-

нялись. Между ними в глубоком, похожем на колодец, цирке обнаружили бирюзовое озеро. В него с заснеженных склонов с шумом стекали десятки белопенных струй, сливающихся внизу в жемчужные борозды. С почти отвесных стен то и дело срывались в озеро обломки скал, куски льда. Грохот от их падения многократным эхом метался в каменном колодце, словно испуганная птица в клетке.

Отсюда было видно, как пилообразные зубцы Анд пропарывают наползающие со стороны Чили тяжёлые тучи, принуждая их сбрасывать огромные массы снега. Под лучами солнца он тает и бурными потоками скатывается на равнину Южной Патагонии, где, разливаясь по впадинам и ложбинам, образует цепь озёр.

На одной вершине пересеклись с группой альпинистов из Японии. У них к каждому рюкзаку приторочен сетчатый мешочек с мусором. Они вытряхнут его в крытые контейнеры, установленные возле троп, когда спустятся в долину. Мы же свой мусор закапываем в землю. Наш способ утилизации всё же менее экологичный.

Могу привести ещё более удивительный пример уважительного отношения к природе. Догоняем группу австрийцев. Один из парней, докурив и погасив окурок, убрал его... в карман! Вот это культура! Не встретишь здесь и глупых надписей: «Здесь был Паша».

ПЕРЕЛЕТЕВ через извилистый, местами довольно узкий **МАГЕЛЛАНОВ ПРОЛИВ**, похожий из-за сильного течения на полноводную реку, оказываемся над Огненной Землёй. Она покрыта невысокими беловерхими отрогами, разделёнными зелёными долинами и голубыми чашами озёр.

Самый южный город на планете Ушуайя (Ушуая) встретил нас, несмотря на разгар лета, как и полагается на крайнем севере, ой, простите на крайнем юге, снегом и лёгким морозцем. Сказывается студёное дыхание Антарктиды: она рядом — сразу за проливом Дрейка.

К полудню потеплело, и снег плавно перешёл в дождь. Перепады температур в Аргентине из-за вытянутости страны, как и в России, довольно большие. Когда на севере плюс 35, на юге может быть минус 10!

Ушуайя оказался весьма приличным и по архитектуре, и по численности (68 тысяч человек) поселением. До открытия Панамского канала он, благодаря активному судоходству, процветал, а затем несколько десятилетий хирел. К 1947 году в городке проживало всего 3000 человек. Его возрождение связано с активизацией научных исследований Антарктиды и развитием антарктического туризма. Бурному росту в немалой степени способствовало и то, что в 1972 году город объявили свободной экономической зоной.

Он мало похож на южноамериканские города. Скорее, это городок из северной Норвегии: такие же фьорды и разноцветные одно- и двухэтажные домики, окружённые пирамидальными горами, на которые взбегают крутые

улицы. Цепи заснеженных гор с зелёной полоской леса вдоль подножья напомнили мне северо-восточную Якутию. Скупая, суровая земля!

Гуляя по центру, изобилующему отелями, ресторанчиками и сувенирными магазинами, мы радовались тому, что живём в России, — наши женщины, по сравнению с местными, все без исключения красавицы! То, что россиянки красивы, я отмечал и раньше, но таких, прошу прощения, страшных дам, как здесь, ещё не встречал.

Поскольку желающих ехать в эту холодную, неприятную глушь в начале XX века было мало, правительство Аргентины, по примеру Англии, отправлявшей осуждённых на каторжные работы в Австралию, использовало архипелаг для ссылки преступников. Здесь построили огромную тюрьму. Чтобы отапливать её и примыкающий к ней городок, заключённые круглый год вели лесозаготовки. Для вывоза древесины с делянок даже построили узкоколейку. С Большой земли по морю доставили чёрные паровозики со сверкающими латунными ручками (два из них по сей день стоят во дворе тюрьмы) и грузовые платформы.

Сегодня этот казённый дом — популярнейший туристический объект. Называется он «Самая южная тюрьма в мире». (В Ушуйе всё самое южное: и парикмахерская, и банк, и ресторан, и школа и т. д.)

Зайдя в сие мрачное заведение, мы как-то сразу притихли и долго молча бродили по бесконечным коридорам, заглядывая в камеры. Теперь только мощные, непрístupные стены, ржавые решётки, вылитые из бронзы надзиратели, восковые муляжи арестантов, сидящие на нарах в полосатых робах, и их эпистолярные «творения» на стенах напоминали о временах, когда здесь отбывали срок отъявленные головорезы.

Я впервые оказался в тюрьме и всё время, пока ребята обедали в соседней таверне, присидел в «одиночке» — хотелось хоть немного побыть в шкуре заключённого. Ощущения, честно признаюсь, малоприятные. Холодно, сумрачно, в крохотное окно под самым потолком даже неба не видно.

Знакомство с природой Огненной Земли начали с восхождения на одну из вершин ближнего хребта. Для этого пришлось несколько километров

прошагать под мелким дождём по шпалам допотопной узкоколейки (ширина колеи всего 60 сантиметров), а затем взбираться по травянистому склону и камням на водораздельный гребень. По нему проходила хорошо набитая тропа, выведшая нас на господствующий пик. Вдоволь насладившись открывшимися далями: океан на юге и замысловатый набор отрогов и скалистых пиков на севере, долго спускаемся сквозь буреломный лес к реке.

Сопровождавший нас проводник рассказал, что в этих местах под землёй растут грибы того же семейства, что и европейские трюфели. Местные называют их индейским хлебом. Они похожи на тёмно-коричневые сморщенные яблоки. Мы же видели только ярко-оранжевые гроздья древесных грибов, живописно свисавших с толстых обомшелых веток.

Выйдя на берег полноводной реки, сели в поджидавшие нас каяки и сплавились, щечоча нервы на порогах, до бухты Лопатина (и тут русский след!). Посреди бухты проходила хорошо различимая граница между пресной речной и солёной морской водой.

У пролива Бигль наш маршрут завершился: плыть дальше было опасно: вода в проливе с напором перетекает из Атлантического океана в Тихий и течением легко может унести в открытый океан. Кстати, пролив Бигль — это единственный, не подверженный штормам проход, связывающий два океана, но из-за обилия мелей и крутых извивов он мало пригоден для судоходства. Следующий за ним широченный и глубокий пролив Дрейка являет

собой самое негостеприимное место на Земле. Поскольку между Огненной Землёй и Антарктидой для ветров нет никаких преград, вдоль этого пролива постоянно гуляют свирепые шторма, отправившие на дно не одну сотню кораблей. Не случайно моряки, обогнувшие мыс Горн, получают право носить золотую серьгу в мочке левого уха.

Утром следующего дня отправились в двухдневный пеший поход по центральной части архипелага. Наша цель — озеро Эсмеральдо у подножья ледника Охо де Альбино. Горы на Огненной Земле уже на высоте 200–250 метров лишены какой-либо растительности и даже летом покрыты снегом. Межгорные впадины густо усеяны озёрами. По ложбинам и распадкам текут многочисленные ручьи. Деревья здесь такие корявые и уродливые, а ветви так перекручены, что лес больше похож на декорацию к фильму ужасов. Это впечатление усиливают буреломы из поваленных ураганными ветрами стволов. Несмотря на высокую влажность, они так и лежат десятилетиями, а может, и веками, не перегнивая. Дело в том, что из-за круглогодично низкой температуры древесина на Огненной Земле разлагается крайне медленно.

Обширное, покрытое красноватым торфяником плато, за которым началось озеро Эсмеральдо, сильно заболочено из-за бобров, понастроивших дугообразные (до километра длиной) плотины везде, где только возможно. На залитых водой участках теперь торчат, моля о помощи, рукастые скелеты деревьев. Грустная картина!

Фернан Магеллан

алакалуфы

селькнамы

Завезённым в 1955 году из Канады пятидесяти бобрам здесь так понравилось, что их численность за эти годы выросла в десять тысяч раз (!!!) и достигла полумиллиона особей. Вред от этих необычайно трудолюбивых грызунов достиг таких размеров, что теперь стоит вопрос о сокращении популяции. Из иной живности в изобилии зайцы и лисы — их завезли из Патагонии. А из доморощенных — лишь грациозные гуанако.

До появления европейцев архипелаг населяли три индейских племени: морские кочевники яганы, алакалуфы и сухопутные — самые многочисленные в прошлом огнеземельцы — селькнамы. Последние жили только во внутренних районах. Прибрежные индейцы отличались малым ростом, слабо развитыми ногами: постоянно плавая вдоль островов архипелага, они почти не покидали свои каноэ. Занимались промыслом рыбы, тюленей, морских львов, собирали моллюсков и съедобные водоросли. В относительно тёплое время года ходили практически нагими, тела ярко раскрашивали, носили длинные волосы.

Их организм был великолепно приспособлен к выживанию в условиях пронизывающих ветров, дождей. Благодаря наличию жировой прослойки, они могли спать даже на камнях. С приходом морозов морские кочевники жгли костры у своих жилищ, а когда плавали — прямо в каноэ на площадке их глины.

Проходя по проливу октябрьскими ночами 1519 года, капитан Фернан Магеллан увидел такое множество костров, что дал острову весьма странное для одного из самых влажных на Земле мест название — «Огненная Земля».

Селькнамы, в отличие от прибрежных индейцев, были более рослыми и пропорционально сложенными. Питались они мясом гуанако, которых добывали луком со стрелами, имеющими каменные или костяные наконечники. Поскольку они вели кочевой образ жизни, жилища у них были временными и представляли собой шалаши из шестов, покрытых шку-

рами. В холодное время года носили меховые накидки и тёплые шапки конической формы. Их семьи, как писали первые колонисты, отличались сплочённостью и взаимовыручкой. Женщины — скромностью, а матери — привязанностью и нежностью к своим детям.

Языкам огнеземельцев присуще редкое смысловое богатство, содержащееся в одном слове. Так, самоназвание прибрежных яганов — «ямана» означало «жить, дышать, быть счастливым».

С появлением европейцев численность индейцев стала заметно сокращаться не только от занесённых переселенцами эпидемий оспы, но и в результате их сознательного истребления в начале XX века, когда на Огненной Земле нашли золото и на острова архипелага хлынули тысячи искателей лёгкой наживы.

Помимо этого численность сокращалась ещё и потому, что промышленные охоты селькнамы считали овец, завезённых и выращиваемых европейцами, своей законной добычей и охотились на «белых гуанако» голыми руками. Колонисты, чтобы защитить поголовье своих отар, стали отстреливать индейцев наравне с пумами, которые тоже переключились с гуанако на более лёгкую добычу — овец. В результате пумы поднялись в горы, а чистокровных аборигенов на сегодняшний день можно увидеть только на фотографиях в музее. Последний индеец племени селькнам умер в 1974 году, последний яган — в 1999.

РАСКАЗЫВАЯ ПРО АРГЕНТИНУ, нельзя не упомянуть про любимый напиток аргентинцев — матэ. Как минимум каждый второй носит с собой термос с горячей водой, мешочек с чаем матэ, калекбасу из высушенной тыковки-горлянки, в которой его заваривают, и металлическую, слегка изогнутую трубочку — бомбиле с мундштуком и ситечком на кон-

це. Через неё пьют, вернее, посасывают круто заваренный, горьковатый, с лёгким привкусом сладкого, тонизирующий настой.

Сам чай готовится из измельчённых листьев и стебельков кустарника парагвайского падуба. Аргентинцы уверяют, что он улучшает настроение, повышает иммунитет, умственную и физическую активность, одновременно ослабляя чувство тревоги. При этом воздействует мягко. Для людей с избыточным весом немаловажно то, что этот чай притупляет чувство голода.

В течение дня аргентинец по несколько раз засыпает в тыковку молотый матэ и заливает в неё из термоса тоненькой струйкой горячую воду с температурой около 80 градусов так, чтобы она как можно меньше смачивала верхний слой чая. К матэпитию приступают минуты через три.

Когда встречаются друзья, калекбасу с бомбиле пускают по кругу, как трубку мира у североамериканских индейцев. Считается, что поделиться матэ с собеседником — значит выразить к нему свою симпатию и доверие.

Гурманы со стажем советуют чай в калекбасу засыпать на две трети объёма (я попробовал, мне кажется, достаточно и четверти). Первый раз этот горько-сладкий напиток мало кому нравится, но со временем к нему развивается стойкая тяга.

Каждую порцию матэ, как и зелёного чая, можно заваривать несколько раз. Кстати, должен предупредить, будете в Аргентине, говорите — матэ. Делать ударение на втором слоге — матэ — в Южной Америке не только недопустимо, но и опасно, ибо может быть спутано со словом *мате*, означающим «я убил».

После ночёвки на берегу высокогорного озера Эсмеральдо, напоминающего чашу, из которой на равнину шумным ступенчатым потоком льётся бирюзовая вода, прошли по долине Терра Майер сначала к озеру Фагнано, потом, перевалив по узенькой тропке невысокую лесистую гряду, к вытянутому лентой озеру Бомбило, поразившему нас атласной гладью воды. По ней густо расходились круги от кормящихся рыб. Здесь мы с азартом порыбачили. Форели наловили столько, что, даже оставив на тройную уху, половину пришлось выпустить обратно. На следующий день вышли к дороге и на попутной машине вернулись в город.

Утром, несмотря на сильное волнение, отправились на катере к скалистым островам. На одном, самом крайнем, находится мыс Горн — край земли! Острова встретили нас оглушительным гвалтом. Тучи птиц сновали за рыбой к морю и обратно, без умолку галдя и шурша крыльями. Целый день бедные так курсируют, чтобы прокормить своих прожорливых, быстро растущих птенцов, сидящих в гнёздах среди камней. На террасах смешно топтались подле своих малышей десятки тысяч чёрно-белых бакланов, издали очень похожих на пингвинов. Над ними закладывали немислимые виражи острокрылые буревестники, альбатросы, мельтешили стремительные утки.

Огромное лежбище морских львов на столообразном острове с отвесными берегами встретило нас раскатистым рёвом (oooуррр... ооууррр)

и нестерпимой вонью. Могучие, как гранитные утёсы, хозяева гаремов полулежали, высоко подняв непропорционально маленькие головы, и бдительно обозревали подступы к своим «дамам». Если кто-то из самцов пытался приблизиться к ним, гневно мычали и смотрели с такой испепеляющей злобой, что самонадеянный наглец тут же отступал. Львицы же, распластавшись на угловатых глыбах в самых немыслимых позах, в большинстве спали. Издали они походили на эластичные, светло-коричневые мешки, точно повторяющие изгибы камней.

Мы с восхищением наблюдали за тем, с какой ловкостью карабкаются по почти отвесной стене к своему лежбищу вынырнувшие из воды самки. Выстраиваясь перед «лестницей» в очередь, они, быстро-быстро работая лапами, каким-то образом умудряются «взлетать» наверх, а оказавшись среди подруг, умиротворённо разлечься рядышком.

Следующий остров оккупировали, облачённые в длиннополые фраки, пингвины. Прибрежная полоса временами буквально вскипала от прыгающих в воду и выпрыгивающих из неё столбиками этих коротконогих птиц. Вода здесь прозрачная, и когда пингвин «пролетал», слегка помахивая крыльями, рядом с катером, казалось, что это летит остроко-нечная пуля.

По земле же эти милые и потешные крепыши ходят неуклюже, в развалку. Наблюдать за ними было забавно, поскольку их поведение очень напоминало наше. Те, кто уже утолил голод, собирались в кружок на «митинг». Деловито обмениваясь новостями, они одобрительно похлопывали друг друга крыльями-плавниками, целовались, галдели, улыбались. Пообщавшись, разбрелись по двое-трое и опять «митинговали» уже у «крылечка» перед своими земляными норами, в которых живут годами. Наконец раскланивались и исчезали в них для отдыха. Набравшись сил, выходили и вновь шлёпали на «рыбалку».

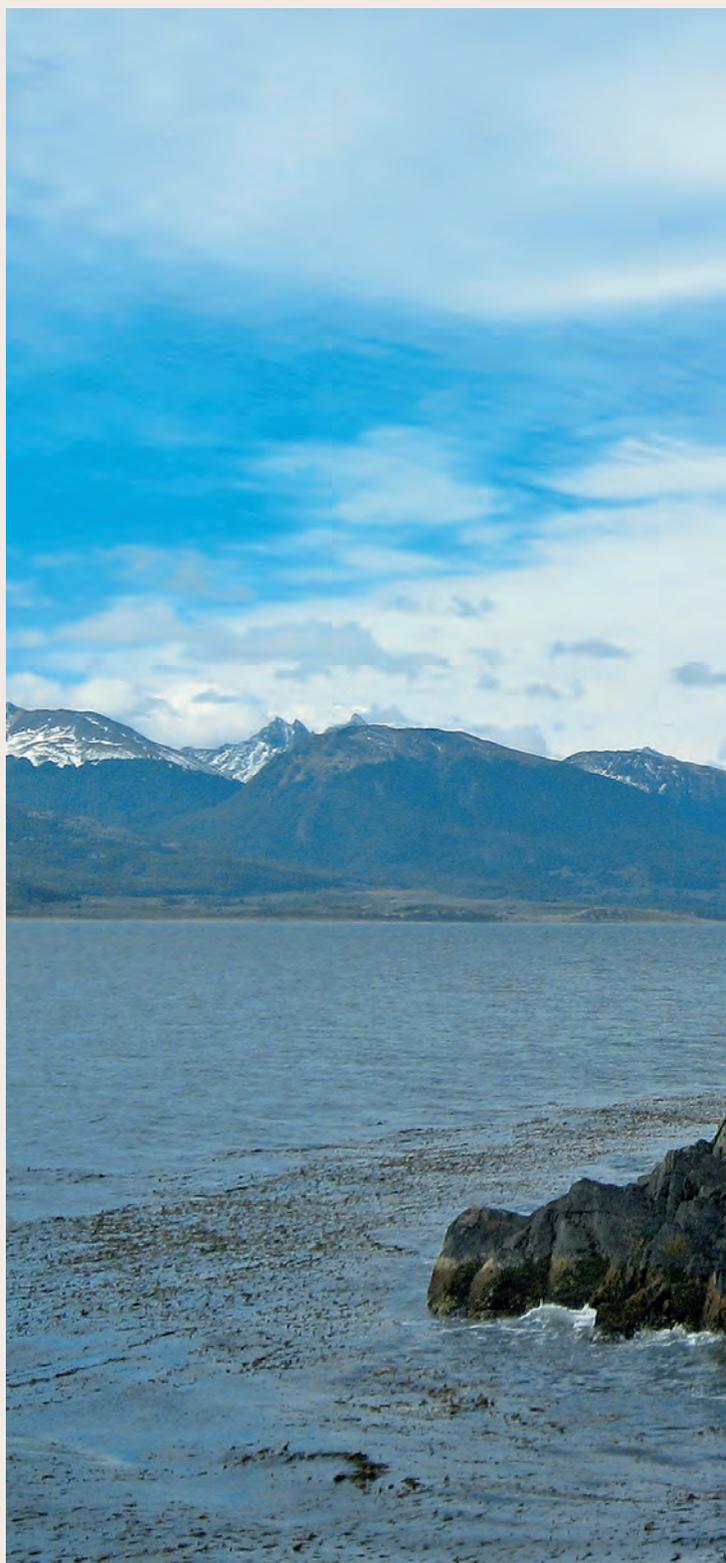
Детёныши размером уже с родителей, только облачены не в чёрно-белые костюмы, а в бежево-серые шубки. Кричат, тоже будь здоров, пронзительно, как вороны, разве что протяжней и помягче. Людей пингвины не боятся, напротив, если приближаешься, сердятся: запрокидывают голову, выпячивают грудь и, широко раскрыв клюв, издают несоответствующий их добродушной внешности злобный визг-свист.

Ветер тем временем усиливался. В нём всё явственней ощущалось холодное дыхание Антарктики. Доплыв до маяка, установленного на крохотном скалистом островке, повернули обратно. Отсюда оставалось несколько часов до изъеденного ветрами и пропитанного солью мыса Горн. Там, на высоком базальтовом пятачке, тоже стоит маяк, рядом небольшая, длиной не более пяти метров, деревянная часовня и прилепившийся к ней дом зрителя.

Мыс Горн — одно из знаковых, овеянное многими легендами, место на Земле: кроме того, что это самая южная точка шести континентов, здесь встречаются волны двух океанов и заканчивается обитаемая земля. Отсюда на север тянутся более двадцати тысяч километров горных цепей Анд и Кордильер, упирающихся на севере в мыс Принца Уэльского.

Все путешественники и моряки сходятся во мнении, что мыс Горн — самое дикое, самое непредсказуемое и беспокойное место на планете: здесь почти круглый год туманы, дожди, а ветер достигает скорости 70 метров в секунду. До 1914 года, когда Атлантический и Тихий океан соединил Панамский канал, маяк на мысе Горн играл важную роль для безопасности мореплавания. Сейчас пролив Дрейка утратил прежнее значение.

ПЕРЕД ВЫЛЕТОМ НА РОДИНУ мы решили после холодной Огненной Земли погреться на пляжах самого популярного аргентинского курорта Мар-дель-Плата. Но он нас разочаровал: оказывается, вовсе это не курорт в нашем понимании, а большой город с отелями и песчаным пляжем, вытянувшимся стометровой полосой на десятки километров. Второе, к сожалению, ещё более неприятное разочарование — вода здесь была такая же мутно-жёлтая, как в Буэнос-Айресе.

На пляже валялись десятки тысяч людей, но... никто не плавал. Стояли по колено или по пояс в воде и поджидали пенистый вал. Когда он накатывал, одни с визгом выбегали на песок, другие ныряли под волну. Её гребень у берега закручивался и, «заглотив» воздух, становился ослепительно белым. Пенные буруны торопливо окатывали песок и возвращались в океан.

Наблюдая за этим безостановочным, длящимся сотни миллионов лет процессом, невольно испытываешь сожаление оттого, что такая колоссальная мощь расходуется не на созидание, а на разрушение. Когда же учёные изобретут экономичный и простой преобразователь этой неистощимой энергии в электричество?!

Единственный плюс Мар-дель-Плата в том, что цены здесь в два-три раза ниже, чем в Эль-Калафате или Ушуае. Дело в том, что тут нет иностранных туристов. Да и чего ради им сюда ехать? В мире полно мест, где пляж не хуже, а вода прозрачна, как слеза.

На второй день со мной приключилось крупное ЧП, в результате которого я должен был надолго застрять в Аргентине. А произошло следующее. По-загорав и покупавшись, я отправился по магазинам, чтобы прикупить к уже лежащим в рюкзаке экзотическим экспонатам (костюм гаучо, пончо, металлический снаряд болас) подарки для близких и друзей. Зная, что в сувенирных лавках постоянно пасутся карманники, портмоне с кредитными карточками, валютой, билетом и обоими российскими паспортами (заграничный и внутренний) затолкал в наколенный карман на шортах и тщательно застегнул его на тугой пластиковый замок. Кошелёк с небольшой суммой наличных положил в нагрудный карман. Купив вырезанную из натурального камня пуму, пяток пингвинов и красиво отделанную калебасу с бомбилье, отправился в отель. По пути по привычке хлопаю рукой по карману и... о ужас! Пусто!!!

Замок аккуратно застёгнут, а внутри ничего нет!

Взяв себя в руки, раз пять обшарил все остальные карманы, перерыл содержимое рюкзака, но, увы, — портмоне с документами и карточками исчезло. Я не могу в это поверить. Ещё раз всё предельно внимательно прощупываю — результат тот же! Но голова отказывается воспринимать очевидное. Она вопит: расстегнуть тугой замок и незаметно вынуть такой толстый бумажник невозможно! Я соглашаюсь и опять тщательно прощупываю каждый миллиметр, каждую складку шорт и рубашки, но ничего не нахожу. Последние сомнения исчезли — да, меня ограбили!

Анализируя, где и когда это могло произойти, вспомнил, что в толчее у прилавка на меня слегка надавили сзади, и я коснулся кого-то коленом. Видимо, в тот момент и вытащили...

Надо признать, карманники сработали безукоризненно. Расстегнуть тугой замок, вынуть портмоне, а затем ещё, словно в насмешку, застегнуть, и всё это за одну-две секунды — это высший пилотаж!

Ситуация для меня складывалась критическая, точнее — трагическая: из гражданина России я превратился в господина НИКТО. А утром рейс в Москву! Что делать? На ум почему-то пришло изречение: «Деньги потерял — ничего не потерял, друзей потерял — много потерял, здоровье потерял — всё потерял».

Оно успокаивает. У меня всё же не худший вариант. Здоровье не потерял! Друзей не потерял! Так что без паники! Надо действовать!

Ребята вызвали полицию. Выслушав и записав мой сбивчивый рассказ, сержант как-то неуверенно пообещал поискать. Понимая, что шансов на успех практически нет, садимся в такси и едем с Николаем в российское посольство. Оно располагалось в самом уважаемом районе Буэнос-Айреса и представляло собой солидный серый особняк с массивными дубовыми дверями, тяжеловесной мебелью 80-х годов. От всего этого на нас как бы пахло мощью страны под гордым и вызывающим уважение названием «СССР». Даже бакинский кондиционер 1986 года выпуска до сих пор исправно гнал в фойе прохладный воздух. Пока сидели в очереди, дежурный рассказал, что несколько лет назад перешли было на местные кондиционеры, но они часто ломались. Пришлось поставить обратно свои бакинские.

набережная Мар-дель-Плата

Нас принял вице-консул Литвиненко Роман Борисович, молодой дипломат лет двадцати восьми. Внимательно выслушав меня, он спросил: «Как докажете, что вы гражданин России?»

— Я здесь в составе группы российских туристов. Они могут подтвердить.

— Мне нужно документальное подтверждение. Я направлю запрос в Москву.

— Но самолёт завтра. Если я не улечу, то могу надолго застрять здесь — у меня же и деньги украли.

— Извините. Я обязан исполнять установленные правила.

Тут меня осенило:

— Роман Борисович, у вас есть Интернет?

— Конечно.

— Можете набрать в поисковике, например в «google», «ziganshin kamil» или просто кириллицей — «зиганшин камиль».

— Нет проблем!

Через несколько секунд на экране монитора высвечивается множество строчек с моей фамилией. Самая верхняя — «Сайт писателя Камиля Зиганшина». Зайдя на него, вице-консул по книгам, фотографиям и размещённой там биографии убедился в правдивости моих слов. Через пару часов временное удостоверение личности было в кармане. Ура! Слава Интернету! Спасибо и нашим дипломатам, иногда нарушающим инструкции!

Пока машинистка оформляла необходимые бумаги и заполняла удостоверение, мы обменивались впечатлениями с сотрудниками консульства о стране и людях. По мнению вице-консула, аргентинцы бесшабашней и безответственной россиян. В то же время в них много апломба, так, например, они убеждены, что их страна превосходит по уровню жизни и порядку другие южноамериканские страны.

По иронии судьбы в этот день у меня был день рождения. Вернувшись в гостиницу, я наскрёб по карманам 100 долларов и пригласил ребят в кафе поужинать. Зайдя в полупустой зал с необычным для питейного заведения названием «Финанс», стали осматриваться.

— Куда бы сесть? — задумчиво произнёс Петя Захаров.

— Да вот тут, в уголке присаживайтесь. Тихо, никто не помешает, — как-то совсем по-домашнему произнесла молодая русоволосая официантка.

Мы разинули рты от изумления, настолько неожиданно прозвучала здесь русская речь. Познакомились. Оказалось, Наташа родом из Керчи. Живёт тут уже одиннадцатый год. Она быстро принесла наш заказ, и я сходу осушил полный бокал водки. Прошло пять минут — ни в одном глазу.

— Всё правильно — организм испытывает сильнейший стресс, — успокоил Коля и налил ещё.

После второй порции немного отпустило. Попросил налить третью, но командор изрёк:

— А будет лишка.

Посидели душевно. Я даже на время забыл о ЧП. Наташа, выбрав момент, когда не было посетителей, подошла и спросила:

— Можно с вами посидеть? Соскучилась по своим. Они тут редко бывают.

Мы предложили выпить и ей, но она отказалась:

— Нельзя, я на работе.

И стала расспрашивать, что нового в России. Потом рассказала про свою жизнь в Аргентине. Привожу её историю почти дословно:

«У нас с мужем две дочери. В начале 90-х мы, как и многие, занялись с мужем бизнесом. Дела пошли хорошо, да рэкет стал доставать. Вот и подались в поисках лучшей доли на край света — на родину аргентинского танго. Выучили испанский язык, нашли работу, потихоньку встали на ноги. В квартире появилась бытовая техника, компьютер. Однажды приходим домой, а там голые стены — вынесли всё подчистую. За год опять подкупили самое необходимое для жизни. И снова всё вынесли, пока мы на работе были. Теперь ничего не покупаем: спим на матрацах, обходимся минимумом посуды. Денег поднакопим и домой вернёмся».

После этого Наташа отошла обслуживать новых клиентов. Когда мы рассчитывались с ней, её прорвало:

«Ребята, вы живете в России и не понимаете, что нет ничего красивее нашей страны! Столько лесов, рек! Уезжая, мы думали, что едем в рай, а выясняется, что эмигранты тут второй сорт, и мы вынуждены вкалывать на чёрных, самых низкооплачиваемых работах. Особенно обидно, что работаешь, работаешь, а в итоге у тебя всё отнимают. У нас в России одни проблемы, тут другие. Адаптироваться сложно. Многие из наших стали бомжами. Русская церковь некоторых принимает и помогает встать на ноги. Кто-то находит работу, но большинство опять опускаются».

Только первые два года интересно было. Тепло, красиво, а потом на родину стало тянуть. Проходит не так много времени, и все мечтают обратно вернуться. Наши школы лучшие: дети, что учились в России, здесь первые. Учителя то и дело бастуют, к детям равнодушны».

Что к этому добавить? Верно сказано: «Что имеем — не храним, потерявши — плачем».

УВЫ, ВСЁ ИМЕЕТ СВОЁ НАЧАЛО И КОНЕЦ. Оттого, что скоро буду дома и радостно, и грустно. Радостно от предвкушения встречи с родиной, близкими, а грустно оттого, что перелистывается очередная страничка «энциклопедии» об истории и географии нашей планеты.

За спиной тысячи километров, одаривших меня впечатлениями и информацией настолько щедро, что время, проведённое в Южной Америке, кажется целой вечностью! Невольно задумался, в чём причина такого несоответствия?

Поразмыслив, пришёл к выводу, что время для человека — это не только секунды и часы, но и то, что осталось в памяти. Чем больше впечатлений и эмоций (информационных блоков) «записано» в ней, тем более длительным воспринимается отрезок времени. Случается, что в иной минуте умещается час!

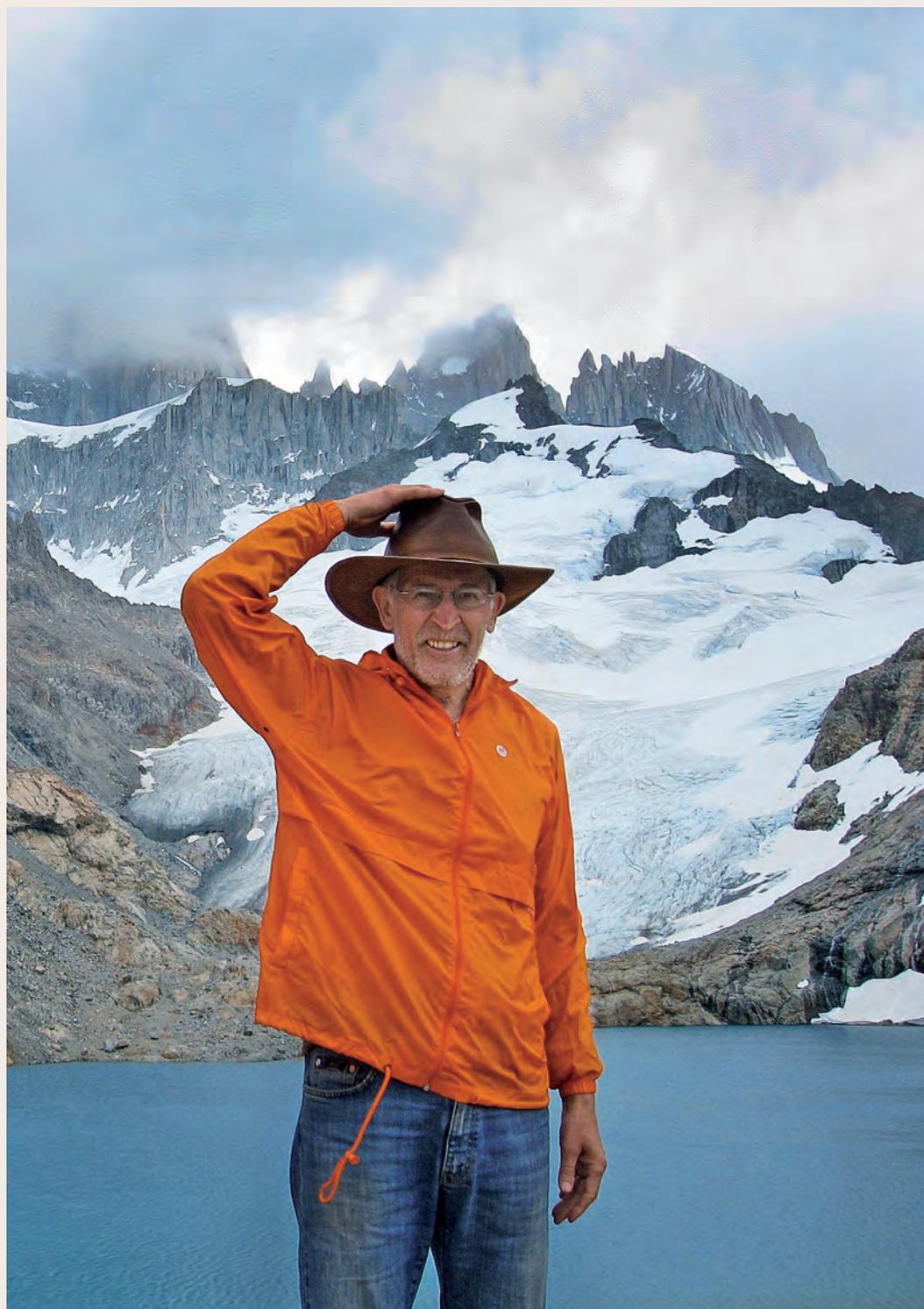
Чтобы сделать понятней эту мысль, приведу простой пример: человек, пролежавший в коме два года, придя в сознание, уверен, что прошло не более суток. Причина проста — мозг не фиксировал происходящих с ним в этот двухлетний период событий.

И ещё: как вы думаете, почему в детстве время течёт медленно-медленно, а по мере взросления его бег ускоряется? Да потому, что в детстве всё происходит **ВПЕРВЫЕ** и мозг фиксирует **ВСЁ**, что окружает ребёнка. Поэтому у того, кто прожил всю жизнь на одном месте, жизнь в разы короче (по ощущениям), чем у того, кто прожил столько же календарных лет, но много ездил, путешествовал.

Сравнивая природу Северной и Южной Америки с российской, могу со стопроцентной уверенностью утверждать, что в России она не менее красива и разнообразна. А наша Восточная Сибирь — это вообще неизведанная планета, которую только предстоит открыть человечеству.

Ещё я понял, что все люди одной крови. Что все хотят одного и того же: мира, работы, детей и взаимопонимания. Что для успеха путешествия главное — проявлять уважение к традициям и культуре посещаемых мест. Тогда даже неблагоприятные в криминальном плане страны пройдёшь без осложнений.

На этом, дорогие друзья, завершаю. Надеюсь, не разочаровал.

До новых встреч!

УДК 910.4
ББК 26.89
3-59

3-59 **На обратной стороне земли.** Уфа: Инеш, 2017. — 192 с. — с ил.
ISBN 978-5-903622-64-1
Знак информационной продукции 12+

УДК 910.4
ББК 26.89

Зиганшин Камиль Фарухшинович

НА ОБРАТНОЙ СТОРОНЕ ЗЕМЛИ

Редактор *Алексей Фенин*

Ответственный за выпуск *Гульнара Белозёрова*

Фото *Камиль Зиганшин, Shutterstock, Ernest Amoroso*

Корректор *Анна Сергеева*

Отзывы и замечания направлять — e-mail: ziganshin_kamil@mail.ru

Подписано в печать 17.10.17. Формат бумаги 70x100/16. Усл. печ. л. 15,6. Тираж экз.
Заказ .

ООО «Издательство «Инеш»». 450001, г. Уфа, пр. Октября, 2.
Отпечатано с готовых файлов.

ISBN 978-5-903622-64-1

© К.Ф. Зиганшин, 2017
© «Инеш», 2017